

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**Серия
“Философские науки”**

№ 4

Москва
Издательство МГОУ
2006

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**Серия
“Философские науки”**

№ 4

Москва
Издательство МГОУ
2006

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Горбунов В.С. - доктор философских наук, профессор
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Ям К.Е. - доктор философских наук, профессор
Демина Л.А. - кандидат философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент

**Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 4 (36). - 2006.
Выпуск в серии - №5. - М.: Изд-во МГОУ. - 188 с.**

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5).

ISBN ...

© МГОУ, 2006

© Издательство МГОУ, 2006

Уведомление ответственного редактора серии «Философские науки» Вестника МГОУ

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. – Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием «**Вопросы философии**», которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998-2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе – более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже – к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по *истории и философии науки* все номера Сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием – «**Вопросы философии науки и образования**» (Вышли №№17-20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь, (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии «**Философские науки**» (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета – «**Вестник МГОУ**». В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006г. выходят второй, третий, четвертый и пятый номера этой серии. И так – по 3-4 номера ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ», осуществляемых Издательством МГОУ, воспроизводятся ниже.

Правила для авторов статей

Для публикации в выпусках серий научных работ «**Вестника МГОУ**» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Объем статьи не ограничен. Однако рекомендуемый объем 0,5-1 п.л. (12-24 листов А4).

Тексты должны быть представлены в виде файла на дискете (3,5 дюйма), набранного с использованием редактора Win Word 6.0 или 7.0 и на бумажном носителе формата А4 (210x297) в 2х экземплярах. *Дискета должна быть новой или проверенной на вирусы.* Маркировка дискеты должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи.

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое – 2,5 см, правое и нижнее – 2 см. Отступы в начале абзаца – 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегель 14) в правом верхнем углу, ниже сведения об авторе (курсивом, кегель 14): название учреждения, где работает автор, должность, ученая степень,

ученое звание; ниже в центре название статьи (п/ж, кегль 14), далее текст без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Дискеты не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «*Примечаниях*» (литература в конце текста) - кегель 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете (диске) и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам.

Образец оформления первой страницы статьи:

*Иванов И.И.,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент*

Ноосферный анализ общества

Текст статьи.....

Стоимость публикации зависит от количества страниц в статье. В стоимость входит публикация статьи в Вестнике и один экземпляр журнала. За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или – при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ).

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович.

Адрес редколлегии серии «ФН» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 2611380. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru

Эти же адреса и телефоны следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), как и в вышеуказанных выпусках Сборников «Вопросы философии науки и образования» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Дырин А. И.,
Заведующий кафедрой философии МГОУ,
председатель докторского диссертационного философского совета
при МГОУ, доктор философских наук, профессор

Кафедре философии МГОУ- 75 лет!

Кафедра философии является фактически ровесником нашего вуза, ибо если он был создан 14 июля 1931 года, то первые 12 его кафедр утверждены были 14 декабря того же года. В их числе и кафедра философии. В годы Великой Отечественной войны в МОПИ, находившемся в эвакуации, были проведены определенные преобразования, затронувшие и кафедру. Однако вскоре после возвращения института из эвакуации в качестве самостоятельной структуры вуза была воссоздана (октябрь 1943 г.) и начала свою, теперь уже постоянную, деятельность и кафедра философии.

В разные годы на ней работали ведущие специалисты в области философского знания, известные педагоги А. С. Ахманов, Г. М. Гак, Ф. И. Георгиев, М. Ф. Овсянников, несколько позднее — О. Д. Волкогонова, А. А. Кокорин, В. А. Лось, а также прекрасные педагоги, кандидаты философских наук, доценты А. И. Анцышкин, Н. С. Бойко, Н. А. Венгеренко, С. Я. Сибилев, В. Д. Славко, В. В. Перерва.

В разные годы кафедрой заведовали доктора философских наук, профессора И. Д. Панцхава, В. Г. Баскаков, Л. Д. Шепуто, А. И. Компанец, Е. А. Лехнер. С апреля 1989 года кафедру возглавляет доктор философских наук, профессор, академик Международных академий наук высшей школы и педагогического образования (МАН ВШ и МАН ПО), академик Академии военных наук России Анатолий Иванович Дырин, удостоенный еще в 1985 году почетного знака «Отличник высшей школы СССР». Педагогическую работу в области философии он ведет также в Военном университете МО РФ. В МАН ВШ он возглавляет научное направление «Философия», а в МАН ПО является Академиком-секретарем Отделения философии, членом Президиума академии. В апреле 2005г. ему был вручен диплом и лауреатский знак Форума «Общественное признание», а годом раньше он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

Подготовка научно-педагогических кадров по философским специальностям осуществляется кафедрой через аспирантуру и докторантуру. С 1993 года в вузе плодотворно функционирует докторский диссертационный совет, принимающий к защите исследования по истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии. За период с 1994 года по 2006 год проведено более 100 защит, в том числе 34 - докторских. В составе совета, возглавляемого А. И. Дыриным (ученый секретарь совета с 2004 года — кандидат философских наук, доцент Демина Л. А., докторант кафедры) аттестацией научно-педагогических кадров занимаются все 15 членов диссертационного совета — доктора наук, профессора. Подчеркнем еще раз, что большая часть членов совета активно и весьма эффективно выполняет обязанности и научных руководителей по кандидатским и/или научных консультантов по докторским работам.

На кафедре — на конец 2006г. — 8 аспирантов и соискателей, большая часть которых обучается на договорной основе. В том числе: аспирантов дневной (очной) формы обучения - 2, аспирантов заочной формы обучения — 2, соискателей — 4. Из штатного состава кафедры 4 доцента выполняют докторские исследования, однако, на «подходе» к ним еще 3 более молодых доцента.

Научными руководителями аспирантов и соискателей, научными консуль-

тантами докторантов выступают все доктора, профессора кафедры и самые опытные кандидаты наук, доценты. Но к руководству и консультированию привлекаются также и все другие члены докторского диссертационного философского совета Д.212.155.08, созданного при МГОУ еще в октябре 1993 года. В том числе доктора наук, профессора Беркут Виктор Петрович, Горбунов Владимир Семенович, Деникин Анатолий Васильевич, Кокорин Александр Алексеевич, Копосов Лев Феодосьевич, Лоза Григорий Григорьевич, Михалкин Николай Васильевич, Огородников Юрий Александрович, Пирогов Александр Иванович, Сейранян Феликс Гайкович, Смоленский Николай Иванович, доцент Демина Лариса Анатольевна.

В 60-х годах XX века преподаватели кафедры помещали свои научные и научно-методические работы в «Ученых записках МОПИ». С 70-х годов в институте выпускались тематические сборники, а с 1997 года кафедрой регулярно издаются Сборники научных статей преподавателей, докторантов, аспирантов, соискателей, в том числе и из других вузов России, под общим названием «Вопросы философии» (как правило, 3—4 выпуска в год). Впрочем, в год 70-летия МПУ и кафедры (2001 г.) вышло 5 таких Сборников, в 2002 году — 6, в их числе два Сборника изданы уже с грифом МГОУ. С 2003 г. эти Сборники выходят под новым названием — «Вопросы философии науки и образования» (2-3 номера в год). Всего к концу 2006 г. выпущено 20 сборников. В них публикуют свои научные статьи прежде всего аспиранты и соискатели МГОУ и других вузов России и стран зарубежья.

Что же касается докторов, доцентов, профессоров и докторантов нашей кафедры и других научно-преподавательских коллективов России и зарубежных стран, то уже несколько лет университетом выпускается «Вестник Московского государственного областного университета», ставший с 2005 года журналом *подписанным* и, как принято говорить, *ваковским, рецензируемым*, в котором и должны публиковаться основные результаты докторских диссертационных исследований. Вестник выпускается сериями («Филологические науки», «Философские науки» (Первый выпуск этой серии «Вестника...» объемом 202 страницы вышел в мае 2005г.), «Физико-математические науки», «Биологические науки», «Педагогические науки» и т.д.). Средний объем выпусков серий «Вестника...» - 170-180 с.

В 2006 году редакционная коллегия серии «Философские науки» обеспечила выпуск четырех установленных годовым планом номеров — два в первой половине года и два во второй. С 2007 года и подписка будет проводится (на второе полугодие) не на «Вестник...» в целом, а на его серии. Приглашаем авторов и прежде всего докторантов к сотрудничеству. Мы рады будем Вашим хорошим статьям. Ответственным редактором серии «Философские науки» является профессор Дырин А.И. Электронный адрес редакции Dyrin@mail.ru

Сегодня на кафедре философии теперь уже МГОУ как наследника лучших традиций, достижений, и, конечно, задач и проблем МОПИ - МПУ работают высококвалифицированные педагоги и исследователи: доктора наук, профессора, кандидаты наук, доценты, два старших преподавателя (оба соискатели). Состав кафедры в год нашего юбилея таков: заведующий кафедрой - Дырин Анатолий Иванович, доктор философских наук, профессор, председатель докторского философского диссертационного совета (Д. 212. 155 08) при МГОУ; Бузук Геннадий Леонидович, Семаева Ирина Ивановна — доктора философских наук, профессора, профессора кафедры, члены философского диссертационного совета; Алехина Евгения Викторовна, Бажанова Ирина Михайловна, Бондарева Яна Васильевна, Горбунов Александр Сергеевич, Демина Лариса Анатольевна (ученый секретарь философского диссер-

тационного совета), Загребин Михаил Вячеславович, Карпова Нина Павловна, Макеев Сергей Викторович, (совместитель); Песоцкий Владислав Анатольевич – все кандидаты философских наук доценты, Ярославцева Галина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Архангельская Наталья Олеговна и Олексюк Анна Владимировна – старшие преподаватели.

Именно в нашем кафедральном коллективе «выросли» профессора, доктора философских наук Г. Л. Бузук и И. И. Семаева, кандидаты наук, доценты Я. В. Бондарева, А. С. Горбунов, Л. А. Демина, Н. П. Карпова, Г. В. Ярославцева, защитили свои диссертации аспиранты Д. И. Аксеновский, М. Р. Галиев, М.И. Горидько, Г.В. Кизюн, Е. В. Лебедева, Е.А. Макеева, А.А. Федоренко, В.Д. Шаколюкова и др., докторанты В.П. Беркут, З.Д. Деникина, Р.Н. Ибрагимов, Е.Е. Михайлова, соискатели – М.В. Красильникова, С.Н. Михалкин, В.И. Наседкин и др.

На факультетах университета кафедра читает ряд учебных курсов, и прежде всего — собственно философию (история философии и систематическое, выводное философское знание) и культурологию (как философию и теорию культуры, историю мировой и отечественной культуры и основную проблематику современной культуры). И все последние годы (несмотря на сокращение часов и преподавателей) кафедра обеспечивала изучение студентами логики, этики, эстетики, религиоведения (как философии религии и истории религии), а также ряда факультативных спецкурсов. В частности, историю православия и православной культуры и философию человека, религиозно-философскую мысль России XIX—XX столетий, философию конфликта (применительно к педагогическим коллективам и системе образования в целом).

Что же касается аспирантов, то профессорский состав кафедры ежегодно читал им спецкурсы (общим объемом 110—116 часов) по истории мировой и отечественной философии, онтологии и теории познания, социальной философии, философии науки, а также по методике подготовки диссертаций. С октября 2005 года (в связи с введением нового экзамена кандидатского минимума) — спецкурсы по философской части дисциплины «История и философия науки» — 42 часа по общим проблемам философии науки (профессор Дырин А.И.) и 26 часов по философским проблемам социально-гуманитарных наук (профессор Бузук Г.Л.) и — эти же — 26 часов по философским проблемам естественно-математического знания (доцент Демина Л.А., с сентября 2007 года.)

Коллектив кафедры надеется, что с развитием МГОУ как университета классического типа философско-методологическая подготовка наших студентов и аспирантов будет расширена и углублена, поднята на новый, более высокий уровень. Словом, в нашей общей работе должно быть достигнуто новое качество. И не когда-нибудь, а в ближайшей перспективе. В связи с этим подчеркнем лишь один пункт плана развития кафедры философии МГОУ на очередные 5 лет (период 2004-2008 годов), его первую и основную задачу.

Первая и основная задача — это завершение подготовки комплектов документов (и в первую очередь программ) для лицензирования специальностей «философия» и «религиоведение», создание и совершенствование учебно-методической базы для них, подготовка и переподготовка кадров для готовящегося к открытию в МГОУ нового факультета — философско-религиоведческого. Именно в этих прежде всего целях осуществляется и переподготовка всего нашего преподавательского состава в ИППК при МГУ им. М.В. Ломоносова. По философии все без исключения преподаватели кафедры прошли переподготовку в 1999 и 2004 годах. А в первой по-

ловине 2005 года весь коллектив кафедры прошел - в том же ИППК – переподготовку по истории и философии науки. Аспирантура и докторантура по философским специальностям будут расширены и открыта подготовка по специальности «религиоведение». Таковы наши перспективы как научно-педагогического коллектива университета. Впрочем, на сегодняшний день все эти пункты фактически уже реализованы, все уже создано, подготовлено. Дело лишь в отсутствии необходимых учебных площадей. И все же юбилей – это хорошо, это приятно и радостно: три четверти века – это Юбилей!

Раздел 1.

**Проблемы социальной философии и философской проблематики
социогуманитарных наук**

Аверьянова Г.Н.,

*Камский политехнический институт,
доцент кафедры философии,
кандидат педагогических наук*

Сущность социализации через образование

Прояснение вопроса о сущности – структуре – социализации связано с осмыслением основных составляющих процесса, детерминирующих формирование личности. Как отмечалось, образование как никакой другой институт способствует оформлению социально значимых качеств личности, поэтому выяснение механизма социализации имеет важное значение для оценки отличительных черт «взаимодействия» личности и общества.

Сущность социализации – в подключении индивида к социальному опыту, результат социализации – масштабное участие человека в воспроизводстве жизни.

Социализация индивида, приобщение к миру культуры опирается на определенный тип трансляции достигнутого опыта в форме образования, воспитания.

Образование выступает целенаправленной передачей знаний и культурных ценностей, служит адаптацией человека к существующей общественной системе.

Сущностная задача образования состоит в поиске взаимосвязи между физическим (природным, включая психофизиологию человека) и семантическим (включая духовность) мирами. Применительно к логике учебного процесса данная задача решается на пути развертывания знаниевого начала в логике любого живого содержания: образ человека сливается с образом культуры, знание идет рука об руку с переживаниями, интуиция – с логикой, а интеллектуальное существование непосредственно смыкается с экзистенциально-эмоциональными пластами человеческой души.

Фактически личность находится в «котле» социальных смыслов, которые облечены в культурные формы. Совершая постижение смысла, человек входит в языковое пространство семантического генофонда культуры. Он преобразует эти смыслы, оказывается способным совершать действия, порождаемые новыми смыслами. Ученик также способен к конструированию новых текстов и раскрытию через них новых смыслов, создающих отличные от заданного условия бытия человека.

Социализация индивида средствами образования включает в себя не только фазу адаптации, но и фазу интериоризации как процесса прояснения смыслов, включенности социальных норм и ценностей во внутренний мир человека. Личность не растворена в социальной среде, а относится к ней как самостоятельная социальная единица.

Современные изменения оценки социализации через образование связаны с пониманием качественных оснований новой образовательной парадигмы. Традиционная парадигма образования предполагала социально-структурную модель образования, которая сводилась к «машине» по сортировке людей по будущим социальным ролям.

В этой парадигме не была развита ценность самоутверждения личности как выражения подлинности бытия, связанного с поисками внутри своего «Я» факторов постоянного развития, а также стремлением найти основы «диалогового» отноше-

ния к другим. Сегодня образование следует расценивать как социально-культурный процесс, в котором каждому человеку предоставляются только ему присущие возможности вживаться в многообразие миров, найти свою внутреннюю сопричастность с ними (что достижимо через полифонию языков).

Данное понимание социализации посредством образования – в своем роде эволюционное завоевание. В истории человеческой культуры, цивилизации происходило постепенное становление высшего образования в качестве формы и фактора социализации.

В древности социализация посредством образования понималась как приведение образа мысли ученика к определенному каноническому образцу. Так в то время выражалась потребность в образованном человеке.

При подобном подходе личность рассматривалась как объект воздействия. Цель образования заключалась в достижении социализации личности как усвоения ею стандартов, отвечающих социальным потребностям. На уровне целей и содержания образования человек представлял типической единицей общественного целого.

В Средние века античное наследие ассимилировалось. Христианская религия и господствующее мировоззрение оказали соответствующее влияние на систему социализации. В это время высшим уровнем социализации стали университеты. Образовательная социализация выведена на уровень всеобщности. Образцы образования признавались одинаковыми для католической Европы.

Сущность социализации через образование осталась вроде бы и прежней, но существенно изменилась. Система высшего образования главным направлением социализации предусматривала духовное. Формировался специфический тип средневековой образованной личности. Социальные типы личности соответствовали типам институциональных объединений со строго определенным родом деятельности и образом жизни.

Средневековый образ высшего образования стал фундаментом образовательной социализации в эпоху Возрождения и Нового времени. Гуманистические теории ориентированы на индивидуальность. Идеал личности – всесторонне образованный, интеллектуально развитый человек.

Образование становится многопредметным, многоплановым. Доминирующее положение занимает наглядное обучение. Социализация через образование в результате обеспечивала иное ощущение личности в индивидуально-личностном плане. Образование давало возможность осознавать оригинальность, индивидуальность, неповторимость, которые оказывались возможными в условиях свободы от диктата социального окружения.

Новое время характеризуется глубокой дифференциацией форм и типов образования. Впервые образование функционирует как социальный институт.

Учение о «естественном состоянии» человека способствует его пониманию в качестве исходной нормы, модифицируемой развитием культуры. Личностное предстает своеобразным синтезом естественного состояния и культуры, что способствует складыванию особого понимания соответствующей системы образования.

С XVII в. происходит формирование тенденции, согласно которой человек рассматривается с позиций той функции, которую он выполняет в обществе. В этот период складывается разграничение людей по их частным способностям.

Потребности общества в образовательной социализации возрастают. Основной чертой образования становится массовость. Для XIX в. тенденция превращается в поиск идеального соотношения между реальным и классическим образованием,

между образованием, нацеленным на воспитание личности для общества, и образованием, формирующим личность «над» ним. Противоречие находит отражение в поиске гармоничного общества, для которого необходимы особые меры социального переустройства. Общество, ориентированное на равенство, реализует соответствующую политику в образовании. Так достигается гармония личности и общества.

В XX в. в силу того, что сфера образования как отрасль общественного производства носит индустриальный характер, человек понимается в ней как продукт образовательного процесса, направленного на удовлетворение потребностей промышленности и сферы услуг.

Высшее образование направлено на производство необходимых обществу профессионалов во всех сферах деятельности. Главной чертой образовательной социализации становится профессионализация.

Образованию как форме социализации в современном обществе принадлежит значимая роль. Социализация – процесс становления личности посредством приобщения к культурным и социальным ценностям и отношениям, составляющим основу человеческого бытия. Основу социализации составляет целенаправленное овладение знаниями, опытом в учебном процессе, в результате которого человек становится личностью.

Человеческий индивид становится личностью в ходе социализации - совместно реализуемой деятельности через систему социальных взаимодействий. Цель социализации - подключение индивида к социальному опыту. Средство социализации - кооперация. Результат социализации - воспроизводство человеческой жизни.

Личность формируется в результате вовлечения индивида в контекст общественных связей. Личность - индивид общественный. Быть личностью - значит вступать в диалог, общаться диалогически. Когда диалог кончается, кончается общественное, кончается личность. Личность реализуется в бытии коллективно значимом, побудительном, сообщающемся. Благодаря приобщенности к данной стихии и нужно судить о природе человеческого индивида как личности.

Вне конкретных социальных общностей личности не существует. Личность поэтому есть общественный статус, обусловленный местом, функцией, ролью индивида в групповом целом. Место человека вообще - «всегда открыто». Место конкретного человеческого лица всегда занято. Его задействование в социальном целом опосредовано такими мощными коллективными началами как мышление, экзистенция, труд, язык, то есть становление личности опосредовано социальностью.

Личность есть вовлеченность в межсубъективные отношения, в то же время - реализация в социальном функционировании автономного «я». В первом случае речь идет об аккультурации, в другом - об индивидуации.

Аккультурация - процесс овладения достижениями человечества, культивирование в индивиде исторически сформированных гуманитарных качеств. Осуществляется через воспитание, обучение, стихийное жизненное влияние, в результате чего происходит регуляция самопроявлений индивида в зависимости от его приобщенности к социокультурному опыту.

Образование выступает как соответствующий образ действия, идеал и форма необходимого взаимодействия общественных сил или общественных отношений, задаваемых самой социальной структурой общества.

Образование можно определить как процесс передачи ценностей, навыков, знаний от одного человека или группы другим. Здесь необходимо учитывать следующие важные параметры. Во-первых, состояние и динамику социокультурных

процессов, отражающихся на сфере образования. Во-вторых, законы, принципы, механизмы, технологии обучения социокультурной действительности. В-третьих, взаимодействие системы образования с другими сферами общественной жизни.

Процесс обучения и познания в целом является одним из элементов включения индивида в социокультурное пространство, характеризующееся соответствующими смыслами и значениями культуры общества, нормами и принципами социально-культурного взаимодействия. В одном случае приоритет в социализации индивида отдается требованиям социума, а в другом – потребностям, интересам и способностям самого индивида. Сама индивидуальность рассматривается как результат развития общества или как самореализация внутренних (природных или других) потенций самого индивида.

В одном случае индивид рассматривается как природное существо, наследующее социальные нормы и смыслы культуры, во втором – как изначально духовное существо.

Длительное время образование рассматривалось через призму социальной структуры общества и складывающихся на ее основе социальных отношений. Учение, образование рассматривались не как структурные составляющие социализации, а как некая самостоятельная сущность, как технология целенаправленного психолого-педагогического воздействия на личность вне всякой связи с процессом усвоения индивидом ценностей. Процесс образования предполагает присвоение той общественной формы, в которой она функционирует, той системы общественных связей, которые отображены в ценностном отношении.

Социологические проблемы образования с точки зрения подобного подхода – это проблемы взаимодействия системы образования как социального института с обществом как глобальной социальной системой. Ценностный аспект познания как упорядочивающее, организующее, направляющее начало в развитии субъекта оказывался невостребованным.

С позиций структурно-функциональной теории рассматривалось взаимодействие системы образования с производительными силами общества и производственными отношениями. При этом дифференциация предметной области происходила главным образом в рамках деятельностного подхода.

Работы на стыке социологии, социальной психологии и психосемантики, посвященные исследованию «жизненного пути», «жизненных целей», «жизненного выбора» и «личностного самоопределения» наметили переход от структурно-функционалистских к феноменологическим и экзистенциалистским концепциям. Среди проблематики – «социальная зрелость», «становление личности», «образ жизни», «социальная активность», «социальное формирование», «формирование личности», «социальный облик». От тематики «социального контроля» и «социального управления» осуществляется поворот к социокультурным аспектам воспитания, предполагающим изучение культурной традиции и ценностей культуры в целом, роли образования в формировании качеств личности учащихся в частности.

Происходит процесс переосмысления основных целей образования, своеобразная смена идеалов: от «человека образованного» к «человеку культуры», спрягающему в своем мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные, смысловые спектры.

Соответственно изменяется содержание образования. Преодолевается долготное господство мировоззренческого монизма в осмыслении проблем социализации индивида; происходит отход от педагогического натурализма, в основе со-

вершенствования учебно-воспитательного процесса и всей системы образования рассматривается личность, ее природные силы и задатки, характер, интеллект, воля. Индивидуальность рассматривается как результат социально-культурного развития, жизненного самоопределения в системе социальных ценностей, нравственно-правовых и иных норм, эстетических вкусов, культурных традиций.

Мировоззренческий плюрализм позволяет избежать тех перекосов, которые неизбежны при абсолютизации роли социально-детерминистских, структурно-функционалистских позиций в образовании: вместо выбора социальных действий, адекватных конкретной ситуации, времени и культурным ценностям господствовала идеология, общество представлялось как «закрытая система», регулируемая исключительно нормативно-рационально.

Сегодня идеологические установки все больше сменяются конкретным анализом социального пространства и времени жизнедеятельности социальных групп и отдельных индивидов.

Существенные изменения представлений о новой реальности стимулируют возникновение новых практик учебно-воспитательного процесса. На смену традиционной педагогике, ориентированной преимущественно на развитие природных задатков и способностей через психолого-педагогическое воздействие на внутренний мир ученика, приходит социальная педагогика, которая совершенно по-иному проектирует модель постановки педагогических проблем, иначе определяет пути, методы и способы их решения. Эпоха, когда проблемы образования и способы их разрешения определялись в развитии разума человека как основы всякой культуры, сменяется установкой, когда разум оценивается в ракурсе результата социально-культурной эволюции, традиции, изменения социальной среды.

Примечательной особенностью времени является тот факт, что социальная педагогика оценивается как разновидность социальной технологии целенаправленной социальной работы по самоорганизации разумной, продуктивной и нравственной жизни личности. Тогда, когда социальная работа в целом нацелена на улучшение социальных условий жизни, основными задачами социальной педагогики являются следующие ориентиры: во-первых, социально-педагогический анализ социальной структуры общества; во-вторых, изучение воспитательных возможностей жизненной среды человека; в-третьих, анализ воспитательных процессов в больших социальных группах; в-четвертых, разработка теории и методов социального воспитания как фактора содействия разумной самоорганизации жизни личности; в-пятых, определение организационных форм социально-педагогической работы и содержания подготовки социальных педагогов.

Социология образования и социальная педагогика в данном случае выступают как теория и практика, социальная диагностика социально-образовательных процессов, конкретная методика их организации. Круг рассматриваемых вопросов не замыкается на социальном институте образования, расширяется до организации социально-педагогической работы в системе реальных отношений власти, собственности, производственно-трудовых отношений, отношений управления, распределения и так далее. Социолог и социальный педагог призваны моделировать цели социально-педагогической деятельности, разрабатывать конкретные технологии их реализации. Характер расселения, социально-культурные традиции, прогноз влияния на функционирование системы образования и воспитания образа жизни, потребностей, интересов и т.п. - все имеет важное значение для изучения.

Необразованный человек не может воспринимать мир культуры в его разно-

сторонности и глубине. Как отмечал Гегель, «необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания. Его глаза закрыты, и он не видит того, что лежит у его ног. Это только субъективное видение и постижение. Он не видит суть. Он лишь приблизительно знает, какова вещь, да и то не как следует, потому что только знание всеобщих аспектов направляет человека на то, что нужно рассматривать главным образом». При формировании мировоззрения личности образование выступает ее ядром, смысловым центром.

Назначение образование в социализации – становление личности. Образование – одна из форм социализации человека, формирования его социального лица, т.е. личности. М.Шелер характеризовал сущность человека в терминах «человек образующийся». Образование предстает определяющим условием в становлении собственно человеческих свойств.

В социализации, превращении индивида в личность, индивид расширяет границы своего соприкосновения с миром. Образование следует рассматривать как внутреннее освоение полученных сведений о мире и о себе. Образование и воспитание предстают формами социальной деятельности индивидов по расширению знаний, квалификаций, постижения высших достижений социума в области науки, культуры, искусства. В основании квалификации, компетентности, специального знания находится образование.

В процессе образования человек не просто внешне усваивает определенный объем знания, но под его влиянием меняется сам. Личность не сводится к тому, что дают образование и воспитание, поскольку все формы общественного сознания направлены на формирование личности. Знания становятся частью личностной структуры человека. Знание как результат образования расширяет мир личности, вводит в него опыт прошлого и настоящего. Через образование человек приобщается к культурным традициям. Личность становится более разносторонней и глубокой: человек, расширяя мир своей культуры, должен усвоить результаты науки, техники, и т.д., сделать достигнутый обществом уровень культуры своим личным достоянием.

Цель образования – культивация на стадии предтрудовой социализации ответственной личности, подготовленной к продуктивной деятельности в социуме. Через образование человек реконструирует реальность, делает ее своим достоянием, вырабатывает способы освоения предметного и интеллектуального мира. В таком процессе все культурные ценности становятся ценностным достоянием личности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
2. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
4. Wrong D. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. 1961. Vol.26.

Г.Н.Аверьянова. Сущность социализации через образование. Статья посвящена раскрытию вопросов об особенностях образовательной социализации. Социализация посредством образования оценивается как существенный этап формирования как личности, так и ценностного фундамента социального развития.

G.N.Averjanova. Socialization through education. The article was contented the question about educational socialization. The socialization through education was estimated as general aspects of the evolution of the person and the basis values of the social dynamics too.

Алдошина М.И.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
общей педагогики Орловского государственного университета

Философский контекст этноэстетического развития личности будущего преподавателя в университете

В современной социокультурной ситуации, в свете модернизации высшего профессионального образования представляется реальным движение университетского образования к качественно новому состоянию на определенных методологических основаниях. Рубеж тысячелетий, современные процессы глобализации, кризис постиндустриального общества и образования определяют одной из таких констант культурологический принцип.

Гуманистическая модель образования подразумевает основным своим принципом развития личности культурологический, целью которого является становление профессионального творчества и профессиональной культуры. Культурологический подход – это видение человека через призму понятия культуры, которое позволяет рассматривать его в учебной и внеучебной воспитательной деятельности как свободную, активную личность, способную к самодетерминации в видении других личностей и культуры в результате общения с ними. Культурологический подход позволяет педагогам сосредотачивать свое внимание на человеке, как субъекте культуры, ее основной составляющей, способной в моменты диалога с произведениями культуры по вопросам бытия вмещать в себя не только «старые» сущностные ценностные смыслы, но и одновременно производить новые, неведомые миру. При таком подходе сфера деятельности человека, его бытия, в которой осуществляется создание, восприятие и воспроизведение произведений, рассматривается как культура.

В качестве методологической доминанты исследования мы избрали культурологический подход, основные положения которого изложены в трудах А.И.Арнольдова, М.М.Бахтина, В.С.Библера, П.С.Гуревича, Л.А.Закса, М.С.Кагана, Д.С.Лихачева, А.Ф.Лосева, Ю.М.Лотмана, М.К.Мамардашвили и др. Данный подход позволяет рассматривать явления педагогической и эстетической культур в едином контексте и наиболее соответствует диалогической сущности культуры. Логика исследования построена на диалектике общего, особенного, отдельного и единичного, что способствует органичному включению предмета исследования в круг проблем формирования профессионально-педагогической культуры студентов.

Культура выступает тем механизмом, который способствует формированию личностного начала в человеке. Подчиняясь логике нашего исследования, необходимо охарактеризовать понятие культуры как смыслообразующего, охарактеризовать историю становления процесса эстетического формирования личности в России и за рубежом и такой аспект данной проблемы, как эстетическая ценность народного искусства, а затем остановиться на проблеме слияния эстетических, этнокультурных и педагогических оснований образования специалиста.

Слово «культура» – одно из самых многозначных понятий, вошедших в научный аппарат. В конце XIX века П.Ю.Милоков во введении к «Очеркам по истории русской культуры» отмечал существенные расхождения в понимании самой сущности культуры: одни ученые сводят ее к «умственной, нравственной, религиозной жизни человечества» и соответственно противопоставляют ее историческое развитие истории материальной деятельности, другие же используют понятие «культу-

ра» в его изначальном, широком значении, в котором оно охватывает «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую».¹

Анализ философских исследований позволил обнаружить сложившиеся к 21 веку концепции культуры:

- антропологическую, в рамках которой понятие культуры противопоставляется понятию природы: культура, как привнесение чего-то в природу человеком (А. Дистервег), как совокупность особенностей, присущих человеку (Э.Тейлор), как отличие человека от животного (В. Освальд), как универсальный способ человеческого бытия (Т.Ф.Кузнецова);

- естественно-научную, в соответствии с которой в природе есть духовное, эстетическое начало, есть поэзия (В.Г.Белинский), природа, как источник духовности, культуры (Д.С.Лихачев), культура, как система, гармонизирующая, противоборствующая, взаимосвязывающая отношения природы и социума (Ю.Н.Давыдов);

- ценностную, при которой культура рассматривается в виде совокупности духовных и материальных ценностей, выработанных людьми, основными из которых являются добро и красота (Н.К. Рерих), идеалов совершенствования человека (А. Швейцер), реализации идеально-ценностных целей, осуществления идеала (А.А.Зворыгин, Г.П.Францев, Н.З. Чавчавадзе);

- социологическую, в рамках которой культура рассматривается как понятие коллективное, как форма общения между людьми (Ю.М.Лотман, К.Леви – Стросс), как совокупность общественных отношений (Ю.Л.Афанасьев);

- лично-деятельностную, основой которой выступает культура, как процесс саморазвития человека, развертывания реализации его творческого потенциала (Э.А. Баллер, Н.С.Злобин, В.П.Иванов, В.М.Межуев), способ освоения человеком мира, способ человеческой деятельности (В.Е.Давидович, Ю.А.Жданов, З.С.Маркарян, В.С.Семенов), творческая, созидательная деятельность человека (Ю.Р.Вишневецкий, Л.Н.Коган), совокупность материальных и духовных предметов человеческой деятельности, духовных процессов, видов деятельности (Э.В.Соколов);

- диалогическую (М.М.Бахтин, В.С.Библер), в которой формой существования общества рассматривается диалог, сосуществование разных культур, ;

- интегративную, характеризующую культуру как целостную вариативность, вследствие чего исследовать необходимо все многообразие ее проявлений в комплексе (М.С.Каган).

Этимологический анализ термина позволяет раскрыть различные понятийные грани культуры, выявить ее творческую сущность, процессуальную природу, деятельностный характер, обнаружить разнонаправленные векторы саморазвития, сочетание тенденций к развитию, созиданию и сохранению старого, его канонизацию. Во взаимодействии и зависимости изменения и сохранения, динамики и статики, традиционного и инновационного отражается диалогичность, полифункциональность, целостность культуры, ее внутренняя диалектика. Культура – это исторически сложившийся определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие культуры выражает творческую деятельность всего человечества в целях создания ценностей, определенных норм поведения, различных знаковых систем и т.п. В более узком смысле слова понятие «культура» означает достижения в области техники, материальных

ценностей, производственного опыта человека. Последние объединяются понятием материальной культуры. Достижения человечества в области науки, искусства, литературы, морали, образования, составляют понятие духовной культуры. Как понятие историческое, «культура» находится в постоянном движении и развитии. Она создается на основе многовекового опыта народа и передается из поколения в поколение, отшлифовываясь, закрепляя традиционные, повторяющиеся черты, и приобретая новые. Обязательной чертой данного процесса является сохранение самобытных особенностей культуры и ее народных корней.

Интересными в контексте нашего исследования являются характеристики понятия «культура» известных деятелей церковного искусства. Архимандрит Зинон пишет: «Существует понятие «церковная культура», не совсем ясное для меня. Слово «культура», смысл его, как раз и является суррогатом церковности»². Он опирается здесь на понимание, связанное с концепцией П.А.Флоренского (культура – опавшие листья культа). Мы же под этим выражением разумеем первопричинное: возделывание, обработка чего-либо, воспитание, развитие, т.е. то, чем Церковь, по ее собственному признанию, и занималась в своей практике на протяжении последних 2000 лет. Однако, двигаясь в этом направлении, легко причислить и саму Церковь к культуре, что некоторые исследователи в России делали и делают. Однако, «возделывание» понимается как сакральный акт, а не трудовой процесс. Это акт переживания истины, в связи с чем, исходя из христианских воззрений, церковная культура и является выражением веры. Она не ограничивается имманентным «возделыванием», подразумеваемым материалистами, а простирается в область трансцендентного. Если культуру понимать как «трудовой процесс», то она неизбежно оборачивается цивилизацией, «в которой неизмеримо больше, чем в культуре виден отход от Бога, начатый Каином и его потомками – «отцами» тех или иных занятий»³. В рамках данного подхода церковность определяет отношение человека к Церкви: воцерковлен человек или нет. А взаимозависимость «культуры» и «церковности» означает уже степень воцерковленности, ее качество. Поэтому «слово «культурный» в русском, английском и немецком языках обозначает так же «образованный», «воспитанный»⁴

Теологизм связывает духовность с сакральным началом, мировым разумом и делает ее присущим только людям, верующим в высшие, божественные силы. Парадигмальную установку теологизма отличает целостный взгляд на человека во всей его тотальности. Подлинный смысл человеческой жизни заключается в устремлении к Высшему, Абсолютному Инобытию; в служении ему с целью осуществления Его в мире. Исходным полагается духовное начало в человеке, составляющее основу бытия человека во всех его измерениях. Всему человеческому роду после грехопадения, с позиций христианской антропологии, присуще искажение подлинной человеческой природы, поэтому в своем наличном бытии конкретный человек обнаруживает греховность в качестве духовной болезни. Следовательно, становление человека как целого возможно посредством духовной работы, направленной на преодоление сил греха. Духовность не может быть врожденной, но, будучи родовым человеческим качеством, воспроизводится в процессе жизнедеятельности благодаря трансляции духовных ценностей предыдущими поколениями.

Определение вектора развития русской цивилизации, сценариев прогнозирования и позитивного влияния на нее, особенно в эпоху социальных перемен, выявление духовных констант русского культурного наследия способствует созданию прочного фундамента российского общества и российского образования, свободно-

го от культурных и идеологических предрассудков. «Если человек выпал из контекста культуры (или не был в него включен с самого начала), то процесс обучения будет очень труден для него»⁵.

Совершенно обоснованной в этой связи предстает глубокая внутренняя потребность обращения к богатейшим истокам отечественной культуры. Не вызывает сомнения необходимость переосмысления ее наследия, определяя как отвергнутые, так и заимствованные (чуждые) элементы, а также те, которые составляют для науки подлинную ценность. Это особенно важным становится сегодня в связи с формированием структуры национальной ментальности, утверждением новой парадигмы духовности личности, что определяет стратегию развития российского общества, культуры и образования.

Опираясь на взгляды и суждения русских философов Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, П.А.Флоренского, С.Л.Франка и др., педагогов и психологов П.П.Блонского, Л.С.Выготского, С.И.Гессена, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна и др., зарубежных ученых К.Пэттерсона, К.Юнга и др., мы пришли к выводу, что творцом, потребителем и носителем культуры является личность, а экстраполяция на объект нашего исследования - творцом, потребителем и носителем этноэстетической культуры выступает личность преподавателя. Культуротворческая функция личности педагога состоит в том, что личность творит сама себя, самообогащается и создает условия не только для своей жизни, но и для последующей трансформации мира в целом и культурной среды в частности.

В философском понимании личность, как природно-социальный тип человека, характеризуется сущностными силами, биоэнергией организма и социумом. Генетическая субстанция индивида и внешние природно-социальные условия составляют диалектическое единство личности, обнаруживающее противоречивые тенденции. Личность развивается в нужном обществе направлении, если она находит и согласует свой индивидуальный путь становления, обладает способностями, волей, энергией и интеллектом, т.е. когда совпадают потребности развития индивида и внешние условия социума. Однако последние могут оказывать негативное влияние на развитие психических ее качеств, когда происходит обесценивание добросовестного труда, удовлетворение эгоистических потребностей любыми способами, коррупция и протекционизм в управленческих структурах. Поэтому, все настойчивее звучат требования общественности заменить залежалую, пошлую, порой бесстыдную, примитивную и обольщающую продукцию зарубежных компаний, мелодрамы, мыльные оперы, однообразные детективы, чуждые русскому человеку, духовной национальной культуре.

Именно трактовка образования в контексте культуры вскрывает диалектическое единство развития и саморазвития творческой индивидуальности, обеспечивающей перевод учителя и ученика, преподавателя и студента из объектной в субъектную позицию, обуславливающую проявление творческой активности в жизнедеятельности. Культурологический подход в системе профессионального образования обеспечивает педагогическому процессу открытость и динамизм, единство воспитания и обучения в сочетании с креативностью, рефлексивными и диалоговыми характеристиками. Организация педагогического процесса в контексте культурных ценностей обеспечивает формирование у будущих педагогов культуры мышления, стремление к саморазвитию и творческой самореализации, а также этнической идентификации. Ценности традиционной национальной культуры способствуют формированию основ национального характера, патриотизма и духовности, т.е.

личности способной обеспечить не только принятие, но и сохранение, обогащение и передачу основных ценностей культуры своего народа.

Стратегия образования будущего – это распространение научных и культурологических фундаментальных знаний, укрепляющих престиж профессионального образования, формирующих общий рынок знаний, возрождающих самобытность культур и творческую индивидуальность личности. Анализ исследований позволил выявить складывающиеся тенденции будущего образования – оно должно быть многообразным, адекватным культурному и этическому многообразию человечества, удовлетворяющим всесторонние потребности социально-профессиональных групп, индивидуальные духовные, культурные и творческие запросы личности. Именно современная культуросообразная модель образования позволяет достичь цели, как в целом системы образования, так и отдельной личности. Через систему образования общество делает попытку сохранения национальной культуры, межнациональных отношений и поднятия культуры и образования до уровня осознания их как целей и средств общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т.- М., 1993-1995. –С.6
2. Беседы иконописца, Новгород: Русская провинция, 1993.-С.23.
3. Иванов Николай, протоиерей. И сказал Бог... - Клин, 1999.-С.267
4. Голик Н.В. Этическое в культуре. - СПб., 2002.- С.47
5. Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994.-С.207

Наиболее известным подходом в развитии современной педагогики выступает культурологический. В данном аспекте очень важно философское основание образования в университете. Данная статья посвящена актуальной педагогической проблеме формирования этноэстетической культуры личности преподавателя в университете. В статье дается определение данного понятия, раскрывается его сущность, характеризуется строение, основные компоненты и содержание этноэстетической культуры.

The author of this article considers culturological way of development of pedagogical science to be of greatest importance. And therefore he insists that much more attention should be paid to the philosophical aspects of education in college. This article is fully devoted to a very important problem of nowadays – to the forming of the personal and aesthetic culture of college teachers' character. The author also gives full explanation of the "ethnoaesthetic personal culture" feature and gives reasons for why it is so important for a teacher.

Регуляризация обмена деятельностью в контексте генезиса цивилизации

Сущность регуляризации обмена деятельностью сводится к выделению основных принципов, определяющих межличностную интеракцию, ее направленность. Наиболее фундаментально механизм регуляризации деятельности проясняется при уточнении его специфики в области цивилизационного развития.

Происходя от «цивильности», цивилизация, характеризуя выделение общества из природы, подчеркивает момент эмансипации одного от другого; у истоков цивилизации некий уровень цивильности, обеспечивающий развитие общества на собственной основе. Отправная точка цивилизации – упрочение цивильности со стадии замены родовой общины соседской (территориальной). Фикс-пункт цивильности – бытие, избыточное относительно срока органической индивидуальной жизни. По ходу эскалации цивильности воплощенность человечности в бытии нарастает. Последнее отвечает фундаментальной тенденции перенаправления родовой активности на выработку условий более или менее гарантированного существования. Усугубляемый поворот от естественно-потребительного к рукотворно-производительному существованию, от наличного универсума к универсуму, взятому под углом зрения возможных перемен, означает упрочение человека, реализующего цивильную деятельность.

Поскольку «цивильность» выражает поддержание жизни по искусственным, связанным на гражданский эффект технологиям, постольку в ней радикализуются моменты целесообразности, кооперативности, свободы, обуславливающие рациональную планируемость, общественность, самочинность, самоопределенность деятельности и ее продуктов. В виде совокупного грандиозного резюме такого рода деятельности оформляется, оконтуривается «цивилизация» как состояние полной выделенности человека из природного царства в образе и подобии относительно автономного и рационального агента существования.

Возникая как оппозиция природному, варварскому, цивилизация становится ресурсом прогресса рода. В дальнейшем по мере уяснения, что человечество не обладает «единой причиной, единым опытом, единым прогрессом» (Морган), вследствие диверсификации способов, принципов прогрессивного родового развития, дифференцируется и некогда синкретичная цивилизация. Структурообразующими ее признаками оказываются технологии и институты – организация вершения, поддержания жизни.

Цивильность выражается в складывании правового регулирования, нацеленного на ограничение «свободных» волеизъявлений, купирования ордократичности самопроявлений. Условиями выживания общества становились общезначимые правовые рычаги влияния, поддержки, санкционирования, денонсирования, стимулирования. В итоге становилось возможным достигать гарантийности существования, выживания.

Обращение к истокам складывания цивилизационного остова позволяет прояснить основные начала социального развития в современном контексте. Динамизм современной цивилизации определяется постиндустриальной мировой системой. Глобализационные процессы, тесно взаимосвязанные с тенденциями постиндустриального развития, зависят от ряда определенных факторов, к которым относят-

ся: характер технического прогресса, зрелость политических отношений, состояние теоретических знаний и практических навыков. Цивилизованность – качество общественного прогресса, обеспечивающее условия достижения воспроизводства основных социальных параметров – от государственных, гражданских институтов до традиций быта, где гражданственность, гуманитарность являются ведущими ценностными установками, мировоззренческой ориентацией.

Целесообразность действия проявляется в том, что созидание потенциального бытия проводится по реалистичным правомерным целям, удовлетворяющим природным законам. Развитие цивилизации есть созидание, творение того, чего нет в природе. Реализация свободы целесообразна, созидание сверхприродного целерационально, правомерно, законосообразно. Идея целесообразности на уровне микроэволюционном предполагает описание механизма поддержания динамических равновесных состояний.

Осмысление данной задачи связано с обращением к оценке ценностной регламентации жизнеспроизводственного механизма. Цивилизация нацелена на реализацию фундаментальных социальных констант, выступающих жизнеспроизводственными инвариантами, экзистенциальными абсолютами, которые выражают порядок максимально отлаженного существования. Данные «решения» отражают желательные варианты из числа возможных.

Цивилизация может быть определена как собственно социальная организация жизни, характеризующаяся всеобщей связью индивидов на основе воспроизводства обеспечивающего ее бытие и развитие общественного богатства. Накопление, перераспределение и реализацию последнего цивилизация контролирует путем сознательного регулирования взаимного обмена деятельностью и информацией внутри социума, взаимодействия его с окружающей природной и социальной средой. Зарождение цивилизации означало, что над естественно возникающими связями надстраиваются управляемые людьми институты и что, следовательно, механизмы биологической эволюции и «выживаемости видов» вытесняются социальными отношениями.

Программы жизневоспроизводства, благодаря которым складывается и поддерживается социальный порядок, позволяют дифференцировать природу цивилизаций. Традиционная цивилизация воспроизводит цикличность натуралистического темпа-ритма родовой витальности общества, естественную форму связи природы и человека, тем самым, возвращая индивида к истокам культуры. Данный тип утверждает организационные принципы патриархального уклада жизни, гарантирует выживание рода, закрепляет в мышлении индивидов структуру и порядок родового социума в качестве высшей ценности. Невыделенность персонального начала проявлена и реализована через «слитность» личностного смысла и общественных ценностей.

Преодоление традиционности связывается с гуманитарным поворотом в культуре. Последнее определяется развитием ценностей личностного самоутверждения на базе индивидуального, неканонической нравственности, свободы выбора. Данные ценностные новации в социальном регламенте способствуют десакрализации социальной жизни, создают предпосылки выхода из традиции. Петровский «Регламент», утверждал Флоровский, содержал программу отечественной реформации на праве личного участия, действия, в которых содержался отказ от традиционно пассивного отношения к окружающей жизни. Культура побуждает к развитию цивилизацию.

Культурным человек становится из внутренних побуждений, обращаясь к освоению культуры, созданной до него. Цивилизованным он становится под воздействием внешних регулирующих норм социальности, часть из которых так и не становится его внутренним достоянием и которые он соблюдает исключительно по необходимости. Цивилизация, зачастую, ассоциируется с урбанизацией, тиранией техники, технологий, в том числе социальных, выступает как источник дегуманизации мира. В действительности интеллект человека в состоянии постичь многие тайны мира, но глубины его собственного духовного мира остаются для него загадкой. Прогресс цивилизации не идентичен культурному развитию, последнее включает нравственные, эстетические, религиозные измерения и составляет самостоятельный и активный пласт в жизни социума.

Цивилизация как высокая ступень овладения силами природы, содержит мощный потенциал научно-технического прогресса, способствует повышению качества и уровня жизни, комфортному существованию. В то же время научные и технические достижения сами по себе не означают культурного, духовного расцвета, они не могут быть оценены как безусловно нравственные или же безусловно безнравственные: ценностно и этически они нейтральны. Технические достижения цивилизации приобретают культурную значимость в зависимости от целей, ценностей, которыми руководствуются при их использовании.

Генетически цивилизация «произрастает» из культуры, выступает как отчужденная в институциональных, общезначимых процессах культура. Цивилизация есть совокупность условий, избавляющая людей от затрат невосполнимого времени индивидуальной жизни на заурядное природное выживание. Именно цивилизация вырабатывает средства, сокращающие вмешательство человека в природный мир. Материальные ресурсы современной цивилизации позволяют обеспечить бытие индивида, благодаря чему личность получает возможности заняться тем, что соответствует ее сути – от воздействия на природу в ее физическом виде обратиться к человеку, его нефизическому бытию.

Ценности формируют пространство социального взаимодействия, ориентации в качестве ментальных, символических, поведенческих норм, кодексов, эталонов. Содержание конструктивных социальных ценностей определяется интенцией на сохранение, поддержание: а) природы; б) социума; в) культуры; г) цивилизации.

Целесообразность, рациональная планируемость, общественность, кооперативность становятся принципами организации общественной жизни, эффективным средством социализации индивида. Формы, границы «цивилизации» обуславливаются состоянием выделенности человека из природы в образе относительно автономного и рационального агента существования.

Ценности, стало быть, родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока, жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном, придают смысл жизни.

Ценности более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. Д.Белл показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жизненно-практических установок.

Ценность выражает человеческое измерение культуры, воплощает отношение к формам человеческого бытия. В ценности отражается многообразие духовного от-

ношения к разуму, чувствам, воле. Ценность – не только осознанное, но и жизненно, экзистенциально прочувствованное бытие. Ценность характеризует человеческое измерение общественного сознания.

Цивилизованность – качество общественного прогресса, обеспечивающее условия достижения воспроизводства основных социальных параметров – от государственных, гражданских институтов до традиций быта. Сохранение – свойство закона цивилизованности, обуславливающее естественносторичность жизнедеятельности, без которого не возможно построение жизнеспособного социума, где гражданственность, гуманитарность станут ведущими ценностными установками, мировоззренческой ориентацией общества.

Сущность регламентационного механизма заключается в складывании наиболее оптимальных начал ценностного регулирования социального взаимодействия. В его основе – выработка гарантийных начал, обеспечивающих эффективность межличностной интеракции.

Возможность обустроить общество представляет задачу с произвольным решением. Изначальные лимитирующие условия для нее:

- фазовые, временные, ресурсные ограничения – человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциалы;
- инициативные ограничения – недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Социальное устройство определяется подчинением желательных состояний определенным критериям качества. Содержательно фундаментальные социальные константы активизируют подобные критерии, выступают регулятивным корректирующим началом, когда из множества допустимых динамических форм выбираются приоритетные. Магистраль развития строится как оптимальная, эффективная траектория социодинамики.

Циклические, фазовые переходы развития цивилизации обуславливают оптимизацию обмена деятельностью в соответствующих регистрах жизнеобеспечения.

«Поиск» оптимального механизма регуляризации обмена деятельностью в ходе исторического развития определяется цивилизационным контекстом. В разных ареалах формируются своеобразные (в силу объективных факторов – географических, геополитических, державных) системы жизневоспроизводственных ценностей. Уникальность механизмов регуляризации обмена деятельностью определяется именно локальным цивилизационным (соответственно, культурным) контекстом. Универсальность механизмов регуляризации обмена деятельностью выражается в поиске оптимальных ценностных механизмов глобального порядка. Тот и другой отличается целесообразностью формирования, только первый носит локальный, второй – глобальный характер. Именно дилемма состыкования локального и глобального механизмов регуляризации обмена деятельностью и составляет нерв социального развития на современном этапе.

Наиболее фундаментальные характеристики природы обмена деятельностью связываются с нахождением в тех или иных цивилизационных локалах наиболее оптимальных гуманитарных составляющих, составляющих основу механизма регламентации.

Цивилизованность оценивается как качество общественного прогресса, обеспечивающее условия достижения воспроизводства основных социальных параметров – от государственных, гражданских институтов до традиций быта. Сохранение предстает свойством цивилизованности, обуславливающим естественносторич-

ность жизнедеятельности. Сущность регламентационного механизма заключается в складывании наиболее оптимальных начал ценностного регулирования социального взаимодействия. В его основе – выработка гарантийных начал, обеспечивающих эффективность межличностной интеракции.

С опорой на методологические основы социального анализа делается вывод, что возможность обустроить общество представляет задачу с произвольным решением. Предлагаются исходные установки для оценки социальной динамики: фазовыми, временными, ресурсными ограничениями предстают человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциалы; инициативными ограничениями – недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Социальное устройство определяется подчинением желательных состояний определенным критериям качества. Содержательно фундаментальные социальные константы активизируют подобные критерии, выступают регулятивным корректирующим началом, когда из множества допустимых динамических форм выбираются приоритетные. Магистраль развития строится как оптимальная, эффективная траектория социодинамики.

В ходе анализа социогенеза, позволяющего прояснить сущность регуляризации обмена деятельностью, делается вывод, что цивилизованность отражает качество общественного прогресса, которое обеспечивает условия достижения воспроизводства основных социальных параметров. Данная идея в диссертационном исследовании иллюстрируется достаточно масштабно: проводится анализ становления и эволюции государственных, гражданских институтов, традиций быта. Делается вывод, что ценностные основания регуляризации обмена деятельностью, а именно гражданственность, гуманитарность предстают ведущими установками, мировоззренческими ориентациями поведения человека в социальном пространстве. Ориентированность на ценности, соответственно, целесообразность социального действия проявляется в том, что созидание потенциального бытия проводится по реалистичным правомерным целям, удовлетворяющим природным и гуманитарным законам. Идея целесообразности на уровне микроэволюционном предполагает описание механизма поддержания динамических равновесных состояний. Созидание сверхприродного оценивается как целерациональное, правомерное, законосообразно, гуманитивно оправданное.

Ценности формируют пространство социального взаимодействия, ориентации в качестве ментальных, символических, поведенческих норм, кодексов, эталонов. Содержание конструктивных социальных ценностей определяется интенцией на сохранение, поддержание: природы; социума; культуры: цивилизации. Делается вывод, что целесообразность, рациональная планируемость, общественность, кооперативность – существенные принципы организации общественной жизни, эффективное средство социализации индивида.

Регуляризованность обмена деятельностью в первую очередь связывается с утверждением человечности, развитием идеологии диалога, толерантности культур. Последнее выражается в правоспособности, совестливости, нравственности, персональной добропорядочности. Именно в данных принципах выражаются основоположения гуманитарного. Природа социального обмена деятельностью в эволюционном контексте оценивается как образец нормосообразного, соответственно, ценностного, что позволяет строить основы нормосообразного общения, координационных рамок межличностного взаимодействия. Последнее предполагает выход на оценку стратегических проектов современности, позволяет рассматривать осо-

бенности социокультурной динамики в модернизационном ключе. Автором отстаиваются идеи необходимости органичного сочетания традиций и новаций, выхода на оптимальные рубежи существования в рамках глобального развития цивилизации.

Итак, при оценке механизма регуляризации деятельности мы исходим из эволюционной парадигмы, согласно которой приходим к выводу, что социальная эволюция строится по пути возвращения ценностей, регламентирующих социальный порядок. Ценностная природа социального регламента складывается в процессе исторической эволюции, в ее основе – поиск оптимальных начал, гарантирующих социальное воспроизводство. Раскрытие механизма воспроизводства деятельности в контексте генезиса цивилизации позволяет наиболее полно раскрыть сущность природы регуляризации обмена деятельностью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ильин В.В. Аксиология. М.: МГУ, 2005. 216с.
2. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205с.
3. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256с.
4. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 176с.

С.Н.Вишневская. Регуляризация обмена деятельностью в контексте генезиса цивилизации. Статья посвящена актуальным вопросам социокультурной динамики. В работе оценивается сущность цивилизационного механизма, рассматриваемого как система жизневоспроизводственных ценностей. Автор исходит из тезиса об эволюционных основаниях ценностей, составляющих фундамент регуляризации обмена деятельностью.

S.N.Vishnevskaya. Regulation of activity in the genesis of civilization. The article was devoted the actual questions of sicoicultural dynamic. Here was estimated the model of civilization as the system of the reproducing of the values. The author based on the evolution aspects of civil development.

Голышева О.А.,

*Российский государственный социальный университет,
преподаватель кафедры психологии труда и
социальной акмеологии,
соискатель кафедры философии и
религиоведения Военного университета*

Проблемы гуманизации и гуманитаризации современного российского образования

На рубеже радикальных социально-экономических и политических перемен, в период бурного развития научно-технической революции с ее огромными созидательными и одновременно разрушительными возможностями на первый план выдвигаются проблемы жизненного призвания человека, его моральной и общественной ответственности, творческой активности, преобразующей мир. Вследствие этого осмысление проблемы гуманизма в общественной жизни - один из постоянных спутников исследования мира и человека в нем, всего круга явлений, без которых немислима человеческая культура.

Гуманитаризация образования становится одной из наиболее значительных духовно-практических задач современности, ибо «очеловеченность» образовательного процесса как важнейшего социального инструмента передачи общественного опыта (ценностей, знаний и навыков) оказывается чрезвычайно тесно связанной с «очеловеченностью», гуманизацией жизнедеятельности общества в целом.

Проблема гуманитаризации образования стала темой многочисленных научных исследований, всесторонне обсуждается на различных научных форумах, однако до сих пор не выработано единого понимания сущности гуманитаризации современного образования, путей практического воплощения данной идеи, а тем более системы управления подобными процессами. Различные точки зрения исследователей сходятся, пожалуй, лишь в одном вне философского и культурологического подхода проблема гуманитаризации неразрешима.

Традиции образования, сложившиеся в российской культуре, всегда подразумевали не только рациональную передачу знаний, но и нечто большее становление, формирование особого духовно-нравственного строя личности православного человека, тех неуловимых качеств человеческой природы, которые воплощаются в понятии русской интеллигентности, предстающей в качестве своеобразной формы гуманизма.

Как представляется, современная модель гуманитарного образования в нашей стране в известной мере характеризуется процессами закономерного возвращения российского общества к духовным основам национальной культуры, её ценностям и традициям. Именно эти основы определяют ценностное содержание и пути гуманитаризации российского образования в специфических условиях развития экономических и политических свобод, университетской автономии, предоставления молодежи права на свободное самоопределение в мировоззренческих позициях, духовных интересах и ценностях.

Анализ «гуманизации» и «гуманитаризации» показывает, что это категории родственные, одного понятийного ряда, но не тождественные. В чем-то они совпадают, в чем-то разнятся. С точки зрения объема и содержания это пересекающиеся категории.

Гуманизм концепция человеческого бытия, утверждающая самоценность личности, «это исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье. Развитие своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости желаемой и единственно оправданной нормой отношений между людьми». [1, 119] Соответственно, гуманизация – процесс исторического развития, связанный с перемещением человека с периферии в центр, фокус цивилизации, превращением личности из средства в цель общественной динамики.

Как течение общественной мысли гуманизм сформировался в эпоху Возрождения. Первоначально он возник в качестве отражения борьбы против абсолютизма, господства церкви и средневековой схоластики. Однако современное общественное сознание в наибольшей степени связано с гуманизмом эпохи Просвещения, выразившим определенные черты индустриального общества, институтов права, политики, морали, науки и культуры XVIII века. «Идеология Просвещения не была «однородной», каждая европейская страна приносила в это духовное течение свое видение мира, человека, прошлого настоящего и будущего». [2, 76] Гуманизм этой эпохи утверждал права, свободы, достоинство и независимость личности. По мысли просветителей, система прав и свобод незыблема, это естественные условия функционирования гражданского общества. Значение такого рода гуманизма подкреплялось верой в прогресс, основанный на развитии экономики, индустриального производства, просвещения, образования. Подобная взаимообусловленность гуманизма и прогресса легла в основу линейного представления о развитии истории.

Однако во второй половине XIX века линейная концепция общественной динамики подверглась критике, а в XX веке показала свою несостоятельность. Оказалось, что жесткая связь между гуманистическими ценностями и прогрессом промышленности, техники, науки отсутствует. Более того, политическая, индустриальная, культурная структуры индустриальных (тем более тоталитарных) обществ превращают человека в «винтики» и «зубчики» огромной социальной машины. «Девятнадцатое столетие сказало: Бог умер. Двадцатое может сказать: умер Человек», – говорил Эрих Фромм.

С середины XX века формируются новые версии гуманизма, связанные с исчерпанностью модели «общество социальная машина». Сегодня резервы развития экономики, технологии, науки следует искать не в их организации, системности, а в самих людях. Без учета и использования личностных ресурсов дальнейшее усовершенствование различных подсистем общества оказывается невозможным. Прогресс науки и техники в этом случае либо замедляется, либо научно-технические достижения используются во вред человеку.

Во второй половине XX века философская мысль, при всем разнообразии течений, сходится в одном: самая страшная из катастроф, угрожающих человечеству, «антропологическая катастрофа», то есть крушение человека и человечности, а все остальные технические, технологические, экономические, экологические лишь производные от нее. В теории начинается возрождение «человеческой» проблематики. Во многих науках институализируются антропологические аспекты. Относительно самостоятельными становятся, например, философская антропология, политическая антропология, социальная антропология, культурная антропология. Человек, проблемы его существования и развития выходят на первый план в социальной практике развитых государств.

Вместе с тем возрождающееся в теории и социальной практике внимание к человеку далеко не всегда связано с воистину гуманными принципами и отношениями. В науке и публицистике находит широкое использование термин «гуманитарный». Выделяются и исследуются гуманитарные аспекты деятельности практически во всех сферах общества, выделяются социальные процессы и явления, акции, определяемые как гуманитарные. По сути, гуманитарный – это аспект, возникающий как бы на пересечении человека с различными видами бытия: человек – общество, человек – природа, человек – техника. Эти условные точки, возникающие при пересечении гуманитарны, то есть связаны с человеком, условиями его существования.

Таким образом, «гуманизация» и «гуманитаризация» всегда связаны с человеком. Но гуманитарное обладает различной степенью гуманизма, вернее, гуманности. Вся история человечества, конечно же, гуманитарна – она есть дело рук человека. Но насколько она была гуманна? Ведь история в основном это история войн, тоталитарных цивилизаций, по определению ущемляющих человека. Может быть, новая история становится более гуманной в связи с утверждением в последние 300 лет в ряде стран демократии, расширяющей возможности личностной реализации. Но это предположение еще следует обосновывать.

Итак, рассмотрение соотношения «гуманизации» и «гуманитаризации» показывает: а) гуманитарное указывает на область, содержание тех или иных процессов и явлений; связанное с человеком; б) гуманное определяет качество этого содержания, обусловленное определенными гуманными критериями эволюции.

В применении к системе образования наши выводы приводят к следующим положениям:

- гуманитаризация образования определяется наличием в учебном плане определенных гуманитарных дисциплин, связанных с человеком, с его деятельностью, ценностями, потребностями, реализацией потенциалов, достижением целей; утверждением, соответствующим способам и методам преподавания;

- гуманизация образования характеризуется наполнением *всех учебных дисциплин* вполне определенным содержанием, подходами, аспектами. Это аспекты, позволяющие рассмотреть любую проблему сквозь призму ее значимости для человека.

В целом гуманитаризация образования есть способ социального конструирования и социализации индивида в рамках образовательного процесса, направленный на овладение идеями и принципами гуманизма, формирование соответствующих личностных качеств и выработку социально-поведенческой стратегии.

В этой связи, возможно, рассмотреть несколько конкретных проблем. Одна из них связана с последствиями научно-технической революции, возникла и существует в развитых странах около 40 лет. Проблема касается сложности взаимоотношений между естественнонаучным и техническим знанием, с одной стороны, и гуманитарным, общественным знанием, с другой. Преобладание технократического подхода ведет к утрате гуманистической осмысленности существования. Образование уводит человека все дальше в детали конкретных технологических процессов, к алгоритмическим умениям, все меньше преподает урок человечности, этического и эстетического отношения к окружающему миру, к людям, к самому себе. Следствием технического прогресса становится дегуманизация и дегуманитаризация образования. Все это грозит появлением поколения технократов, способных ради демонстрации интеллекта пренебречь жизненными интересами человечества. Возможно, даже предположить, что в известной мере это поколение есть современная реальность.

Ряд последних публикаций содержит положение об исчерпанности застарелого конфликта между «физиками» и «лириками». Однако, как представляется, подобные выводы поспешны. Исчерпано содержание конфликта 1960-х годов, имевшее в чем-то даже романтический характер, не связанное напрямую с тенденциями дегуманизации. Доминирование технократического в современных условиях перешло в практически-действенную плоскость, проявляется в усиливающихся бездуховности, безнравственности, коррупции, преступности.

Уход от технократического подхода в образовании во многом связан с преодолением стойкого заблуждения, будто профессиональная деятельность не требует гуманистической ориентации, а гуманитарные науки лишь отвлекают молодое поколение от необходимой профессиональной подготовки. [3, 18]

Вторая проблема непосредственно значима для деятельности российских гуманитарных вузов. Она связана со структурой современного общественнознания. Индустриальная практика XIX –XX веков, рационализированная культура фактически расчленили знание об обществе и человеке на две части;

1) социальная наука, раскрывающая законы, структуры, регулярности функционирования социальных систем;

2) гуманитарное познание, обращенное к конкретике общественной жизни с точки зрения личностных, индивидуальных, духовных аспектов человеческого бытия.

Утвердилось положение, при котором в общественных (социальных) науках люди не рассматриваются в их конкретном измерении; их силы и способности учитываются в самых общих, абстрактных формах и аспектах. Образы социальной и индивидуальной жизни людей фактически не дополняют, а отторгают друг друга.

Вглядимся в содержание, к примеру, социологии, политологии, истории, теории социальной работы. Насколько они «очеловечены»? Ведь порой мировое философское общекультурное наследие превращается в них в катехизис, предназначенный для самой широкой аудитории вне зависимости от целей и уровня образования. Многие философские и этические концепции в их философско-политологическом, философско-социологическом, философско-управленческом измерениях (и даже собственно философском) далеко не всегда реализуют свои гуманистические функции.

Обратимся, в частности, к политологии. В XX век политическая теория вошла при доминировании принципов классического либерализма невмешательство государства в повседневную жизнь граждан, которые решают проблемы собственного развития и личностной самореализации свободно и самостоятельно. Либеральная классика основывалась на постулатах просветителей XVIII века о «естественном человеке» и «естественном состоянии». Главную проблему они видели в том, чтобы устранить «искусственные» феодальные учреждения, сковывающие свободу «естественного человека». Эти просветительские предрассудки дожили до наших дней. Российские реформаторы надеялись, что как только будут убраны «искусственные преграды» тоталитарного общества, само собой возникнет гражданское общество со всеми его атрибутами – рынком, отношениями социального партнерства, доминированием прав и свобод человека, личностной самостоятельностью и т.п. Вскоре, однако, последовало горькое разочарование: мировая (в том числе современная российская) политическая и экономическая практика показала, что тотальное отступление государства как общественного регулятора открывает дорогу не отношениям партнерства и свободе, а отноше-

ниям едва ли не тотального грабежа, обмана и насилия.

Таким образом, положение либеральной классики о том, что власть эффективна, если она выполняет заказы гражданского общества, основанные, прежде всего на принципах гуманизма, уже в начале XX века подверглось критике. Возникла модернизационная парадигма, характерная, прежде всего для обществ «догоняющего развития». В ней «естественное состояние» признавалось наименее удовлетворительным, обрекающим на консервацию устаревших порядков, на отставание. Поэтому эффективность власти оценивают по тому, насколько она способна организовать процесс социальной модернизации и управлять им. Власть здесь выступает в роли «наставника общества» и берет на себя функции социальной инженерии. О проблемах гуманистической наполненности проводимой политики речи не идет.

Наконец, в постмодернистской парадигме, которая не верит ни в историческую необходимость, ни в универсалии прогресса, эффективность власти выступает как кредо профессионалов, умеющих «красиво» вести игру и ориентирующихся не на интересы общества и человека, а исключительно на критерии, принятые в среде политических профессионалов. Политика обособляется от общества, утверждая свои «профессиональную» автономию и свои внутренние нормы. Здесь внимание акцентируется не на связях между человеком и властью, а на производстве власти внутри самой власти. Все возрастающее обособление власти от общества какую-либо ориентацию на гуманистические ценности не предполагает. В итоге в процессе преподавания политологии функционирование политических институтов рассматривают как нечто самодовлеющее, не связанное с обществом и интересами конкретного человека.

Определенные трудности при реализации гуманистической функции испытывает и социология. Признавая уникальность, неповторимость каждой личности, социология, прежде всего, делает акцент на изучении социально-типического в ее поведении и деятельности. То есть, для социологии «одиночные» проявления личностных качеств значительного интереса не представляют. Безусловно, проблема не в том, что в данном случае ценится типическое в личности – это методологическая особенность и особенность предмета социологии. Заостряя внимание на типичных, устойчивых проявлениях личности, социология в известной степени стандартизирует ее. Человек превращается в некий безличный робот, имеющий стандартных набор характеристик, типичные реакции на типичные условия. Не получают убедительного разрешения проблемы автономии, неповторимости, уникальности каждой личности. Главные трудности не только в том, что социология долгие годы не обращала внимания на проблему автономии человека, но, прежде всего в самом подходе, избранном данной наукой, когда проблемы индивидуальности личности возникают как случайные, второстепенные, даже как помехи при поиске типичного. А ведь с позиций гуманизма именно вопросы уникальности, автономности, духовности личности трактуются как изначальные и во многом решающие моменты.

Таким образом, при решении проблем гуманизации образования речь должна идти, во-первых, о совершенствовании учебных планов, о внесении в них значительного количества гуманитарных учебных дисциплин; во-вторых, о расстановке акцентов при изложении материала всех изучаемых студентами предметов. Их суть, возможно, образно обозначить следующим призывом – *вернуть в теорию человека!*

Гуманизация современного образования, безусловно, необходима, но крайне не проста при осуществлении. Возможно «очеловечить» те же политологию, социологию, рассматривая под необходимым углом, например, вопросы политической

социализации личности, закономерности социализации личности в целом. Но каким образом включить в процесс гуманизации естественнонаучные, технические дисциплины? Думается, что и здесь возможности есть. Подобные учебные предметы будут решать необходимые задачи, если их содержанием станет, в том числе история данной науки борьба личностей и интеллектов, социальные и психологические портреты ученых, описания стилей исследовательского поиска, научные неудачи и открытия. Подобный курс будет затрагивать не только ум, но и душу студента.

Вместе с тем наполнение в процессе преподавания каждой учебной дисциплины гуманистическими ценностями и оценками в целом проблему гуманизации образования не решит. Знания будут разнообразны, но отрывочны, «кускообразны». Здесь необходим некий общий знаменатель, преобразующий в итоге мировоззрение студента в целостность, соответствующую систему.

Проблема гуманизации будет в известной степени решена в случае формирования в сознании студента целостной картины мира с человеком в фокусе. На создание подобной картины должны согласованно работать все учебные дисциплины. Однако какой аспект будет доминировать? Это будет картина философская, естественнонаучная, религиозная? Думается, ни первая, ни вторая, ни третья. В основу возникающей картины мира следует положить доминирующий в обществе тип культуры.

При всем многообразии подходов к культуре для нас в данном случае важно ее понимание как структурообразующей силы, придающей миру человека более или менее строгие очертания. В основу структуры кладется превалирующие в обществе ценностные ориентации, сохраняющие фонд исторической памяти и пронизанные гуманистическим содержанием.

В завершение несколько слов не о содержании, а о методических аспектах гуманизации образования. Общая культура, гуманистические аспекты плохо усваиваются только с помощью учебников. Гораздо более важную роль играет личностное общение студента и преподавателя. Поэтому проблема *дистанционного образования*, получающего сегодня признание и развитие, остается проблемой *образования вообще*. Образование, как известно, есть неразрывное единство двух составляющих – обучения личности и ее воспитания. Думается, с помощью дистанционных технологий, возможно, продуктивно информировать, обучать. Однако вряд ли получится полноценно образовывать человека вне духовного взаимодействия преподавателя и студента. Интерактивность, призванная разрешить противоречие, в том виде, какой реально поддерживается сегодня, педагогическое сотрудничество не обеспечивает.

Гуманизация общественной жизни, всех социальных институтов, прежде всего важнейшего – института образования выступает закономерностью, объективной необходимостью современного этапа развития цивилизации. Игнорирование ценностей гуманизма неизбежно заведет общество в исторический тупик. Настоятельно необходимо, чтобы идущее на смену поколение было не просто глубоко и разносторонне, но еще и принципиально иначе *гуманистически образованным*. Гуманизму невозможно научить, гуманистические принципы и ценности можно и нужно прививать, воспитывая соответствующее мировоззрение, миропонимание, жизненную позицию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Энциклопедический философский словарь. М., 2005.
2. Степашко Л.А. Философия и история образования. М., 2003.
3. Недина О.В. Гуманитаризация высшего образования и ее влияние на развитие личности обучаемых. М., 1993.

В статье рассматриваются некоторые проблемы гуманитаризации современного российского образования. Их анализ осуществлен на основе авторской трактовки соотношения «гуманного» и «гуманитарного», раскрытия сущности и этапов эволюции гуманизма как течения общественной мысли и социального явления.

Some problems of humanitarization of the contemporary Russian education have been discussed in this article. Their analysis has been done on the author's interpretation of correlation «humanly» and «humanitarian», the discovery of essence and stages of the evolution of humanism as the trend of social idea and phenomenon.

Электронная коммерция B2G в России

Стремительное развитие Интернета открывает новые возможности для бизнеса и вносит существенные коррективы в планы стратегического развития компаний. Для повышения эффективности бизнеса и усиления конкурентных позиций топ-менеджеры сегодня уделяют особое внимание развитию электронной коммерции, использованию информационных ресурсов Всемирной сети.

Переход к активному использованию Интернета предполагает изменения в организации внутренних и внешних бизнес-процессов и проводится по нескольким направлениям. Одно из них – перенос коммерческой деятельности компаний в Интернет, формирование гибких, информационно насыщенных связей с постоянными бизнес-партнерами на основе сетевых технологий и открытого доступа к специализированным системам. Интернет предоставляет возможность сбора и статистической обработки данных о постоянных клиентах, информации об индивидуальных предпочтениях и потребностях каждого из них и, самое главное, позволяет установить личный контакт с потребителем продукции.

Наряду с практическим использованием Интернет-технологий проводится оценка их влияния на внешние и внутрикорпоративные связи компаний, разработка и внедрение новых бизнес-процессов, поиск возможностей ведения бизнеса при взаимодействии с потребителями и партнерами.

Возникает все большая потребность в специалистах, которые хорошо разбираются в рисках, преимуществах и сложностях, связанных с электронной торговлей, способных предложить новые модели ведения бизнеса, новые модели электронной коммерции, способных к разработке стратегии продаж и маркетинга на базе электронного бизнеса, разработке продукции, относящейся к электронному бизнесу, внедрению информационных систем управления проектами в области высоких технологий и электронного бизнеса, организации бизнес-процессов в Интернете, созданию системы управления и эффективного использования данных, подготовке бизнес-плана интернет-проекта, выбору и внедрению программно-аппаратного комплекса для реализации Интернет-проекта.

Собственники и менеджеры компаний все более осознают необходимость внутренних информационных систем, документооборота для контроля внутренних процессов компании, контроля закупок и развития сбыта. Многие менеджеры понимают, что информационные технологии могут снизить издержки, получить большую прозрачность бизнеса и т.д. Наличие внутренних корпоративных систем автоматизации позволяет получать больший эффект от интеграции в систему электронной торговли.

Расширение сферы электронной коммерции происходит и за счет электронной коммерции типа B2G (business-to-government, бизнес – правительству).

Российское правительство с начала 2000-х гг. активно способствует внедрению электронной коммерции в экономику в целом и в систему государственных закупок. В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2001 г. № 207-р. была разработана Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)». Основными целями Программы являются создание условий для развития демократии, повышение эффективности функцио-

нирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения и массового распространения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), обеспечения прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, расширения подготовки специалистов по ИКТ и квалифицированных пользователей.

Стоимость осуществления программы оценивается в 2,6 млрд. долл. В рамках этой программы предполагается создать механизм «электронного взаимодействия» жителей России с чиновниками, развить кадровый потенциал в сфере информационных технологий, развить инфраструктуру доступа к сети Интернет. В соответствии с планами объем информационных и программных услуг должен возрасти в 2010 – в пять–шесть раз по сравнению с 2000 г. Экспорт информационных технологий должен достичь в 2010 г. 1 – 2 млрд. долл., а сектор информационных технологий составит около 2% национальной экономики (в 2000 г. этот показатель составил 1,16%).

В соответствии с программой в 2010 г. число российских пользователей сети Интернет возрастет по сравнению с 2001 более, чем в 6 раз, и составит около 26 млн. чел. Предполагается, что к 2010 г. около двух третей всех компьютеров в стране должны быть подключены к сети Интернет.

Практически во всех органах государственной власти к 2010 г. должен быть введен электронный документооборот. Внедрение информационных технологий упростит и сделает более прозрачными лицензирование, сертификацию, регистрацию, ликвидацию юридических лиц. Налоговые и таможенные органы будут обязаны принимать отчетность в электронном виде. В перспективе планируется перевести государственные учреждения на полностью безбумажные формы документооборота. Электронный документооборот позволит существенно сократить время, затрачиваемое на совершение сделок, расширить число деловых партнеров, что особенно важно для малых и средних предприятий.

В рамках программы «Электронная Россия» предполагается существенное развитие платежных систем. Одним из факторов, сильно сдерживающих развитие электронной коммерции, является вопрос оплаты товаров. До сих пор в России способ оплаты наличными доставившему товар курьеру остается самым распространенным, что при организации продаж или покупок малыми и средними предприятиями является существенным ограничением. Планируется разработка концепции государственной политики в области развития российского сегмента платежных карт. Вместе с планируемым увеличением числа пользователей Интернета это должно существенно способствовать развитию электронной коммерции.

Программа должна дать существенное ускорение развитию электронной коммерции в России, увеличить клиентскую базу, облегчить оплату и доступ в Интернет. В рамках программы «Электронная Россия» будет проведено совершенствование законодательства в области информационных технологий, будет осуществляться постоянный мониторинг всех законопроектов в этой области, предполагается ускорить принятие законодательных документов, регламентирующих электронную коммерцию.

В настоящее время выполнены работы по созданию и испытанию опытного образца типового решения автоматизированной информационной системы государственных закупок, на базе которых созданы региональные электронные системы государственных закупок в Челябинской области и Чувашской республике. Отрабатывается технология включения этих систем в Единую Систему Электронных Государственных Закупок. В рамках пилотных проектов системы электронных заку-

пок продукции для региональных органов власти и местного самоуправления создаются в Республике Саха (Якутия), Тульской области, Нижегородской области. Начинаются работы в Республике Башкортостан, Республике Мордовия, Липецкой области, Алтайском крае, Ленинградской области.

Использование электронных систем государственных закупок на всех уровнях власти может снизить затраты на осуществление государственных закупок на 20 – 40% от их объема. По оценкам Минэкономразвития России, в 2003 г. объемы государственных закупок составили 816,1 млрд. руб. Внедрение системы электронных госзакупок способствует получению реального экономического эффекта, в частности: на 5 – 7 % экономии закупочных цен за счет расширения круга поставщиков, усиления конкуренции между ними и укрупнения закупаемых партий однотипной продукции, на 7 – 8 % экономии бюджетных средств за счет анализа конъюнктуры рынка и выбора времени и способа закупок, до 15 % экономии бюджетных средств на планирование, организацию, подготовку и проведение закупок.

В 2005 г. на госзакупки из бюджетов всех уровней направлено около триллиона рублей, что меньше, чем в США, которые ежегодно совершают закупки на 500 млрд. долл., но все же весьма внушительная сумма. По другим данным, объем госзакупок, реализованных в России через электронные торговые площадки, составил в 2004 г. около 2 млрд. 130 млн. долл. Одним из основных игроков в этом году стал «Росатом» — объемы единичных сделок этой организации оцениваются в миллионы долларов.

В большинстве развитых стран мира процесс госзакупок не только законодательно отрегулирован, обеспечен развитой информационной инфраструктурой, но и активно осуществляется с использованием технологий электронной торговли.

В мировой практике закупки для государственных нужд призваны отвечать следующим требованиям: процесс осуществления госзакупок должен происходить публично и информация должна быть общедоступна для возможного общественного контроля; госзакупки должны производиться с максимальной эффективностью, что в большой степени обеспечивается за счет повышения конкурентности процесса госзакупок, расширения географии подрядчиков и т.п.

Госзакупки должны осуществляться таким образом, чтобы действия конкретных государственных заказчиков и результаты госзакупок были подконтрольны распорядителям бюджетных средств, а также специальным уполномоченным органам.

Для этого следует сделать процедуру государственных закупок в России максимально прозрачной. Подотчетное обществу государство является эффективным и имеет иммунитет к коррупции, что чрезвычайно актуально для России. А для того, чтобы государство таким стало, надо ввести, с одной стороны, электронный учет, электронный доступ к информации, а с другой — независимый аудит, беспристрастное рассмотрение споров и т.д. В настоящее время, по данным МЭРТ, не более 65 – 70% закупок проходят через открытые торги.

В 2005 г. принят закон «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», в котором предписывается проводить закупки только на открытых торгах (за исключением случаев, когда закупка связана с гостайной или на рынке есть только один поставщик); субъекты Федерации и муниципалитеты наряду с федеральными структурами являются полноправными участниками госзакупок; предоставляется возможность использовать электронные системы в конкурсных процедурах и организации обмена электронными документами при проведении конкурсов.

Новый закон поручает разработку порядка предоставления конкурсной доку-

ментации в электронной форме и опубликования результатов открытого конкурса в электронной форме Правительству России. Для реализации закона необходим еще целый ряд подзаконных актов, в том числе об организаторе торгов и конкурсной комиссии.

Будущее участие в ВТО потребует неперемennого использования для госзакупок, по крайней мере, за рубежом, информационно-коммуникационных технологий.

Действенность института госзакупок связана с оценкой эффективности этих процедур путем сопоставления результатов конкурсов, мониторинга цен, выявления нарушений и т.д. Необходима действенная инфраструктура по совершению сделок и заключению контрактов в электронной форме, широко распределенная система с любым количеством электронных торговых площадок, что приведет к созданию единого, в первую очередь, информационного пространства по государственным закупкам, не только внутри страны, но в международном масштабе.

Важнейшую составляющую инфраструктуры системы электронных государственных закупок, или системы электронных торгов, сегодня представляет портал государственных закупок, который с июля 2005 г. стал официальным информационным ресурсом МЭРТ в области государственных закупок в интернете.

Одновременно идут работы по созданию региональных информационных систем государственных закупок в Республике Чувашия, Челябинской области, Республике Саха (Якутия), Ханты-Мансийском автономном округе, Липецкой области, Республике Мордовия. Региональные системы создаются как совместимые компоненты единой системы. Апробировано информационное взаимодействие между региональными площадками Республики Чувашия и Челябинской области и порталом государственных закупок.

В связи с выходом России на мировой рынок страна принимает участие в работах под эгидой ООН по разработке подходов к поддержанию «правового порядка» в интернете – основной международной среде, в которой осуществляется электронная коммерция. Перед Россией стоит задача интернационализации правовых, в том числе экономических, стандартов, в первую очередь, со странами Европы. Пока российское право в области «новой экономики» отстает от соответствующих европейских стандартов.

Создание адекватной правовой базы для проведения госзакупок в электронной форме не исключает того, чтобы и в рамках действующего законодательства функционировала электронная система государственных закупок, не только на федеральном уровне, но и в ряде регионов на уровне субъектов федерации и муниципалитетов.

Развитие ИКТ, в том числе технологий электронной коммерции, в частном секторе экономики создало разрыв между правовой системой, общественным сознанием и технологическими реалиями. В силу существующей правовой неопределенности и недостаточности регулирования электронная торговля и, соответственно, электронные госзакупки в России зачастую не в состоянии преодолеть правовые препятствия, которые могут возникать в силу общепринятых положений национального законодательства или сложившейся судебной практики.

Юридическая сфера электронной торговли очень широка, начиная от вопросов защиты прав личности, собственно вопросов купли-продажи, юридического статуса электронного документа и удостоверения его подлинности, и кончая вопросами страхования рисков, решения задач инжиниринга и т.д. В европейских странах (Дания, Италия, Люксембург и др.) действуют законодательные акты в области элек-

тронной коммерции, разработанные на базе «Типового закона об электронной коммерции», одобренного Генеральной ассамблеей ООН в 1997 году. Во многих странах, наряду с этим, приняты законы об электронной подписи (Италия, Германия и др.). В ряде стран действуют законы о защите персональных данных при электронном обмене информацией, например, в Германии, Великобритании, Франции. Все эти законы созданы с учетом правовых документов, принятых в Евросоюзе: Директива ЕС «О защите потребителей при заключении контрактов на расстоянии», Директива ЕС «Об электронной торговле», Директива ЕС «Об обработке персональных данных и защите частных интересов в области телекоммуникаций».

Развитие электронной торговли обостряет проблему неприкосновенности личной жизни, так как используемые ИКТ облегчают сбор персональных данных и их обобщение из различных источников, имеющих в электронных сетях, что может представлять угрозу безопасности человека.

Электронная торговля, включая госзакупки, оперирует информацией, которую принято называть «информацией частного характера». От наличия норм, позволяющих обеспечить фундаментальные права и свободы граждан, зависит общая атмосфера взаимного доверия и уважения, и, в конечном итоге, успех или неуспех развития всей электронной торговли.

В числе законодательных приоритетов находятся и правовые положения, регулирующие применение электронных подписей. Обеспечение доверия к электронной подписи является необходимым элементом заключения договора, в том числе при передаче права собственности, обязательственных прав и т.д. посредством электронной связи. Действующий Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» не позволяет решать все вопросы, хотя ряд выпущенных за последнее время федеральных законов, правительственных документов, регламентов и стандартов, посвященных электронной торговле и системам государственных закупок, свидетельствуют о высокой степени интереса со стороны государства и общества к этой проблеме.

1 января 2006 г. вступил в силу закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», действие которого направлено на обеспечение контроля за расходованием бюджетных средств. Как показала практика, в сфере государственных закупок наиболее действенным механизмом повышения прозрачности, снижения уровня коррупционности и предоставления потенциала для экономии бюджета является система электронной торговли.

Информационно-аналитическая и торгово-операционная система (ИАТОС), разработанная специалистами Центра развития экономики специально для проведения государственных закупок – B2G-goszakupki.ru – позволяет проводить их во всех предусмотренных законом формах – запрос котировок, аукцион, конкурс и т.д. Внедрение такой электронной системы минимизирует влияние человеческого фактора, повышает объективность, информативность и прозрачность рынка, позволяет проводить более качественный отбор поставщиков и подрядчиков. Систем была внедрена в качестве «пилотного» проекта в РАО «ЕЭС России» и уже три года функционирует в интернете.

По итогам национального конкурса «Электронная коммерция и торговля – 2004», проходившего в рамках 4-й выставки «Информационные коммуникации России – XXI век» («Инфоком-2004»), инжиниринговая компания «Центр развития экономики» была признана победителем в номинациях «Лучшая электронная тор-

говая система (B2B, B2G)», «Лучшая отраслевая электронная торговая площадка», «Лучшее комплексное решение для построения универсальной системы электронной коммерции и торговли», «Лучшая компания – оператор электронной торговой площадки».

Однако пока все участники процесса размещения госзаказа не объединены в одном информационном пространстве, хотя работа над этой проблематикой начата в 1997 г. За прошедший период разработан программно-технический комплекс, позволяющий реализовать проведение торгов всех видов сложности.

На сегодняшний день проект полностью готов к применению в сфере госзакупок. Это информационно-аналитическая и торгово-операционная система «Рынок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» business-to-government (B2G). Требования регламентов для проведения торгов на электронной площадке полностью соответствуют требованиям принятого закона. Регистрацию участников и обучение работе в системе можно производить по адресу в интернете. Площадка предоставляет не только механизм отчетности, но и механизм формирования достоверной информации.

Проект ИАТОС полностью доказал свою состоятельность, информационно-аналитическая и торговая система «Рынок продукции, услуг и технологий для электроэнергетики» действует уже три года. В одном информационном и торговом пространстве система объединила поставщиков и потребителей услуг, ресурсов и технологий.

Первоочередное внедрение системы в электроэнергетике объясняется тем, что в РАО «ЕЭС России» действует система стандартов по организации закупочной деятельности, требования которых к проведению закупок приведены в соответствие требованиям закона о госзакупках. Кроме того, дочерние организации РАО «ЕЭС России» расположены на всей территории России.

За 2004 г. в системе было проведено более 600 конкурсов. Экономия только на снижении цен на начальном этапе составила около 17,5%, что соответственно позволило сэкономить более 1 млрд. рублей (разница между стартовой ценой и ценой покупки). Причем в Системе было проведено лишь 5% всех торгов от проведенных в РАО в 2004 г. На сегодняшний день было проведено 2900 конкурсов и аукционов с суммарным объемом – более 20 млрд. рублей.

Руководство холдинга отметило прямой экономический эффект и получило комплексную отчетность, которая находится в централизованном архиве электронной торговой системы. Впервые удалось исключить возможность ошибок и злоупотреблений чиновников на местах.

Участники торгов переводят свои товары или услуги в цифровую кодировку. Тому, кто помещает предложение, система автоматически отправляет уведомление от покупателя.

Система позволяет реализовать все возможности электронных торгов, основными принципами которых являются эффективность, прозрачность, контроль, что особенно важно при достижении такой цели, как рациональное использование бюджетных средств страны.

Таким образом, развитие электронной торговли в сфере B2G в России представляет собой мощную тенденцию, имеющую как собственно экономические стимулы, так и активную поддержку правительства, взявшего курс на построение прозрачной системы государственных закупок, снижающих государственные расходы и уровень коррупции в государственных органах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лоуренс Г.Теслер. Языки программирования. // В мире науки. №11. 1984.
2. Растринин Л.А. Вычислительные машины, системы, сети. М., 1982.
3. Телекоммуникация и информатизация общества. Сборник обзоров. М., 1990.
4. Урсул А.Д. Информатизация общества: Введение в социальную информатику. М., 1990.
5. Masuda Y. Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style . Oxford, 1990.

Е.С.Дауэ. Электронная коммерция B2G в России. В статье оценивается значение электронной коммерции B2G в России. Рассматриваются особенности внедрения подобного типа электронной коммерции на современном этапе становления информационного общества в стране.

E.S.Daue. The electronic commerce B2G in Russia. In the article was estimated the meaning of the electronic commerce B2G in Russia. Here was considered the significance features of the incorporation of the electronic commerce B2G in the process of the formation of the information society in Russia.

Славянофильство как основа цивилизационного развития в имперской России

Славянофильство возникло накануне отмены крепостного права, когда традиционные ценности стали подвергаться переоценке в связи с неизбежным поворотом к капитализму. Традиционные формы организации жизни – в первую очередь община – трансформировались в сторону уменьшения своего значения в организации жизни, тогда как капиталистические начала получили свое распространение. Помещичье землевладение становилось нерентабельным. Требовалось нахождение новых форм связи крестьянина с землей. Авторитет самодержавия в силу неэффективности хозяйствования существенно падал. Именно в подобном социальном контексте возникла необходимость укрепления традиционных ценностей.

Существует точка зрения, что славянофильство по своим идейным корням во многом оказывалось близко декабристам. Общими началами оценочной социальной действительности выступали патриотизм, гордость за русский народ, интерес к прошлому, нацеленность на демократические ценности, отстаивание общинного устройства России, отрицательное отношение к слепому подражанию Западу.

Р.Пайпс полагал, что славянофилы создали идеологию русского национализма, опираясь на идеи заимствованные в Западной Европе. Пайпс считал: славянофилы были уверены в том, что Россия является страной будущего и ей суждено решить проблемы, определяющие жизнь всего человечества.

У славянофилов было свое видение исторического процесса. К.Аксаков опирался на методологию Гегеля при объяснении исторического процесса. При этом он полагал, что допетровская Русь представляла собой изолированный народ (индивидуальное и особенное). Принятием христианства Россия приобщилась к общему. После реформ Петра Россия освобождается от исключительности и преодолевает национальное. Именно на последней стадии наступает освобождение народа (как разрыв с национальным).

Общая жизнь проявляется не через понятие (как у Гегеля), а через индивида. (Аксаков полагает, что рационализм западного типа не уместен для оценочного развития.) Индивид понимался Аксаковым в системе ценностей, традиционной для России. Так, он считал, что реформы Петра означали победу «чужой национальности». Самосознание народа – вот то общее, во что должен был включиться русский человек.

Государство и народ должны существовать на началах общего невмешательства. Данная интерпретация государства давалась Аксаковым на базе оценок истории государства в России. Он считал, что государство создавалось славянами как необходимая крайность. Оно признавалось, но никогда не смешивалось с общиной и нравственным внутренним началом, с началом жизни как таковой.

Взаимоотношения государства и общины не требуют правового регламента. Все строится на началах договора (поэтому закон не уместен): государство реализует полную свободу действия в сфере политики, тогда как народ – в сфере свободы жизни и мысли. Русский народ выбирает монархический стиль правления как идеальный, но остается

свободен нравственно. Государство призвано существовать для народа.

Реформы Петра нарушили данные традиционные основания народной и государственной жизни. Также критике подвергалось то, что проекты государственной администрации уничтожали самостоятельность народа. «Сверху» навязывался принцип большинства, что нарушило нравственное начало в народе. Аксаков писал: «Преобладание внешнего закона в обществе ослабит нравственное достоинство человека, приучая его поступать без внутренней нравственной причины».

Русская община – идеальный тип социального устройства. Русская община представляет собой общность, которая не зависит от каких-либо общественных форм. Это то высшее начало, которое является самой принципиальной ценностью в контексте социальной жизни страны. Именно посредством общины возможно преуспевание и совершенствование жизни в России. В данном союзе людей нет ценностей эгоизма; интересы личности подчинены общему согласию и интересам. Общину в данном контексте можно рассматривать как воплощение нравственных христианских идеалов любви и нравственности. Личность здесь не нивелируется, а реализуется в высоком, очищенном от эгоизма виде. Поэтому община реализует идеал внутренней гармонии.

К.,И.Аксаковы уповали на разрыв связей с Западом и исповедовали народность обеспечивающую достижение истинного пути святой Руси. К.Аксаков полагал, что на Западе душа «убывает», подменяясь законодательством, человек трансформируется в механизм. Истинными началами социальной жизни выступали: православная вера; обустройство жизни согласно вере; духовная основа взаимосвязи между людьми; единство народной жизни и государства; исключение светской жизни. Аксаков подчеркивал значение естественных народных прав: свобода мнений, свобода слова, печати, автономность внутренней жизни народа.

А.Хомяков в оценке исторического процесса также выступал против рационализма гегельянской модели, расценивая ее как мистико-националистическую телеологию. А.Хомяков полагал, что гегелевская абсолютная идея должна быть заменена традицией, которая основана на воле и вере, непосредственно присущих человеку. Традиция выражает сверхиндивидуальную общность людей, включает в себя соборность – самобытную ценность русской социальной жизни.

Поэтому в признании моделей социального развития России необходимо отказаться от неорганичного транслирования опыта. Хомяков писал: «Приобрести жизненные силы посредством полного внутреннего соединения с живым просвещением Запада невозможно: и по распадению западной жизни и потому, что ее начала совершенно чужды русской земле, возросшей на начале высшем, хотя до сих пор еще не развитом, не могут быть ни приняты ею, ни привиты к ней». Необходимо искать традиционные формы организации жизни. Идеалом социального устройства считалась община. «Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории... Из его же развития может развиваться целый гражданский мир». Русская община может противостоять всем недостаткам социальной жизни Европы – конкуренции, обезземеливанию, антагонизму труда и капитала, пролетаризации культуры, революциям. Взамен этого русская община продуцирует соборность, строящуюся на равных интересах лица и общественности, свободы и общности. Для данного социального устройства большое значение имеет вера. Вера объединяет людей в общество.

На базе такой модели Хомяков делает вывод, что славянским народам принадлежит будущее. Они близки земле, значит, и общечеловеческим ценностям.

Хомяков считал, что мондиализм связан с державно-культурным доминированием России в мире. Славянство должно объединиться под эгидой России, которая на- следует и будет развивать подобные ценности социального обустройства жизни.

Киреевский считал, что модель развития России должна быть напрямую свя- зана с идеологией христианского обновления.

В целом оценка понимания истории России связывается Киреевским с при- знанием особой основы культурного порядка – системы нравственных ценностей. Культура в России носит целостный характер, тогда как на Западе она выступает как агрегат. Целостность культуры задается интеграцией ценностей согласия, веры, обычая. Западная культура предполагает опору на контракт. В России коллектив- ная воля основывается на религии и выражается в ней. Выражением коллективного духа западной культуры является общественное мнение. Социальная жизнь России крепится на обычном и семейном праве, укореняющемся на традициях и народных обычаях, в Европе социальный порядок регулируется абстрактным правом.

Обычаи, традиции выступают гарантом от произвола. «Высшее начало» куль- туры, которому подчиняется человек, организует нормальную жизнь, делает ее целостной, живой организацией. Человек может проявляться только как ее часть. (Данная направленность осмысления социального пространства, специфичного для России, позволяет понять, почему критикуется рационализм и рациональный выбор западной культуры.)

Целостность культуры – традиционное начало организации социальной жиз- ни. Целостность определяется прежде всего иерархией нравственных («внутрен- них») ценностей. Сама идея целостности копируется Данилевским у немецких мыслителей (Ф.Теннис, Ф.Шлегель). Целостность – это некая органичность, реализующаяся из конгломерата индивидов, обладающих естественной волей, объединенных на основе веры, обычая, скрепленных религией. Коллективные формы жизни строятся на обычном, семейном праве. «Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном уст- ройстве, не согласное со строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир – более обширной сходке, сходка – вечу и т.д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной правосла- вной церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже са- мое слово право было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду». Основой интеграции социальной выступала система рели- гиозных ценностей (православие).

Согласно И.Киреевскому основу западной цивилизации составляют три на- чала: христианство, молодые варварские народы, античное наследие. Христианство на Западе имеет свои отличительные черты: оно реализует идеалы индивидуаль- ности, независимости, изолированной личности. Отсюда – святость внешних фор- мальных отношений, святость собственности и законов, стоящих над личностью. Эгоистическое проявление «Я» на Западе определяется не контекстом жизни, а контрактным общественным договором. В отличие от данной традиции, полагает Киреевский, общество слагалось не из частной собственности, к которой приписы- вались лица, а из лиц, к которым приписывалась собственность.

Основой критического переосмысления почвенников является проблема по- ложительной предикации платформы самобытного пути национального развития.

Славянофилам присущ ряд идей о вере в путь русского развития, мессианство («славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу»), опору на народ, интерес к прошлому и настоящему славян. Во многом их идеи отвечали либеральной платформе. И. Киреевский, А. Хомяков отстаивали необходимость всеобщей грамотности, городского порядка, распределения должностей между гражданами, деятельности суда присяжных, публичного права, ликвидации крепостного права, равенства всех сословий. Отрицательно оценивалась безграмотность народа, взяточничество, народные бунты, невежество и безнравственность духовенства.

Отрицание рационализма западной культуры во многом было возможно благодаря признанию традиционной культуры как наиболее оптимальной формы организации социального пространства. Данный тип мышления во многом оставался иллюзорным и оторванным от реалистического рассмотрения общества, как в контексте мировой истории, так и в отношении осмысления России. Оценочное, эмоциональное осмысление в данной модели преобладало над научным.

Община (крестьянская) рассматривалась главным устоем русской жизни. Община – сверхиндивидуальное начало, крепится на основе добровольности, исключает насилие и преодолевает естественный эгоизм личности. В данной форме организации социальной жизни достаточно идеализированно воспринимался принцип зависимости личной жизни от «высшего начала». Это начало составляло естественную основу интеграции жизни народа. Славянофилы искали возможность ухода от отрицательного влияния самодержавия, не понимая, что подобный способ регламентации социальной жизни также является органичным относительно существующей социальной структуры. Община выступала неким искусственным симбиозом социальной иерархии и гражданского общества.

Из всех ценностей предпочтение отдавалось нравственным. Именно на основе нравственной ценности возможна добровольная (изнутри) организация людей. Хомяков писал: «Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное как сила... но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права. Следовательно, наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях...» Данные нравственные начала носят общечеловеческий характер, хотя в концепции славянофилов делался упор на самобытности данных ценностей, проявляющихся только в контексте российской культуры в силу исторической и социальной предопределенности.

Модели славянофилов излишне акцентированы на вознесении прошлого России. Тем самым создавалась иллюзия стабильности бытия, его замкнутости на самобытность. Утопичность мысли позволяла преодолеть кризисные моменты социальной жизни и институализировать идеал. Хомяков писал: «Наша древность представляет нам пример и начала доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собой; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов... Нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее». В действительности при оценке концепций славянофилов прошлое детерминирует будущее, что ведет к искажению реальной картины мира (что задавало всем построениям телеологический характер).

Отличительной чертой русского народа признавалась его терпимость, умение

жертвовать свободой во имя единства.

Отрицательные основы русской жизни негативно сказывались на формировании ценностного пространства: «По мере того как царство русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого чистого и патриархального состава общества. Вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле, как прозябающие, а добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания». Свобода городов укрощалась ради общего единства. В результате народ был починен власти государства, которое становилось некой чуждой народной жизни или существующей помимо нее структурой. К.Аксаков полагает, что русский народ по своей сути не государственный и в России государство не было фундаментом общества. Славяне признавали государство, но не смешивали его с общиной.

Национальный аспект по-разному оценивался славянофилами. Некоторые были склонны к сепаратизму, замкнутости России, противопоставлению ее Европе (К.Аксаков). Другие полагали, что национальное и общечеловеческое едины (Хомяков). Данный аспект осмысления российской действительности напрямую был связан с оценкой непосредственного будущего России.

Хомяков полагал, что начала русской жизни сами по себе имеют вселенское значение: «История призывает Россию стать впереди всемирного Просвещения. Она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал». Другие народы не в такой мере, как Россия, воплощают в себе свои положительные национальные начала.

Славянофилы, будучи нацеленными на обоснование будущего России на основе ее исторического развития, национальной самобытности, не могли себе представить, что этот путь лежит через процесс преобразования; самобытность ими противопоставлялась общецивилизационному как чуждому началу. Самобытность славянофилами понималась в контексте необходимости отстаивания независимости, даже изоляционизма, тогда как общечеловеческое, универсальное во многом также можно расценивать как развитие самобытного. Национальный эгоизм и ограниченность должны быть преодолены путем организации рациональных основ жизненного процесса. Абсолютизация национального неизбежно приводит к созданию утопии и отрицательным последствиям социального порядка (вплоть до разжигания национальной розни).

Главным объектом критики обществом западного образа жизни выступала личность как начало эгоистическое, индивидуалистическое, ориентированное на материальные ценности. Киреевский полагал, что весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии отдельной индивидуальной независимости. Форма начинает довлеть над проявлением личностных начал. Подобная социальная организация строится на насилии. Данилевский также полагал, что всем народам романо-германского типа свойственно насилие, нетерпимость в религии, приоритет материальных ценностей над духовными. Подобным ориентированным вовне проявлениям «я» противопоставлялась обращенная в себя внутренняя нравственность и духовность.

Данные основания социальной нравственности также следует считать утопичными, поскольку здесь излишне абсолютизированы в оценках как начала социальной жизни Европы, так и России. Не учитывается социальный контекст эволюции и реализации данных ценностных составляющих.

Позитивным в модели славянофильства было то, что здесь подчеркивалась

необходимость нахождения специфических черт национального пути развития России. В данных теоретических построениях подчеркивалось, что России необходимо иметь свою почвенную концепцию, от которой во многом зависит и место страны в мировом масштабе. Главной же ошибкой осмысления столь актуального вопроса и для современной России является иллюзорность, утопичность тезиса о возможности нахождения источника развития в сохранении самобытности, изолированности.

Самоидентификация на базе почвенных идентификаций предполагает опору на такие ценности национального бытия, как коллективизм, артельность, общинность, заединность, дружинность, хоровое начало.

Основу национально-патриотических программ составляют начала общинности, соборности, всеединства. Если с позиций реалистичности подойти к их анализу подобной версии национального пути, то можно прийти к выводу, что данные основания никак не укладываются даже в канву традиционности. Поясним сказанное.

Общинность как условие развития социальных общностей имеет определенный исторический отрезок времени своего преломления. Речь идет об условиях всеобщего машинно-индустриального кооперативного производства. Подобную идеологию общинности предлагали, кстати, не только в России. Можно проследить целое направление в западной философии, где подобная версия социального устройства считалась эталонной (Платон, Т.Мор, Ш.Фурье).

Соборность прежде всего интерпретировалась в русской мысли в контексте православных ценностей (славянофилы, Соловьев, С.Трубецкой, Иванов, Франк, Булгаков, Флоренский). Если оценивать соборность за рамками религии, то под ней следует понимать свободную ассоциацию, союз добровольно объединившихся людей. Следует отметить, что трудовую кооперацию нельзя рассматривать только как сугубо российский феномен. Данная ценность носит интернациональный характер. Как сугубо русское общинно-центристское явление община пережила ряд трансформаций. Здесь необходимо учитывать следующие тенденции: трансфер индивидуализма в элитную культуру (образование, воспитание, стандарты жизни); трансфер конкурентных начал в народную культуру, что предполагало разложение традиционного (холистского) общества вследствие модернизации (что предполагало урбанизацию, гражданскую атомизацию, полифункционализацию лица); развитие капитализма; культурная революция способствовала развалу синкретизма (что выразилось в явлениях персонификации, специализации, секуляризации). Поэтому идеология соборности никак не соответствует реалиям социального развития.

Подчеркнем еще один момент. Соборность предполагает опору на такие скрепы социального общежития, как «земля», «церковь», «покаяние». Данные основания идеологии не обязательно следует связывать с сугубо русским проявлением самобытности. Все идеологии, опирающиеся на фундаментальные религиозные ценности, исповедовали подобные ценностные ориентации. Здесь уместно говорить и о джихаде, и о крестовых походах. В подобную концепцию вписывается и пуританизм.

Всеединство также не связывается только с исконными корнями «русского». Можно привести ряд философских направлений, в которых также идет речь о слиянии человека и мира в некой универсальной гармонии. Данная тема развита не только в русском космизме, романтизме. Намного раньше аналогичные ценностные ориентиры высказывались в идеологии пантеизма. Подобные приоритеты вы-

сказывались у Ж.-Ж.Руссо, А.Карпентера и др.

На что наводит подобный анализ традиционной платформы? Следует отметить, что национальные особенности в принципы трудно генерализуемы для построения некой универсальной платформы национального роста. Более того, мы исходим из положения, что при рассмотрении платформы социально-государственного строительства на данные ценности вообще рассчитывать не приходится. Поскольку они не оказываются теми точками-аттракторами, которые призваны задавать ход исторического развития для конкретных общностей-наций. Идеология может иметь этноконтекстуальную интерпретацию, но не более того. В целом идеология базируется на ценностях универсального порядка.

Платформа национализма также не может расцениваться как универсальная. Суверенизация Великороссии невозможна в силу отсутствия конкретной онтологии, удостоверяющей подобную модель. Российское государство исторически складывалось как полиэтническое. Этнически Россия не гомогенна, она не формировалась как государство русских. Российская колонизация проходила по модели «неколониального» типа. Завоеванным народам предоставлялось право национально-культурной автономии (с условием поддержания равенства жизни в колонии и метрополии).

Россия – образование синтетическое. Достижение некоего универсального баланса ее составляющих элементов, достижение единого состояния нации невозможно. Все подобные доктринальные версии нациогенеза, согласно которым возможно слияние наций посредством их сближения в ходе достижения оптимального качественного состояния, выглядят утопичными. Россия предстает агрегацией культурных, исторических, хозяйственных, ментальных зон, которые всегда останутся суверенными (и самобытными). Естественной этнической самостоятельности, автономности, независимости противостоят геноцид, апартеид, апатрид. Этническая унификация – модель утопичная. Ей противостоит продуктивная идеология межэтнической кооперации. Общность нации достигается в признании того, что народы принадлежат единой геополитической организации. Сущностные основы государственности в России следует рассматривать не на базе этнического, а на базе геополитического принципа.

Также следует отметить еще один важнейший принцип нациообразования – поликонфессиализм. Если делать ставку на религиозный фактор, то данная версия нациогенеза также окажется тупиковой. Исторически в стране различные конфессии существовали в мирном соотношении друг относительно друга. Единоверное общество в стране невозможно, что доказывается историко-этническими, национально-психологическими, бытовыми, национально-психологическими факторами социального развития. Поэтому невозможно делать веру основой национально-государственной идеологии. Государственные институты в России никак не могут быть национально-христианскими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т.26. Л., 1984.
3. Леонтьев К. Византизм и славянство. М.: Книжная палата, 1993.
4. Русские. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992.
5. Солоневич И. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.

Ю.Л. Золотовский. Славянофильство как основа цивилизационного развития в имперской России. Статья посвящена популярному в имперской России проекту социального строительства, обсуждаемого в рамках славянофильской платформы. Оцениваются достоинства и недостатки данной модели цивилизационного развития России с позиций социально-философского анализа.

U.L.Zolotovskij. The slavophilship as the basis of civil evolution in imperial Russia. The article was devoted to popular project of social construction in Russia – slavophil model. Here was estimated the positive and negative sociophilosophical features of slavophil model.

Купчин Н.Н.,
профессор Российского университета кооперации,
кандидат экономических наук

Политическое лидерство: ценностные и технологические критерии

Общество существует в точке между прошлым, подвергаемым непрерывному переосмыслению, и будущим, созидаемым на основе исторического опыта и под влиянием проектов. В формировании грядущего велика роль сознательного выбора, конструктивных решений, целеориентированной деятельности, социального творчества политических лидеров и элиты. Выбор цели и путей ее достижения неотделим от выбора наиболее достойных, ответственных, профессиональных представителей нации, которым можно доверить лидерство. Хотя историю в обобщенном смысле вершит народ, выбор за него делает элита, которая складывается стихийно, действует импульсивно, нередко безответственно, эгоистически. Политические лидеры часто адресуют народу в короткий исторический отрезок времени диаметрально противоположные программные идеалы. Доктринерство, прожектерство лидеров и элиты через фабрикацию идеологий, политических программ, узурпацию власти, выстраивание существования по конкретным формам отражения идеала в социальной реальности приводит к неоправданным искажениям естественного хода жизни.

В XX в. войны, ужасы тоталитаризма, многочисленные конфликты, нарастающие глобальные угрозы привели к неизбежному выводу: опасно полагаться в деле устройства жизни исключительно на рационалистические схемы. История показала, что возникает разрыв между иницилирующими радикальные социальные перемены идеалами, ценностями и нередко катастрофическими результатами.

Просвещенческий подход к политике предполагает, что власть, приобщенная к высотам духа, воплощает должное в реальности, руководит массами, направляет их к намеченной ею цели. Однако такой подход опасен обращением политики в угрозу человечности — реализация проектов власти ограничивает естественность, приводит к рассогласованию политического курса и реалий жизни. Опасность возникает при недопонимании того, что любая политическая доктрина представляет духовный комплекс, вырабатываемый политической мыслью, тогда как применение доктрины — практическая задача, реализуемая конкретными политическими деятелями и их единомышленниками в политической конкуренции с приверженцами иных доктрин и проектов.

Если политика как доктрина порождается отвлеченной мыслью, то политика как технология осуществляется конкретными деятелями. Задача политического лидера состоит в синхронизации доктрины и жизни, проекта и воплощения.

В идеальном случае данная задача решается благодаря совпадению ценностей персональной и политической актуализации, когда личностные качества и общественные ценности соответствуют друг другу, взаимно адаптируют частные и общие ценностные начала. Критерии, качества, которые необходимы политическим лидерам, претендующим на значимую роль в судьбе народа, нации, понятны. Это: рациональность, реалистичность, ответственность, толерантность, оптимальность, гибкость, правозаконность, компетентность, державность, человеколюбие, достоинство, культуротворчество (уважительное, тактичное отношение к наследию). Однако совпадение индивидуально-эгоистического и политически-типического встречается не часто и не может служить ориентиром выработки ценностей политической деятельности, которая далека от того, чтобы считаться местом концентрации людей,

обладающих перечисленными свойствами, погруженных в плодотворное социальное творчество ради Блага народа.

Политика представляет бюрократическую машину: как и бездушная техническая индустрия, она производит вещь, общественную организацию, утратив подчиненные, обслуживающие функции, став неким самодовлеющим предприятием. Призвание политики – изменять мир – таит и часто сбывающуюся в истории угрозу насилия, принуждения в обход блага частного лица. Политике свойствен гигантизм, программная идеализация, не учитывающая отдельного человека. Политика охотно жертвует живой традицией личностью. Нередкие радикализм, прожектерство политических лидеров противостоят здоровой обыденности, ведут к потрясениям, тогда как народу нужна добротная будничная жизнь; идеализм, партийность, претендующие на просвещенность, оборачиваются для народа варварством.

Мораль, право, добрая воля, целерациональное профессиональное действие, общечеловеческие ценности не являются надежными универсальными мерилami состоятельности политического деятеля.

Сказанное фиксирует фундаментальную проблему определения твердых, превосходящих частные принципы, критериев, на которые следует опираться при выборе и оценке тех, кто должен вершить судьбы народов.

Несмотря на обилие теорий, типологий, разносторонних трактовок, ракурсов, формирующих объемное представление о природе политического лидерства, приходится констатировать, что последнее недостаточно полно исследовано как институт, в значительной мере определяющий выбор стратегии, направления, средств, технологий развития общества, так или иначе соотносимый с ценой и ценностями развития. Политический лидер несет ответственность за судьбоносные для ведомых им людей решения, однако концептуально ясных критериев установления ценностной и технологической приемлемости таких решений социальная и политическая наука, на наш взгляд, пока не дает.

Попытаемся на основе критического анализа исторических прецедентов оптимальных стратегий управления обозначить ценностно-технологические основания, на которые должен опираться политический лидер в своей деятельности.

Деятельность политика – деятельность социального технолога, который взаимодействует с людьми, включенными в конкретные связи со средой. Реалистический подход к обоснованию политической деятельности связывается с идеей конструктивности, состоящей в увязывании действия, технологии с предсказуемостью результата. Однако опора на регулярность, нормосообразность деятельности не снимает угрозу возникновения иррациональных политических практик. Конструктивный подход не исключает автоматически ошибочность средств и результатов.

Тезис о порядке как стратегии нормативной самоорганизации, сообщающей деятельности целесообразность, прозрачность, представляется доктринальной уловкой – в действительности жизнь организуется не по абстрактным принципам, а разворачивается под влиянием несогласованных интересов. Сторонники концепции рационального действия отстаивают необходимость и возможность синхронизации разнонаправленных ориентиров деятельности. Причину конфликтности общества они видят в конфликтности ценностных оснований как результате принадлежности к различным ценностно-нормативным системам. Рациональность должна служить задаче согласования несовместимых экзистенциальных стратегий при помощи формального доказательства; в материальном модусе согласование возможно на основе понятия благополучия, вытекающего из ориентирования деятельности на опреде-

ленные ценностные постулаты (1).

После М.Вебера попытка восстановить рациональность как невраждебную жизненности регулятивную функцию деятельности предпринята в понимающей социологии (Т.Парсонс и др.), оперирующей более сложной (в сравнении с веберовской) моделью социальной реальности. В последней признается, что сами люди конструируют социальную реальность, внедряя в ее ткань различные ценности, цели, идеалы. В таком сложном, ценностно диверсифицированном мире возникает проблема осмысленной коммуникации, продуктивного взаимодействия. В условиях узкого круга тривиально стандартных ситуаций выполнимо правило: «действие происходит через овеществление общих ценностей» (Парсонс). С позиций понимающей социологии и в более широком контексте в многообразии ценностей выделяется некое твердое ядро, в котором запечатлеваются поведенческие императивы экзистенциальной стихии, обозначенной Гуссерлем как *Lebenswelt*.

Однако разнообразие специфичных ценностных систем не может обеспечить резонанс социальных действий. Последний возникает при условии, что каждый шаг утверждения в мире основывается на запасе раннего опыта, который включается в определенное единство, служащее каждому из нас в качестве направляющей схемы наших собственных поведенческих актов. Все наши опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются нам с самого начала в своей типичности (2).

Таким образом, типизация выступает предпосылкой сходности наших истолкований, действий, реакций в жизненном мире. Архетипы жизненного мира задают стратегическую инициативу социального действия. Причастность единой человеческой природе порождает лишенную границ гуманитарную общность.

Данный тезис предполагает возможность понимания другого на основании способности понимать его точку зрения и конгруэнтности различных ценностно-нормативных систем. Последнее означает, что различия в подходах к миру иррелевантны, оценки тождественны, суждения о положении вещей используют сходные критерии. В итоге в жизненном мире взаимодействие осуществляется благодаря расчету на взаимность. Если у Вебера предлагается калькуляция векторов и интересов деятельности, то в понимающей социологии взаимодействие основано на общей вере в то, что мир, сам субъект деятельности и окружающие его, подобные ему индивиды не изменяют свойства.

Но такая идеализация неизменности неадекватна; мир, человек, общество изменяются, люди несамостоятельны, действуют, руководствуясь различными ценностями. Это означает, что необходимо преодоление естественно-научного варианта социальной теории, признание самодостаточности гуманитарного ресурса социальной реальности. Требуется аксиологически ориентированная система, доктринально выражающая ценностную природу человека.

Человек представляет ценностно выраженное, идеалонесущее существо, что проявляется в организации деятельности. Действительная человеческая история начинается с постановки вопросов о допустимости, цене, отнесении к ценностям целей и средств деятельности. Поскольку цели и ценности людей различны, постольку есть намерение подчинить их неким абсолютным предпосылкам, находящим оправдание в логическом подходе к решению поисковых задач. В качестве таковых в различных системах выступают религия, рационально устроенное общество, цивилизация, жизненный мир. На их основе возникали и возникают концепции «категорического императива» (И.Кант), «рационального действия» (М.Вебер), «ин-

тегральной цивилизации» (П.Сорокин), «сопряженности взаимных перспектив» «жизненного мира» (А.Шюц). Абсолютизация оснований деятельности позволяет соблюдать теоретико-методологический монизм, приводить многообразие к единству, фиксировать инварианты.

Однако необходимо принять в расчет, что онтологический базис социальной практики, сотканной из социальных действий, двусоставен. В качестве исходных всегда выступают человеческие цели, мотивы, интересы, ценности, которые накладываются на объективные условия жизнедеятельности. События в силу этого имеют много причин: порождены и субъектами, и объективными зависимостями вследствие включенности лиц в более глубокие причинно-следственные связи.

Что в таком случае следует избрать концептуальной базой для комплексного рассмотрения субъектной и объектной сторон политической деятельности, что даст возможность адекватно и надежно оценить соотношение целей, средств и результатов деятельности политика, прочность ее ценностного и технологического фундамента?

Оптимальные стратегии социальной деятельности имеют эмпирическую и критическую сущность, средством их выделения должно быть аналитическое обобщение социально-исторического опыта. Последний позволяет сделать принципиальный вывод: в социальной действительности существуют жизнеспособные инварианты, к которым относятся обнаруживаемые в ходе исторического развития посредством отбора из числа возможных сценариев жизнеустроительные оптимумы, выражающие строй максимально отлаженного существования. В сфере культуры, хозяйствования, политики, гражданского общества и т.д. в логике отлаживания жизнеспособных действий выделяются тупиковые и перспективные ветви развития. Выход на последние означает концентрацию наибольших и наилучших приближений к неким экстремальным идеальным состояниям, которые являют максимальную мотивированность, стимулированность продуктивной деятельности в материальном воспроизводстве, максимальную самореализуемость в духовной сфере, максимальное участие, вовлечение, волеизъявление в политико-гражданских процессах, максимальную самоудовлетворенность, полноту, глубину существования в экзистенциальном измерении.

В обобщенном виде данные параметры суть признаки оптимальной стратегии бытия, предписывающей участникам исторического процесса стремиться к максимально достижительным, гарантийным, успешным (выигрышным) линиям поведения (3).

На больших интервалах социум стремится именно к оптимальной стратегии бытия. Когда на социальное действие (от планирования до маневрирования) проецируются параметры желательности — максимальная выгода при минимальных издержках, — вступают в силу императивы разумности, целесообразности, справедливости, достоинства, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов при недопустимости, невозможности вхождения в некоторые состояния и выхода за некоторые величины, решения проблем с неприемлемым уровнем затрат.

Устроение общества не есть задача с произвольным решением, оно лимитируется условиями, состоящими из фазовых, временных, ресурсных ограничений (человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциалы) и ограничений инициативных, при которых не допустимы саморазрушение, самоуничтожение. Социальное устроение держится на специфической манипуляции всеми видами инициатив и ресурсов, подчиненной достижению желательных состояний с позиций критериев качества. Подобные критерии, обостряя регулятивную коррекцию деятельности, выделяют из множества допустимых динамических форм

(цели, средства, результаты – намерения, механизмы, действия) магистральные линии развития как совокупность социальных действий, лежащих на оптимальной, эффективной, приоритетной траектории движения социума.

Выбор политиком стратегии в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Оптимизационная направленность актов выбора (принятие решений) ориентирована на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение субъектов политики и истории, участвующих, как правило, в антагонистичных взаимодействиях.

Таким образом, от политического лидера логика устройства жизни требует искать инвариантное, которое в качестве должного задает цели и направления социальной динамики. Доказавшие мирскую состоятельность ценности приобретают статус императивов, в которых важно жизнеутверждающее начало. Исторический процесс прогрессивен, если подчинен гуманитарно оправданным императивам, обеспечивающим жизнь и справедливое распределение жизненных ресурсов. Ценность лидера определяется его способностью согласовывать конкретный политический курс с универсальными гуманитарными параметрами жизни – экзистенциальными абсолютами. Окончательная оценка вклада в историю выносится коллективным разумом на основе проработки существа деятельности в системе «цель – средство – результат».

История попыток воплощения радикальных идей, идеологий показывает: политический лидер должен учитывать, что ценность идеала состоит лишь в самой его постановке, поскольку он располагается не в плоскости идеологии прямого действия, а в плоскости идеологии побуждения к нему. Идеал необходимо реализовывать не через действие, а через его инициацию, функция идеала – побуждать. Непонимание регулятивной природы идеала, некритическая его онтологизация породили культуру социального трансформизма, разрушающего естественный ход жизни. Культура неумного, инспирированного идеалом реформизма неоднократно приводила в отечественной истории к трагическим результатам, поскольку насильственное устройство не может не прибегать к карательным действиям.

Политика как наука не автономна от жизни, а подчинена ей; она не есть ценностно самодостаточное социальное действие, деятельность, практика. Политическая наука призвана моделировать, но не трансформировать реальность. Политическая технология – инструмент устройства массовой, практически-обыденной, повседневной жизни, она не должна деформировать жизнь объективацией умозрительных отрешенных проектов.

Реализация политики не через насилие, а через влияние достигается в том случае, если политика функционирует как институт не генерации жизненных схем, а выработки баланса сил – уравнивания реформаторства и народной воли. Сбалансированная политика предполагает раскрытие многосторонних элементов политического быта, выяснение смысла существующего и возможности улучшений вместе со способами, которые не нарушают правильное течение общественной жизни.

Человек погружен в обыденное и историческое измерения. В обыденности важны устои, соответствие частной жизни жизни общей, коллективному опыту всего общества, воплощенному в традициях. В историческом измерении ценится инновационное. Разрушая обыденность с ее преемственностью, консерватизмом, историческое предполагает иные способы обработки субъективного опыта. Обыденное и историческое несоизмеримы, и в удаленности исторического деятеля от обыденности заключается трагедия.

Противоречащее социальным ценностям абсолютам гражданское мифотворчество возникает при нарушении баланса обыденного и исторического, народного и героического. Будучи не подкреплено высоким духом понимания жизни, сознание в угоду «рациональному», схематичному обрекает массы и отдельного человека на страдания. «Научное управление обществом», контроль событий, направляющий жизнь по пути «прогресса», ведут к утопизму, оборачиваются сомнительными достижениями. Технократические, сциентистские прожекты, социотехнические манипулирования в их неспецифической функции перестройки мира ведут к варварству, разрушительным предрассудкам.

Политические доктрины не предназначены к выполнению рецептурных функций, их задача — моделирование сценариев возможных линий, отслеживании их перспектив и потенций. Радикалистская индоктринация политической деятельности ведет, как правило, к пагубному переходу на форс-мажор, преодолению рутины, изобличению обыденности, восстанию против традиции. Доктрины связывают с миром не через прожекты, а через ориентацию на гуманитарные абсолюты, высшие ценности антропологически выверенной политики — гражданский мир, достоинство человека, благоденствие социума.

С этой позиции лидер не вправе превращать политику в орудие борьбы с действительностью, игнорировать исторический опыт, который аккумулирует представления о наилучшем пути устройства социальной жизни, служит базой для выработки социальных решений и выбора социальных технологий. Опыт противостоит умозрительности, склоняет к ориентации не на призрачный идеал, а на жизненные ценности, питая реалистическую стратегию развития.

Наивысшая цель политической деятельности состоит в достижении благополучия всех на основе благополучия каждого за счет избавления от не критической устремленности к идеалу в обход гуманитарных ценностей. Реформирование не должно приводить к торжеству чистых, не сопряженных с жизнью идей, радикализму, масштабности, необозримости преобразований. Важно придерживаться мелиористских, эволюционистских, консенсусных подходов к достижению целей. В политике утверждаются не идеалы, а интересы, средство утверждения — не сила, а легитимная народная воля. Возможность ее учета заключается в расширении социального вовлечения и участия, предполагающего легализацию диверсифицированных собственных и гражданских форм.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 695.
2. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.
3. Ильин В.В. Аксиология. М., 2005. С. 104.

Н.Н. Купчин. Политическое лидерство: ценностные и технологические критерии. Работа посвящена актуальным проблемам политического лидерства, рассматриваемого в контексте социально-культурного развития. Автор уделяет внимание ценностным аспектам политического действия и поведению политического лидера исходя из данных позиций.

N.N. Kupchin. Political leadership: axiological and technological criterious. The author considers the actual problems of political leadership in the social-cultural aspects. In the article was consider axiological aspects of the political action and the behavior of political leader.

Лубнин Д.А.,
Московский государственный областной университет,
аспирант кафедры социальных наук и
государственного управления

Стабильность современной России – условие для трансформации политического режима

*Главный изъян демократии в том,
что только партия, лишенная влас-
ти, знает, как управлять страной.*
Л.Путер

Происходящие в последние годы радикальные перемены в жизни нашего общества, в функционировании самого государства и его политических институтов поставили перед данным исследованием ряд трудных для разрешения задач, ответы на которые помогут определить дальнейший путь развития России.

Одна из таких задач состоит в том, чтобы выявить условия и способы достижения стабильного и устойчивого развития общества, политической системы в целом и государства в частности на этапе переходного периода, переживаемого сегодня Россией. На мой взгляд, эта задача важна прежде всего в силу того, что процесс реформирования не дал положительных результатов, которые позволили бы говорить о том, что Россия вышла на устойчивую линию своего развития с положительной тенденцией в социально-политической сфере жизнедеятельности общества.

К настоящему времени у России накопилось много проблем, которые возникли в ходе ее перехода к демократической модели общества и государства. Эти проблемы характерны буквально для всех сфер жизни общества – политической, социальной, экономической и духовной.

Действительно, в обстановке системного кризиса проблема стабильности становится особенно актуальной и требует выработки подходов к обеспечению управляемости процессом реформ и устойчивости общества и его политических институтов.

Что же такое «стабильность» и «нестабильность» для России сегодня? Наличие стабильности, можно констатировать там, где нет состояния войны, власть легитимна. Сегодня наше общество находится значительно выше низшего порога стабильности. Мы имеем легитимную Конституцию, власти Президента и Правительства не угрожает полномочие. В пользу стабильности говорит и тот факт, что исполнительная власть сейчас практически разделена на два звена: силовые структуры, внешнеполитическое ведомство контролируются президентской командой, а экономические структуры – премьером. Стабильность связана также с тем, что правительство стало более однородным.

Сложность проблемы стабильности в России заключается в кризисе идентичности. Российское общество утратило былую идентичность, подкрепленную советской символикой. Старые символы дискредитированы, а новые пока формальны. Кризис идентичности осложнен проблемой русских и русскоязычных, живущих в ближнем зарубежье. Мы сохранили статус великой державы, но не можем пока опделить зону национальных интересов.

Важнейший аспект постоянной дестабилизации в России – это огромные

масштабы страны.¹

Главная причина нестабильности – неособоевистская революция, развернувшаяся в России после 1991 года. При этом, можно выделить следующие конкретные причины нестабильности. Во-первых – утопизм новой идеологии, ставшей основой проводимого политического курса. В ней были воскрешены черты ранней либеральной идеологии американского типа, которая, кстати, нигде и никогда не была в полном объеме реализована на практике. Во-вторых, это устранение государства от решения тех задач, которые оно призвано претворять в жизнь в любой стране. Важнейшая функция государства – интеграция общества. Раньше опорой государства была КПСС, когда же ее устранили, образовался вакуум власти, вакуум силы. В-третьих, либерализация экономики в соответствии с монетаристскими концепциями. Монетаризм – политика для стран с развитым рыночным хозяйством, которая в наших условиях абсурдна. В-четвертых, это разрушение национальной государственности самой России.

На базе анализа этих причин можно наметить пути стабилизации. Прежде всего необходима патриотическая и одновременно демократическая идеология. Далее – следует ввести институт ответственности. Какие бы ошибки наше руководство не совершало, у нас никто не несет политической ответственности. Третье – пересмотр отношения к административной системе.²

В.В. Серебрянников главным фактором, который стабилизирует либо дестабилизирует политическую обстановку считает *политическую борьбу*, прежде всего борьбу за власть. Не регулируемая обществом, она ведет к хаосу, анархии и распаду общества. Именно эта борьба привела к развалу СССР. С другой стороны, подавление борьбы за власть приводит к созданию видимости единства, благополучия. В результате власть перестает совершенствоваться, наступает стагнация общества. В такой ситуации острые социальные конфликты сохраняются и, рано или поздно, взрывают мнимую политическую стабильность. Обе тенденции имеют место в современном российском обществе.

Политическую стабильность в России можно обеспечить лишь в том случае, если в стране будет действовать Конституция, признанная и одобренная большинством населения. Если же в обществе не будет конституционного согласия, то борьба за власть в конечном счете неизбежно станет дестабилизировать политическую ситуацию, ибо различные политические силы в своих интересах начнут настаивать на смене Конституции, общественного строя и т.п.

Достичь политической стабилизации нельзя без наличия общей идеи, не важно какой – политической, экономической, которая бы объединяла всех.

Н.А. Чалдымов связывает понятие «стабильность» с понятием «интерес». Надо вынести за скобки то, что нас разъединяет и оставить в центре то, что нас объединяет, позволяет проводить скоординированную политику. А следовательно, говорить о совместных интересах. Надо понять, во имя чего существует сегодня наша страна. Нужен государственный стержень, идеология.

Политическая стабильность или нестабильность определяются двумя факторами – эффективностью или неэффективностью власти. Эффективность власти в современной России – это прежде всего вопрос государства. Сегодня государственные структуры в нашей стране фактически действуют неэффективно или вообще не действуют. У нас бюрократия осталась изолированной от всех форм политического контроля. Сама бюрократия является источником власти. Причем власти, все время усиливающейся в результате реформ. Консолидация нашей бюрократии является

основой укрепления политической стабильности.³

Разумеется, предложенные пути укрепления политической стабильности имеют большое значение и должны быть учтены. Заметим, однако, что достижения стабильности, как таковой, не является некоей панацеей от всех бед. Ведь, в конечном счете, под стабильностью политической системы понимается ее способность сохранять системные свойства и функциональность элементов в течение длительного периода времени своего существования. При этом, как справедливо, подчеркивают ученые, стабильность, доведенная до своего максимума, подавляет любое развитие системы, ибо она противоречит принципу изменчивости.⁴

Таким образом, в принципе политическая система должна стремиться не столько к стабильности, сколько к так называемой «динамической устойчивости», которая только и позволяет системе сохранить свою целостность и системные признаки, с одной стороны, а с другой – обеспечивает способность системы к развитию.

Прежде всего нужно разобраться, какое содержание в современной политической науке вкладывают в понятие режима. Во-первых, понятие «режим» следует соотнести с понятием «власть», занимающим, бесспорно, центральное место в политической науке. Без преувеличения можно сказать, что решение, изучение любой конкретной проблемы в политологии обязательно упирается в проблему политической власти.

Власть может рассматриваться по –разному, но практически во всех случаях исследователи считают необходимым подчеркнуть, что она представляет собой отношение и включает в себя два основных компонента – приказ и подчинение. «Власть, замечает польский политолог Е. Вятр, – это возможность приказывать, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться».⁵

Цыганков в своей книге «Современные политические режимы: структура, типология, динамика» дает следующее определение политического режима: политический режим есть совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь при этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, «дыхание» политической системы, ее упорядоченная динамика. Таким образом, он весьма близок к политической системе содержательно, что в целом ряде случаев позволяет рассматривать данные понятия как взаимозаменяемые.⁶

Начало процесса демократического перехода – тот исторический момент когда участники политического процесса осознают, что старый режим больше не может служить основой их действий. Первая стадия перехода – либерализация, перетекающая постепенно в демократизацию. Критический момент этой стадии – учредительные выборы.

Второй тип – «пактированный» («договорный») переход - значительно менее распространен. Его основной принцип состоит в заключении пактов, соглашений, в которые оказываются вовлечены правящие группы прежнего режима.

Третий тип – «реформистский» – связан с массовой мобилизацией снизу, когда реформы осуществляются благодаря существенному давлению низов на правящие группы.

Четвертый тип – демократизация путем революции.⁷

Особенность России – слабость политических партий, их малая вовлечен-

ность в процесс консолидации и неспособность самим сосредоточиться и упрочится (общее число партий не только не уменьшается, но напротив, возрастает, что отличает ее политическую жизнь от большинства известных случаев навязанного перехода). Интерпретаций этого специфического явления может быть три:

1. Политологическое – объединение, связанное с изначально выбранным типом перехода.

2. Социологическое – объяснение, исходя из типа социальной стратификации, общественной традиции, существующей в Восточной Европе и в России.

3. Объяснение с позиций концепции «аморфного общества» (в условиях однородности общества не было оснований для того, чтобы осуществлять процессы представительства).⁸

Разочарования, связанные со сложностями преобразований в России, способствовали распространению представлений о том, что либеральная демократия «неприемлема» для нашей страны в силу особенностей ее цивилизации. Иногда сомнение относительно либеральной демократии как ориентира в демократических транзитах мотивируют тем, что такая демократия эффективна только в стабильной экономической и социальной ситуации.

Неконсолидированному обществу, раздираемому противоречиями и конфликтами, утверждает например Г.Л. Тульчинский, либеральная демократия просто противопоказана: «Игнорирование общих ценностей, патриотизма ведет к тому, что либерализм в своем стремлении поддержать достоинство и автономию личности подрывает социальные связи».⁹

В пользу отказа от ориентации на демократию западного образца приводятся доводы о кризисе последней, о ее пороках и деградации.

Напомню основные принципы либеральной демократии: это конституционный либерализм, т.е. законодательно оформленные и соблюдаемые социальные, политические, экономические и религиозные свободы граждан; разделение властей, обеспеченное эффективной системой сдержек и противовесов; ограниченность компетенции исполнительной власти и ее подотчетность, которая обеспечивается парламентом, независимой судебной властью; свободные, регулярные, конкурентные выборы, результат которых не предопределен заранее; защита прав культурных, этнических, конфессиональных и других меньшинств; наличие постоянных каналов выражения и представительства интересов и ценностей граждан в виде партий, ассоциаций, независимых СМИ; власть закона, которая ограждает граждан от произвольного ареста, изгнания, террора и пыток, от неоправданного вмешательства в их личную жизнь.

Разве все эти принципы являются мифическими, утопическими? Именно либеральные ценности способствовали превращению граждан в активных субъектов политики, защищенных от государственного и общественного произвола.

Страны либеральной демократии, безусловно, не идеальны. Идеал, как известно, – это мысленный образец совершенства, норма, к которой стремятся, но которую невозможно достичь, ибо предела совершенству нет. Таким образом, очень важно различать либеральную демократию как идеальный тип общественных отношений, с одной стороны, и ее воплощение в человеческой практике – с другой. Заслуга западных политиков заключается в том, что они теоретически обозначили социально-политический идеал современной цивилизации и создали рациональную систему его постепенной реализации.¹⁰

Несмотря на продолжавшуюся уже более десяти лет новую попытку демокра-

тизации, сегодняшняя Россия весьма далека от либеральной демократии, возможно, даже дальше, чем в последние годы существования СССР. Постсоветский опыт нашей страны подтверждает тезис о том, что в обществе, где либерализация не предшествовала демократизации, а последняя осуществлялась спонтанно, либерально-демократическая конституционная система имеет мало шансов на закрепление. Это не означает, что обществам, утратившим стабильность в результате слишком быстрой демократизации нужно посоветовать отказаться от всех демократических завоеваний, забыть о свободных выборах, установить авторитарную диктатуру или восстановить колониальный режим.

Перспективы демократии в России, безусловно, зависят от процесса усвоения обществом либерально-демократических ценностей. Многие факты свидетельствуют о том, что российские граждане одобряют курс на демократизацию. При этом они отчетливо осознают разницу между демократией в том виде, в каком она существует в нашей стране, и идеалом демократического устройства. Так, согласно опросу, проведенному в 2001 г. большинство россиян позитивно относятся к демократии, давая ей в среднем 7 баллов по 10 балльной шкале. 60% были уверены в том, что демократия как форма правления подходит России.

Современная российская демократия держится на балансе между демократами и авторитаристами. Последние, преследуя свои цели, тем не менее могут использовать демократические методы политической борьбы.

В этих условиях либеральные демократы оказываются перед дилеммой: использовать демократические или авторитарные методы проведения либеральных реформ и установления демократии. События октября 1993 года остро обозначили эту проблему.

Еще одна проблема российской демократии – это легитимность. Копирование в России законодательной (правовой) базы западных демократий само по себе не способно гарантировать политическую стабильность. Примером может быть разделение властей. В посткоммунистической России различные ветви власти (исполнительная, законодательная и судебная) оказались не разделенными, а противостоящими. Вспомним события октября 1993 года.

Правовое государство, верховенство закона основываются на легальности, т.е. на рациональной ориентации людей на определенные правила действий. Поэтому проблема правовой базы российской демократии состоит не только в наличии соответствующих законов, но и в их легитимности. Закон тогда становится действующим, когда на него ориентируют свои действия.

Гражданская война, репрессии, путч 1991 г и события октября 1993 года - наиболее показательные примеры нелегитимности и нелегальности политических действий.¹¹

Принимая во внимание субъективный смысл этих действий, можно выделить еще одну проблему российской политики: политическая деятельность часто имеет неполитические мотивы. Люди нередко идут в политику, чтобы достичь чисто экономических целей. В нынешней России политика может приносить доходы легальные (причем не только денежные, но и неденегные: служебная квартира, дача, автомобиль и т.д.), превышающие доходы от занятий медициной, наукой и даже бизнесом. Политический статус позволяет его обладателю получать «ренту», поэтому в России политики так редко и так тяжело расстаются со своими должностями.

Развитие политической ситуации в России – не только внутренняя проблема. В случае прихода к власти авторитарных сил может кардинально измениться меж-

дународная обстановка.¹²

Обобщая сказанное, можно утверждать, что перспективы установления в России стабильного и прочного либерально-демократического порядка (подобно существующему в странах Запада) зависят от изменений в ценностях и действиях политических субъектов (как на уровне лидеров и организаций, так и на уровне масс) в сторону рационализации и либерализации. Пока этого не происходит. В настоящее время в российском обществе сильна ориентация на авторитаризм под влиянием националистических и коммунистических идей, значительна роль харизматически-чувственного типа действий и в то же время слаба легитимность, в первую очередь легальность демократических законов.

Сказанное не означает, что либерально-демократическое устройство неприемлемо в России ни при каких обстоятельствах. Верно, что культура либерализма и политическая система, гарантирующая гражданские свободы, сложилась на Западе в результате его уникального исторического опыта. Тем не менее определенный переходный период необходим. Вместо одностороннего упора на выборы необходимо развивать правосознание, создавать действенную систему разделения властей, обеспечивать реальные гарантии независимости суда. Одновременно требуется укрепление государственной власти на всех уровнях, с тем, чтобы решения ее исполнительной ветви признавались и выполнялись в полном объеме и на всех уровнях.

Для выработки правильного отношения к либерально-демократической государственности и соответствующему опыту стран Запада необходимо четко различать в жизни каждого государства черты и свойства: национальные, характерные лишь для данной нации; цивилизационные, присущие одной крупной нации; общенациональные формационные, свойственные народам, находящимся примерно на одинаковой стадии развития; общечеловеческие, присущие всем представителям рода человеческого и межнациональные.

Сегодняшние экономические, социальные, политические и культурно-информационные реальности России коренным образом отличаются от стран Запада. Поэтому прямая ориентация процесса политического реформирования России на западные образцы научно не обоснована.

Без сближения политики и нравственности невозможно сформировать массовое уважение у закону и строить правовое государство. России необходим более тщательный этический контроль за политическими лидерами и всеми должностными лицами.

Опираясь на исконные ценности, творчески используя свой опыт и опыт других стран, Россия должна осуществить новую модернизацию и прочно встать на путь постиндустриального развития.

России предстоит пройти долгий и трудный путь к своему подлинному обновлению. На этом пути ее ожидает множество препятствий, трудности велики, но есть шансы пройти этот путь. И эти шансы необходимо использовать до конца. От этого зависит не только наше благополучие, но и сама наша жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Белов Г.А. Политическая стабильность: модели и российская действительность // Кентавр.- 1994.- № 3. С.61.

2. См.: Пугачев В.П. Политическая стабильность: модели и российская действительность // Кентавр.- 1994.- № 3. С.62.

3. См.: Купряшин Г.Л. Политическая стабильность: модели и российская

действительность // Кентавр.- 1994.- № 3. С.72.

4. См.: Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Н. Шургалиной.- М., 1994.-С.27.

5. Цит по: Вятр Е. Социология политических отношений. – М.,1979. -С. 159.

6. См.: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика.-М.,1995.- С. 18.

7.См.: Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов // Полис- 1999.- №3.-С.31.

8.См.: Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов // Полис- 1999.- №3. –С.32.

9.См.:Тульчинский Г.Л. Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопросы философии – 2002 - №7.-С.24.

10. Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. – 2004. - №2.-С.82

11. См.: Качановский И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. -1995. - №2.-С.56.

12. См.: Качановский И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. -1995. - №2.-С.56

Статья «Стабильность современной России – условие для трансформации политического режима» написана аспирантом Лубниным Дмитрием Александровичем. В ней дается изложение проблем России при трансформации политического режима и переходе к демократической модели общества и государства. Рассматриваются основные причины нестабильности и возможные пути их преодоления в переходный период. Учитываются исконные ценности и традиции, а также экономические и политические реальности современной России и их значение при переходе к либеральной демократии.

The article “Stability of modern Russia is the condition for the transformation of a political regime” is written by the postgraduate student Dmitrey Alexandrovich Lubnin. It tells about the problems of Russia in the period of transformation of a political regime and of the transition to the democratic model of the society and the state. It touches upon the basic reasons of non-stability and possible ways of their overcoming in the transition period. All the original values, beliefs and traditions are taken into consideration as well as economic and political realities of modern Russia and their importance during the transition to liberal democracy.

Лысенко М.В.,

аспирант кафедры экономической теории и менеджмента факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета

Последствия расширения Евросоюза для России: социально-экономический аспект

В конце XX века в мире произошли изменения геополитического характера. В первую очередь это связано с процессами трансформации, происходившими в СССР и других социалистических странах. В числе важнейших составных общего процесса трансформации – прекращение существования СЭВ и Варшавского договора. Важное вехой стало также расширение на восток: НАТО и Евросоюза (ЕС).

В настоящее время процесс трансформации далеко не закончен. Проявляются все новые и новые аспекты этих перемен. Однако, во взаимоотношениях России и ЕС, России и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) просматриваются разные этапы наблюдаемой эволюции.

На первом этапе (90-е гг. XX в.) взаимоотношения России со странами ЦВЕ ухудшались. Однако в начале XXI века мы наблюдаем учащение контактов и связей, некоторый поворот к лучшему.

Новые возможности и перспективы открылись для РФ в связи с вступлением в ЕС стран, которые в течение долгих лет были нашими ближайшими партнерами.

В мае 2004 г. произошло расширение Европейского союза за счет бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы – Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, и стран Балтии. В ЕС вступили также Мальта и Кипр. До конца текущего десятилетия к ЕС присоединятся Болгария, Румыния и, возможно Украина, Молдова, а также некоторые страны бывшей Югославии, Турция.

Экономическая и политическая переориентация стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), бывших до преобразований 90-х годов нашими ближайшими партнерами, на Евросоюз значительно изменило взаимоотношения России и ЦВЕ, а также и взаимоотношения России с ЕС.

Идя на экономическое и политическое сближение с ЕС, эти страны рассчитывали, как и Россия сегодня, на ускорение начатого процесса системной трансформации, достижение среднеевропейского уровня экономического развития и качества жизни.

Постсоциалистические страны продемонстрировали значительные успехи на пути создания рыночной экономики, что явилось основой их прочного интегрирования в европейское сообщество. Среднегодовые темпы увеличения ВВП в странах ЦВЕ составили в 2001 г. 3,1%, в 2002 г. - 2,9%. Важной составной частью процесса интеграции стало поступательное развитие торговых связей стран ЦВЕ с ЕС. Удельный вес Евросоюза в торговле стран ЦВЕ достиг за годы реформ высокого уровня: в 2002 г. на его долю приходилось почти 70% экспорта и более 60% импорта этих стран.

Новые возможности и перспективы открылись для РФ в связи с вступлением в ЕС стран, которые в течение долгих лет были нашими ближайшими партнерами.

Смена внешнеэкономических приоритетов стран ЦВЕ привела к сокращению торговли с Россией, уменьшению ее присутствия на их рынках. До начала 90-х годов на эти страны (без стран Балтии) приходилось порядка половины общего внешнеторгового оборота бывшего СССР. Сейчас их доля в товарообороте России

составляет около 10%.²

Утрата Россией торговых ниш на рынке ЦВЕ из-за низкого технологического и инновационного потенциала отечественной промышленности в условиях наплыва конкурентоспособных товаров западных фирм привела к снижению удельного веса готовой промышленной продукции в экспорте. Резко сократился для сбыта российской машинотехнической продукции, доля которой в импорте большинства стран упала до 2-5%. На долю изделий машиностроения приходится всего 5,1% российского экспорта (8,4% в 2000 г.), химических товаров - 4%, лесобумажных-2%, изделий легкой промышленности-6%.³ Почти закрылся рынок для российского вооружения. Вступление прежних партнеров России в НАТО (Венгрии, Польши и Чехии в 1998 г., Болгарии, Румынии, Словакии, Словении и стран Балтики - в мае 2004 г.) в существенной степени ограничило российские поставки военной техники и вооружений, даже в счет погашения задолженности по советским долгам.

Однако, роль России в экономической жизни стран ЦВЕ весьма существенна, правда, в основном за счет поставок нефти и газа. В 2002 г. РФ полностью удовлетворяла импортные потребности в газе Словакии и стран Балтики; в ядерном топливе - Венгрии, Литвы; в нефти - основную часть импортного спроса всех стран региона (кроме Словении). Благодаря поставкам топлива Россия осталась сравнительно крупным торговым партнером большинства стран ЦВЕ, как и многих стран-членов ЕС.

Таблица 1.⁴

Участие стран-членов ЕС в Российской внешней торговле

	Импорт				Экспорт			
	1995		2004		1995		2004	
	млн. USD	%	млн. USD	%	млн. USD	%	млн. USD	%
Весь Мир	46709,0	100,0%	75581,0	100,0%	78217,0	100,0%	181634,0	100,0%
ЕС	22322,0	47,8%	33991,2	45,0%	33643,2	43,0%	91417,4	50,3%
Австрия	981,5	2,1%	918,4	1,2%	889,3	1,1%	1114,7	0,6%
Бельгия	866,5	1,9%	1175,4	1,6%	1462,2	1,9%	1823,9	1,0%
Великобритания	1099,5	2,4%	2065,8	2,7%	3065,6	3,9%	5640,8	3,1%
Венгрия	842,1	1,8%	739,9	1,0%	1627,0	2,1%	3241,4	1,8%
Германия	6483,1	13,9%	10571,0	14,0%	6207,6	7,9%	13300,5	7,3%
Греция	257,2	0,6%	167,1	0,2%	146,6	0,2%	1262,2	0,7%
Дания	483,3	1,0%	716,7	0,9%	455,0	0,6%	518,3	0,3%
Ирландия	322,8	0,7%	239,2	0,3%	2634,8	3,4%	678,0	0,4%
Испания	241,0	0,5%	878,4	1,2%	209,8	0,3%	1748,0	1,0%
Италия	1850,6	4,0%	3198,5	4,2%	3376,3	4,3%	12086,4	6,7%
Кипр	97,0	0,2%	22,4	0,0%	270,3	0,3%	5694,1	3,1%
Латвия	376,1	0,8%	212,2	0,3%	794,9	1,0%	1352,8	0,7%
Литва	386,9	0,8%	459,4	0,6%	1080,9	1,4%	2925,4	1,6%
Люксембург	32,8	0,1%	56,9	0,1%	14,7	0,0%	108,6	0,1%
Мальта	6,1	0,0%	9,2	0,0%	24,4	0,0%	120,0	0,1%
Нидерланды	1646,0	3,5%	1374,2	1,8%	3191,5	4,1%	15272,2	8,4%
Польша	1321,4	2,8%	2309,9	3,1%	1688,1	2,2%	5698,8	3,1%
Португалия	19,2	0,0%	66,6	0,1%	16,6	0,0%	617,8	0,3%
Словакия	294,2	0,6%	404,9	0,5%	1735,7	2,2%	2422,7	1,3%
Словения	340,7	0,7%	379,0	0,5%	116,8	0,1%	156,6	0,1%
Финляндия	2040,7	4,4%	2331,8	3,1%	386,5	0,5%	5825,2	3,2%

Франция	1073,7	2,3%	3071,3	4,1%	1518,7	1,9%	4425,0	2,4%
Чехия	438,2	0,9%	834,2	1,1%	1675,4	2,1%	2280,2	1,3%
Швеция	546,6	1,2%	1612,0	2,1%	643,0	0,8%	1564,5	0,9%
Эстония	274,8	0,6%	176,8	0,2%	411,5	0,5%	1539,3	0,8%

Надо сказать, что переориентация с конца 80-х годов стран ЦВЕ на Европу привела к тому, что и они перестали быть для России приоритетными во внешнеэкономической деятельности. В ходе адаптации реформирующейся российской экономики к новому механизму международного сотрудничества основными зарубежными партнерами ее также стали страны ЕС.

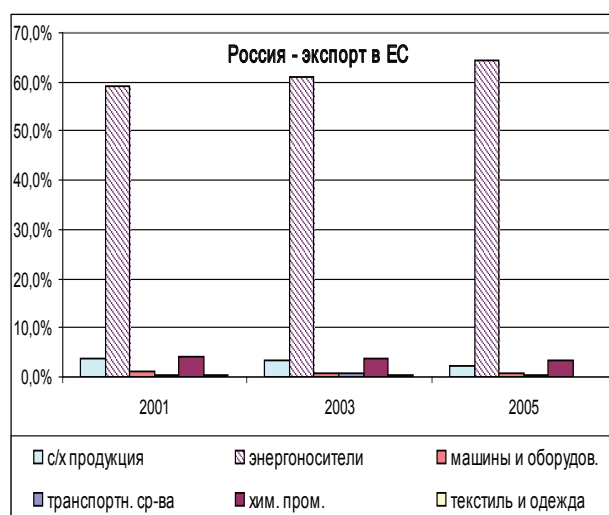
Развитие торговли России со странами ЦВЕ в основном определяется динамикой и объемами экспорта. Основной причиной малых объемов импорта и, соответственно, крупного дефицита в торговле с Россией является неконкурентоспособность многих товаров стран ЦВЕ из-за высоких цен и недостаточно высокого качества, неприемлемых условий поставки.

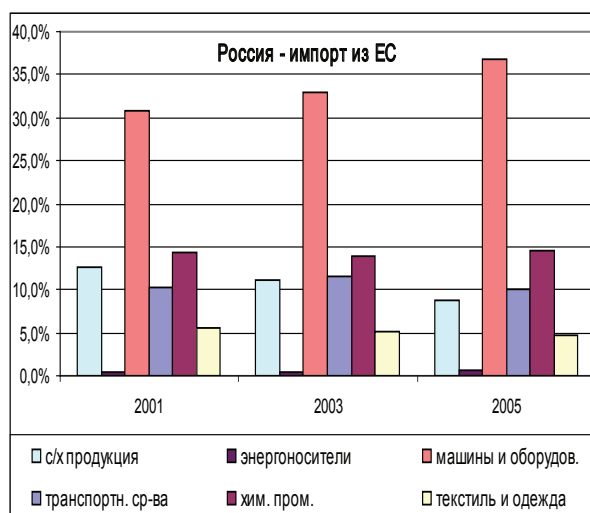
При этом Россия сохраняла значительные экономические интересы в географически близком регионе ЦВЕ. В последние годы на его долю приходилось 13-14% торговли России, в том числе 15-17% экспорта. Регион является для России незаменимой транзитной территорией. Через страны ЦВЕ перекачивается в последние годы до 40% объема экспортных поставок российского газа и до 30% нефти, несмотря ни на какие политические ситуации.⁵

Основные проблемы развития торгово-экономических отношений России со странами ЦВЕ заключаются в нестабильности объемов товарооборота, топливной перегруженности экспорта, ограниченном применении перспективных форм внешнеэкономических связей.

Энергетическая составляющая в структуре внешней торговли России вообще, а со странами ЕС и ЦВЕ в частности — наша сила и наша слабость.

Диаграмма 1-2.⁶

Сила в том, что благодаря нефти и газу мы сохраняем и наращиваем объемы внешнеторговых операций, хотя, наблюдаются резкие изменения мировых цен на нефть и газ, а слабость — в ее резком доминировании, в том, что важнейшие перспективные формы международного экономического сотрудничества (производственная кооперация, торговля услугами и др.) получили пока скромное развитие в двусторонних отношениях России и стран ЦВЕ.

Доля инновационных проектов в развивающемся взаимном научно-техническом сотрудничестве пока невелика, а практическая реализация исследований не получила заметного развития.

Небольшую роль в системе экономических отношений играет и инвестиционная деятельность, несмотря на ее активизацию в последние годы. Российские капиталовложения в экономику стран ЦВЕ оцениваются в 3,0-3,5 млрд долл., что составляет 2,4-2,8% общего объема ПИИ в регион.⁷ Российский капитал представлен в основном инвестициями «Газпрома» (около 2,5 млрд долл.) и ряда крупных сырьевых компаний («ЛУКОЙла» и др.) в транспортировку, переработку и сбыт сырья на территории стран региона. Несмотря на рост присутствия российского капитала, в последние годы РФ занимает последние места в длинном списке инвесторов стран ЦВЕ.

Прямые вложения стран ЦВЕ в экономику России очень скромны и оцениваются на уровне 350-400 млн. долл. (1,7-1,8% всех накопленных Россией прямых иностранных инвестиций).

Отмеченные выше негативные моменты внешнеэкономического сотрудничества России со странами ЦВЕ во многом обусловлены внутрироссийскими проблемами, важнейшими из которых являются неспособность промышленности предложить качественные изделия с применением высоких технологий, отсутствие действенной государственной системы поддержки отечественных экспортеров, высокие тарифы на перевозку товаров, неприемлемые для покупателя условия платежа и др.

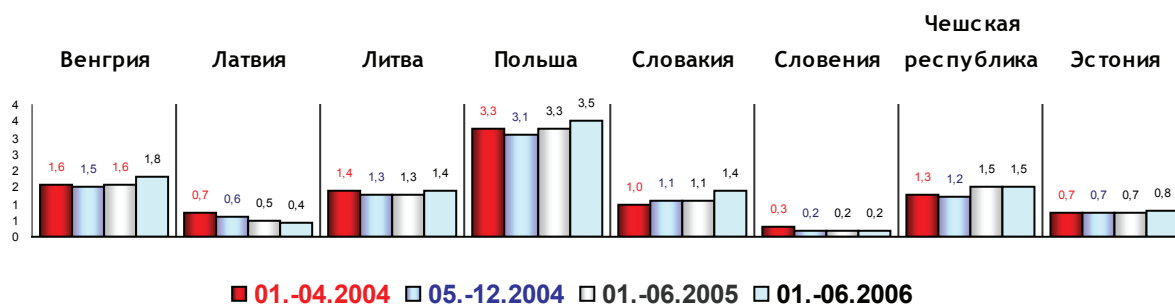
Вступление стран ЦВЕ в Евросоюз привело к существенным изменениям в их торговых отношениях с Россией, так как эти государства включились в сферу действия единых правовых норм регулирования торговых отношений ЕС с третьими странами.

В этой связи можно говорить и о проблемах относительно экономических позиций России, и о новых возможностях, которые открываются при этом. После расширения Евросоюз стал для нас таким партнером, объем торговых операций с

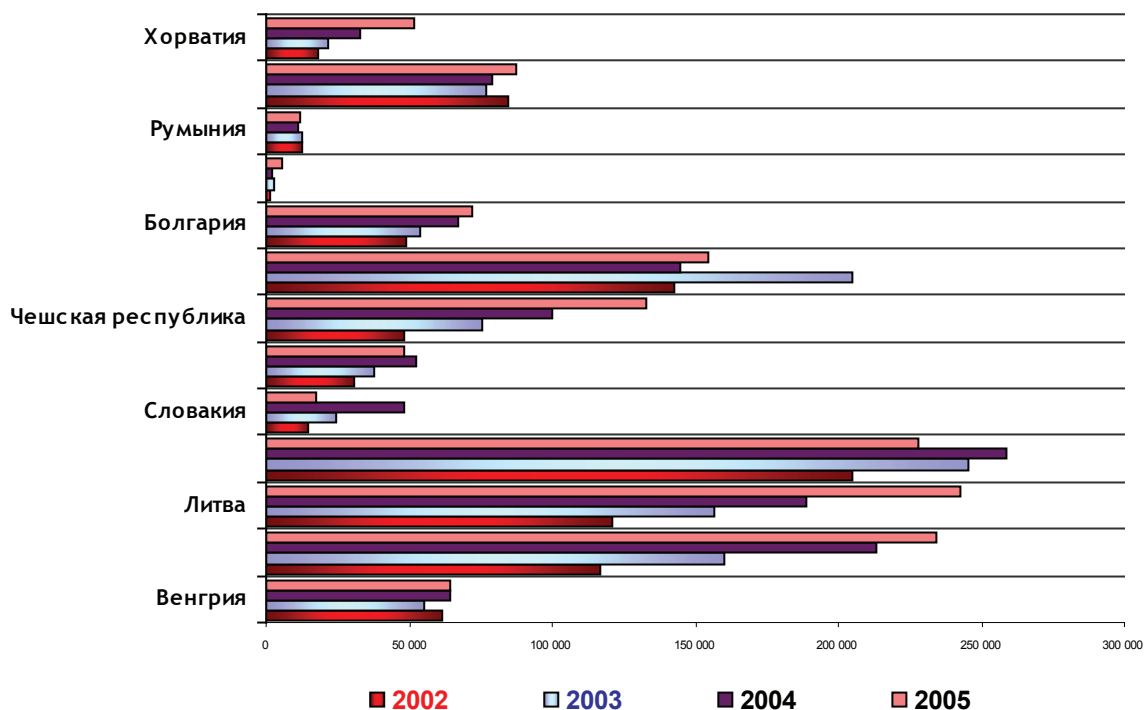
которым превышает 50 %.⁸ Его членами стали страны, с которыми Россию много связывает. Возрождение (разумеется, не в полной мере) экономических отношения с ними – важный резерв упрочения наших отношений с Евросоюзом.

В качестве подтверждения начавшегося улучшения экономических отношений России со странами ЦВЕ могут служить данные о повышении роли этих стран во внешней торговле России⁹, и что еще более важно – о заметном росте торговли услугами между ними¹⁰.

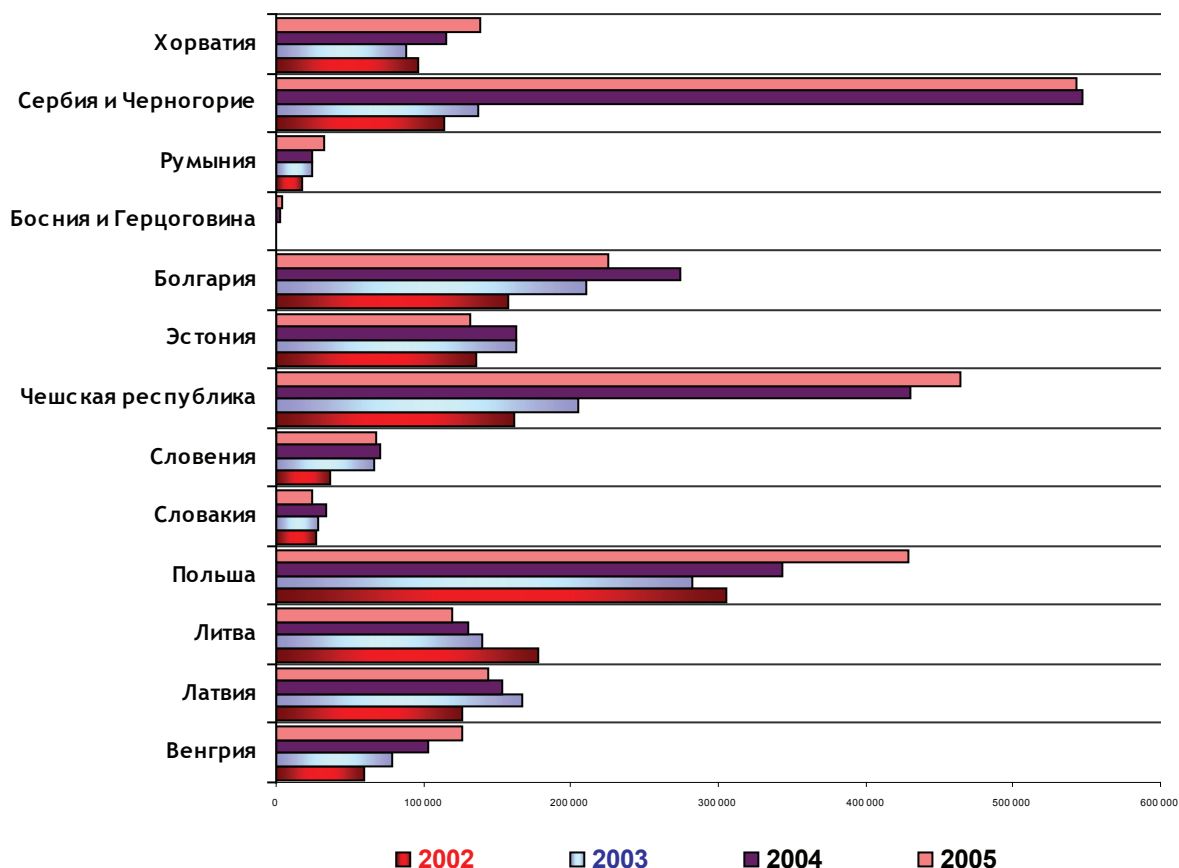
Доля стран ЦВЕ в российской внешней торговле до и после вступления в ЕС

Торговля услугами. Россия со странами ЦВЕ. Экспорт

Торговля услугами. Россия со странами ЦВЕ. Импорт

Основные задачи во внешнеторговой деятельности России в европейском регионе представляются следующими: совершенствование договорно-правовой базы сотрудничества; уменьшение чрезмерной зависимости экспорта и в целом экономики России от поставок энергоносителей; продвижение российских промышленных товаров с высокой эффективностью; стимулирование совместной производственной, инвестиционной деятельности и научно-технического сотрудничества; поддержка российских сырьевых компаний по закреплению на рынке топлива стран ЦВЕ; совершенствование инфраструктуры взаимной торговли; расширение масштабов и географии сотрудничества на межрегиональном уровне; решение проблем, связанных с транспортировкой грузов; увеличение доходов от экспорта услуг.

Для стабилизации и увеличения российского экспорта в целом на европейский континент будет иметь значение продолжение «энергетического диалога» с ЕС, направленного на повышение роли России в обеспечении европейской энергобезопасности. Тем более, если учесть прогнозируемое Западной Европой значительное увеличение потребления нефти и газа.

Одним из путей увеличения российского экспорта оборудования и инженеринговых услуг может стать активизация технического содействия в строительстве и модернизации многих производственных объектов, прежде всего энергетики, на территории стран ЦВЕ. О реальности расширения такого сотрудничества свидетельствует, например, участие российской стороны в модернизации энергоблоков №5

и №6 АЭС «Козлодуй» в Болгарии, восстановлении венгерской атомной станции «Пакш» после аварии 2003 г., строительстве и модернизации подземных хранилищ природного газа в Румынии и др.

Важным представляется использование возможности погашения оставшейся части задолженности бывшего СССР (Венгрии, Чехии, Словакии) исключительно реализацией таких проектов, которые могут служить базой для развития сотрудничества (например, участие в реконструкции второй и четвертой линий метро в Будапеште, строительстве метро в Братиславе).

Упрочению позиций российских экспортеров могли бы способствовать заключение соглашений о долгосрочных поставках российской нефти, реализация проектов постройки новых газо- и нефтепроводов, линий электропередачи на территории стран региона, в том числе частично за счет финансовых средств международных организаций и ЕС. В частности, РАО «Газпром» намечает широкомасштабное строительство и модернизацию газопроводов, например, Южно-Европейского газопровода в северную Италию по территории Венгрии и Словении, второй ветки газопровода «Ямал-Европа» в Польше; «ЛУКойл» реализует проект сооружения нефтепровода «Бургас-Александрополис»; «Транс-петрол» принимают участие в интегрировании нефтепроводных систем «Дружбы» и «Адрии» для поставки российской нефти в порты Средиземноморья.

Представляется необходимым оказать содействие и поддержку нарождающемуся прямому сотрудничеству по линии финансовых, промышленных и коммерческих структур, развитию приграничного хозяйственного сотрудничества отдельных территорий России с прилегающими районами прибалтийских государств и, особенно, более глубокому вовлечению Калининградской области в сотрудничество с Польшей и Литвой, созданию совместных предприятий, расширению присутствия региональных структур на рынке ЦВЕ.

Важным проявлением заинтересованности в развитии сотрудничества с РФ является увеличение государственной поддержки экспорта и инвестиций более развитыми странами региона (Венгрией, Польшей, Чехией). Для усиления присутствия на российском рынке в Венгрии решением Минфина этой страны от января 2003 г. улучшены условия кредитования и страхования экспортно-импортных операций на российском направлении; в Польше реализуются программы «Экспортные кредиты в Российскую Федерацию» и «Россия - наш торговый партнер», в рамках которых расширены области финансирования экспорта, возросли масштабы страхования экспортных кредитов и предоставления гарантий. Важнейшей для стран ЦВЕ статьей экспорта в Россию являются фармацевтические препараты. Восточноевропейские компании активно интегрируются в российский рынок. В частности, корпорации «Кгкка», «Немофарм» содействуют открытию в России зарубежных производств.¹¹ В ряде стран прорабатываются инициативы по созданию в конкретных регионах России коммерческих представительств для поиска новых товарных ниш.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что главными условиями повышения эффективности сотрудничества России со странами ЕС являются укрепление экспортного потенциала России за счет его коренной структурной и технологической реконструкции, повышение конкурентоспособности российской готовой продукции, обеспечение соответствия поставляемой промышленной продукции стандартам и требованиям ЕС, увеличение финансового содействия экспорту товаров с высокой эффективностью и формирование системы государственной поддержки экспорта. Однако немаловажная роль в сближении России с ЕС может принадле-

жать возрождению взаимопонимания и тесного сотрудничества нашей страны со странами ЦВЕ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Economic Survey of Europe. 2003. №1. P. 224.
2. Сафонов И.А. Россия в общеевропейском процессе экономической интеграции. М., 2005. С. 101.
3. «2002 International Trade Statistics Yearbook» Vol. 1. UN New York. 2004.
4. Торговля в России. 2005. Статистический справочник. М., 2006. С. 218-219.
5. Лихачев А.Е. Вступление стран ЦВЕ в Евросоюз и задачи российской экономической дипломатии // Внешнеэкономический бюллетень. 2004. №8. С 16
6. IMF (DOT Statistics)
7. Economic Survey of Europe. 2003. №1. P. 239.
8. Eurostat (Comext, Statistical regime 4)
9. ФТС России. <http://www.customs.ru/ru/stats/arhiv-stats-new/>
10. По данным Банка России. http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/
11. Гладков И.С. Внешнеторговые связи России и Евросоюза в контексте расширения ЕС. М. 2005. С. 71.

В статье М.В. Лысенко анализируются внешнеторговые отношения России со странами ЦВЕ и с Европейским Союзом после его расширения в 2004 году, рассматривается проблема интеграции России в Европейское сообщество, и в этом процессе немаловажную роль автор отводит возрождению взаимопонимания и сотрудничества России со странами ЦВЕ, бывшими до глобальной трансформации 90-х годов XX века нашими ближайшими партнерами.

The article covers the topic of interrelations of Russia with the Central and East European Countries and the European Union after its enlargement in 2004. The issue of Russia's integration with the European Union are being confidert. The important role is referred by the author to renewal of collaboration between Russian Federation and Central and East European countries which, prior to 1990-s global transformation period had being Russia's closest partners.

Менделев Н.Г. ,

доцент кафедры общеправовых дисциплин
Хабаровского пограничного института ФСБ РФ

Развитие общинного самоуправления коренных малочисленных народов Дальнего Востока: субсидиарная модель

Одной из стратегических целей реформирования местного самоуправления является придание этому уровню власти ключевых черт института гражданского общества. Создание гражданского общества является необходимой предпосылкой повышения качества жизни, обеспечения фундаментальных прав и свобод. Формирование гражданского общества - это императив развития человеческой цивилизации, - отражающий достижение обществом определенной ступени прогресса. «Категория гражданского общества отражает особое качественное состояние общества, основанное на развитых формах его самоорганизации и саморегуляции, на оптимальном сочетании публичных (государственно-общественных) и частных (индивидуально-личностных) интересов, безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод»¹. Местное самоуправление как способ самоорганизации локальных сообществ² способно играть главенствующую роль в процессе формирования гражданского общества.

Однако, по мнению многих специалистов, местное самоуправление в его нынешнем виде далеко не всегда способствует укреплению институтов гражданского общества. Обусловлено данное обстоятельство рядом причин, как объективного, так и субъективного характера. «В настоящее время, - отмечал М.И. Пискотин еще в 1994 году, - в России с местным самоуправлением сложилась парадоксальная ситуация. Оно провозглашено Конституцией РФ, изданы указы Президента о реформе местного самоуправления и его государственной поддержке. Между тем, на практике сегодня его гораздо меньше, чем было в годы советской власти, когда официальная идеология вообще отрицала принцип местного самоуправления, а Конституция не упоминала о нем».³ Одним из факторов, способствующих такому положению, считает, например, В. Н. Синяков является то, что «в сложившемся сегодня положении сконцентрированы все противоречия прошлых лет. В сознании и граждан, и должностных лиц еще жив стереотип мышления, что государство везде, что каждый местный Совет - орган государства, что должна быть жесткая подчиненность по вертикали всех органов, в том числе и представительных»⁴. Однако подобные взгляды распространены не только в обыденном сознании, но и высказываются отдельными экспертами. Например, И.В. Выдрин и А.Н. Кокотов считают, что «было бы оптимальным укреплять позиции органов местного самоуправления - как составной части системы государственных органов в рамках внутригосударственной децентрализации».⁵

Подобное предложение тотального огосударствления местного самоуправления, безусловно, не может способствовать ни формированию институтов гражданского общества, ни развитию самой муниципальной власти. Вместе с тем, общественно-государственная природа феномена местного самоуправления делает его, по сути дела, центральным звеном в механизме взаимодействия гражданского общества и государства на этапе, когда Россия после долгого перерыва пытается вновь вернуться к цивилизованной системе управления социальным развитием, включающего как государственное управление, так и местное самоуправление.

Однако, отмечая двойственную общественно-государственную природу местного самоуправления, необходимо признать, что приоритетом развития этого социального института должны быть сегодня не профессиональные функции управления развитием территории, а механизмы становления и укрепления на этой территории институтов гражданского общества. Ибо залогом и экономического развития территории и социального развития местного социума является, прежде всего, раскрытие потенциала людей, проживающих на данной территории, на основе обеспечения их прав, свобод, гарантий проявления личной инициативы во всех сферах жизнедеятельности муниципального образования.

“Именно такая направленность местного самоуправления, - подчеркивает Е.М. Ковешников, - отвечает идеям современного демократического правового социального государства, высшая ценность которого - человек, его права и свободы”.⁶ С другой стороны и само население, привыкшее к традиционному российскому патернализму со стороны государства, нуждается в помощи в преодолении стереотипов, овладении инструментами цивилизованного саморазвития и самореализации. Местное самоуправление, которое дает не только свободу, но и приучает людей к ответственности, лучше, чем другие институты власти помогает преодолению этих стереотипов, способствует формированию гражданской политической культуры и нового типа личности, не уповающей исключительно на государство.

Исходя из этого, можно считать, что главной задачей развития института местного самоуправления является снятие или хотя бы постепенное сглаживание отчуждения общества от государства - решение проблемы, существующей с момента возникновения государства и не потерявшей актуальности и остроты в наши дни.

Гармонизация отношений личности и власти, общества и государства должна идти как на уровне каждого отдельно взятого индивида, так и местных сообществ. Не случайно поэтому одним из внешних проявлений гражданского общества считается структурирование социума в виде различных добровольческих организаций, объединяющих отдельных людей по их интересам, привязанностям, профессиональным и иным устремлениям, активное использование социальными субъектами (индивидами, группами населения, локальными сообществами и др.) инструментов публичного выражения и защиты своих социальных, экономических и иных интересов.

Институциональными инструментами выражения интересов социальных субъектов выступают общественные или добровольческие организации, их ассоциации, лоббистские группы, фонды, клубы по интересам и пр. К числу неинституциональных форм относятся временные объединения, собрания граждан, обеспечивающие процедуру выражения мнения или совместного обсуждения какой-либо общественно значимой проблемы: сходы, собрания, митинги, демонстрации и т.п.

В процессе стратегического планирования развития муниципального образования использование как институциональных, так и неинституциональных форм выражения интересов местного сообщества становится отправной точкой в выборе приоритетов развития территории.

Новый закон о местном самоуправлении⁷ в целях более широкого вовлечения населения в вопросы управления развитием муниципальных образований расширил перечень возможных непосредственных форм совместного обсуждения гражданами проблем развития своей территории. В нем, в частности, предусматриваются такие формы как сход граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов) и др. Все эти инструменты публичного выражения интересов, включения ин-

дивидов в процесс непосредственного или опосредованного управления социально-экономическим развитием муниципального образования, в том числе на стадии стратегического планирования, являются, по сути дела, технологиями социального партнерства.

Возможности для этого заложены и в российском законодательстве, в первую очередь в Конституции, по которой местное самоуправление «обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст. 130) и осуществляется «с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 131).⁸

В специальном федеральном законе местное самоуправление определяется как «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 2).⁹

В отношении аборигенов законодательство о местном самоуправлении применимо лишь отчасти, так как оно распространяется на все население определенной территории. Если рассматривать самоуправление коренных народов как форму, пускай и специфическую, то его значение также проявляется в том, насколько аборигены могут решать вопросы своего развития и в какой степени они могут осуществлять это развитие. Аборигенное самоуправление может существовать только для локальных групп, составляющих часть населения. В законодательстве субъектов федерации и в жизни аборигенов, причем не только России, но и других стран, самоуправление часто связывается с деятельностью общин. В преамбуле к Федеральному закону «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2000 г.) говорится¹⁰ что в законе устанавливаются общие принципы организации и деятельности общин, «создаваемых в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов указанных коренных малочисленных народов, а также определяет правовые основы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления». Хотя в целом данный закон подвергается во многом справедливой критике, отметим важность статьи 4, по которой «решения по вопросам внутренней организации общины малочисленных народов и взаимоотношений между ее членами могут приниматься на основании традиций и обычаев малочисленных народов, не противоречащих федеральному законодательству и законодательству субъектов федерации и не наносящих ущерба интересам других этносов и граждан». Именно в рамках самоуправления могут решаться многие жизненно важные вопросы, связанные с самобытностью образа жизни коренных народов, и именно на опыте общин может быть начата работа по фиксации принципов обычного права.

В настоящее время в мире достаточно интенсивно развивается новая модель управления обществом, основанная на принципе субсидиарности.

С недавних пор идея построения субсидиарного государства появилась и в стратегических документах российского Правительства. Эти идеи в какой-то мере отражены в послании Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации.¹¹ Вместо патерналистского государства или приватизации социальных функций предлагается переход к модели субсидиарного государства, которое обеспечивает социальные гарантии в той мере, в которой общество не может этого сде-

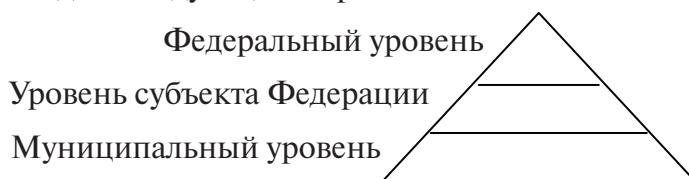
лать самостоятельно. Это, в свою очередь, предполагает реализацию данной концепции в каждой сфере деятельности публичной власти. Исследуем возможности и пути построения субсидиарного государства в решении проблем жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов Севера и Дальнего Востока России.

В основе концепции субсидиарного государства лежат два системообразующих положения. А именно:

- государство берет на себя те, и только те задачи (функции), которые не могут быть выполнены обществом самостоятельно;

- закрепление задач (функций) за определенным уровнем власти происходит по принципу субсидиарности.¹²

Последнее означает, что при решении задачи о разграничении предметов ведения и полномочий между разными уровнями власти передача властных полномочий осуществляется снизу вверх, то есть от местных сообществ на уровень регионов, а затем на федеральный уровень. При этом на уровень региона передаются только те задачи (функции), которые не могут быть выполнены на местном (муниципальном) уровне, а на уровень Федерации передаются только те задачи (функции), которые не могут быть выполнены в регионах. В этом случае большинство властных полномочий остаётся на местном уровне и количество их при движении вверх по уровням власти всё время уменьшается. Графически такая пирамида властных полномочий может выглядеть следующим образом:

При этом разграничение между уровнями проводится таким образом, что предметов совместного ведения (функций, в осуществлении которых участвуют несколько уровней власти) практически не остается, ибо “у семи нянек - дитя без глаза”. В соответствии с таким разграничением задач (предметов ведения и полномочий) на каждом уровне власти закрепляются финансовые средства (доходные статьи бюджетов), необходимые для реализации данных задач.

Качественный анализ полномочий органов местного самоуправления, определенных с позиции принципа субсидиарности, показывает, что для каждого предмета ведения, оставленного на данном уровне власти, закрепленные полномочия составляют полный управленческий цикл от целеполагания и определения стратегии до измерения конечных результатов. Это позволяет, во-первых, добиться максимального приближения деятельности органов власти к потребностям населения местного сообщества. Во-вторых, наличие в руках органов местного самоуправления властных полномочий по основным сферам жизнедеятельности местного сообщества позволяет им реально управлять социально-экономическими процессами, протекающими в муниципалитете, а, следовательно, и нести ответственность за качество жизни населения и развитие муниципального образования.

Таким образом, для эффективного управления социально-экономическими процессами в местных сообществах разграничение предметов ведения и полномочий между всеми уровнями власти в стране должно строиться на принципе субсидиарности.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что для построения субсидиарного государства, деятельности органов власти, связанной с решением про-

блем жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов Севера и Дальнего Востока России, необходимо:

1) провести качественный и количественный анализ задач государства (публичной власти) в сфере жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов Севера и Дальнего Востока России;

2) исследовать вопрос о размещении по уровням и разграничении властных полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями в решении задач жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов;

3) установить соответствие полученных в 1) и 2) результатов основным положениям концепции субсидиарного государства;

4) предложить пути перехода к концепции субсидиарного государства в деятельности по решению проблем жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Россия - федеративное государство, имеющее в своем составе государственные образования, основанные на национально-территориальном (республики, автономии) и территориальном принципе (края, области, города федерального подчинения). Все они перечислены в ст. 65 Конституции Российской Федерации.

Несмотря на положение пункта 4, ст. 5 Конституции Российской Федерации “Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны”, Российская Федерация характеризуется асимметричностью, обусловленной некоторыми различиями в их правовом статусе, в уровне социально-экономического развития. Подобная асимметричность определяется характером двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъекта Федерации.

Значительную часть субъектов Российской Федерации с особым статусом составляют национальные республики (например, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия)) и автономии (например, Чукотский автономный округ). Однако свой государственно-правовой статус на уровне субъекта РФ имеет лишь малая часть национальностей, проживающих в Российской Федерации (например, Корякский автономный округ, Еврейская автономная область).

15 июня 1996 года была утверждена Указом Президента РФ № 909 “Концепция государственной национальной политики”.¹³

Вместе с принятым в том же году Федеральным законом “О национально-культурной автономии”¹⁴ она является новой моделью правового регулирования национальных отношений без жесткой привязки каждого народа к определенной территории, органично вписываясь в новую цивилизационную парадигму развития России на долгосрочный период.

Основная направленность новой модели заключается:

- в обеспечении фактического равноправия лиц, принадлежащих к различным этническим общностям, со всеми другими народами, составляющими их окружение,

- в последовательной реализации прав и свобод человека, связанных с его национальной принадлежностью.

Однако наряду с другими народами Российскую Федерацию населяет особая группа этносов:

1) занимающая обособленное положение,

2) имеющая специфический правовой статус.

Это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В настоящий момент в Перечень, утверждаемый Правительством РФ, внесено 46 таких народов.¹⁵ К числу их, например, относятся нанайцы, удэгейцы, коряки, чукчи, эвены, нивхи и другие народы.

Их особый статус закреплен в 69 статье Конституции РФ, которая гласит: “Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации”, а также в Федеральном Законе “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 07 мая 1999 года, где коренные малочисленные народы определяются как “народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями”.

Всего в Российской Федерации насчитывается около 215000 представителей коренных народов. В девяти субъектах Дальневосточного федерального округа - около 100000 человек, в том числе:

- нанайцы (12000 человек),
- удегейцы (около 2000 человек),
- негидальцы (470 человек),
- нивхи (4600 человек),
- чукчи (15000 человек),
- коряки (9200 человек)
- и другие.¹⁶

По территории округа они распределены неравномерно. В частности, нанайцы компактно проживают в Хабаровском крае (10400 человек), а также в Сахалинской области (200 человек), Приморском крае (100 человек), в ряде других субъектов Дальневосточного федерального округа.

Несмотря на то, что в округ входит два национальных автономных округа (Корякский и Чукотский), первые два места по численности коренных народов (и соответственно второе и третье место в Российской Федерации после Ханты-Мансийского автономного округа) занимают Республика Саха (Якутия) и Хабаровский край.

В решениях вопросов жизнеобеспечения и защиты прав малочисленных народов принимают три уровня власти: федеральная, региональная (субъекта Федерации) и муниципальная. В соответствии с Федеральным Законом “О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ”¹⁷ полномочия (с формулировкой «Имеют право») между ними распределяются следующим образом:

Уровни управления	Права
Полномочия Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимать федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ о защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов. 2. Принимать федеральные целевые программы социально-экономического и культурного развития народов 3. Оказывать малочисленным народам государственную поддержку. 4. Устанавливать порядок деятельности организаций в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности. 5. Устанавливать ограничения хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания. 6. Решать вопросы возмещения убытков. 7. Устанавливать ответственность за нарушение законодательства. 8. Обеспечивать соответствие нормативных актов субъектов федеральному законодательству. 9. Совершенствовать законодательство о мерах по недопущению насильственной ассимиляции, геноцида и этноцида малочисленных народов. 10. Регулировать правовой режим владения, пользования и распоряжения землями в местах проживания. 11. Проводить единую политику.
Полномочия субъекта Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимать нормативные правовые акты о защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов. 2. Участвовать в реализации федеральных программ развития. 3. Ограничивать хозяйственную деятельность в местах традиционного проживания. 4. Участвовать в реализации отношений между бюджетами субъектов и органов местного самоуправления по выделению средств на развитие малочисленных народов. 5. Регулировать порядок передачи собственности общинам. 6. Устанавливать общие принципы организации территориального общественного самоуправления. 7. Устанавливать порядок отвода и использования земель. 8. Создавать советы представителей малочисленных народов при органах исполнительной власти. 9. Устанавливать административную ответственность за нарушение законодательства. 10. Наделять органы местного самоуправления отдельными полномочиями по защите прав и интересов малочисленных народов. 11. Обеспечивать соответствие нормативных актов субъектов федеральному законодательству. 12. Выдавать лицензии и устанавливать квоты на занятия традиционными промыслами.
Полномочия органов местного самоуправления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выделять из местных бюджетов средства на социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов. 2. Принимать участие в реализации федеральных программ. 3. Осуществлять контроль за отводом, использованием и охраной земель, необходимых для ведения традиционного образа жизни. 4. Создавать на общественных началах советы представителей малочисленных народов при органах местного самоуправления. 5. Принимать нормативно-правовые акты о развитии малочисленных народов.

Содержательный анализ данных полномочий, а также статей Федерального Закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, которые могут рассматриваться как средство реализации данных полномочий, показывает, что указанный закон носит декларативный характер. В первую очередь это касается обязательств государства по обеспечению гарантий ко-

ренных малочисленных народов в соответствии со ст. 69 Конституции Российской Федерации. Достаточно сказать, что вместо обязательств органов власти используется формулировка "...имеют право". То есть, фактически, выполнение функций носит добровольный характер. Кроме того, происходит неоднократное дублирование функций всех уровней власти. В Законе определяются в основном регулирующие и регламентирующие вопросы.

В соответствии с пунктом м) статьи 72 Конституции РФ полномочия по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Федерации. Это означает, что между РФ и субъектами должны быть разграничены полномочия по реализации указанных выше норм. На самом же деле происходит обратное.

Например, в Хабаровском крае реализацией государственной политики по отношению к коренным малочисленным народам занимается Отдел по делам национальностей, входящий в качестве структурного подразделения в Министерство природных ресурсов Хабаровского края. Естественно, что основная направленность деятельности отдела состоит:

1) в обеспечении контроля за согласованием с проживающим на территории коренным населением условий использования природных ресурсов, находящихся в пределах ареала их компактного расселения;

2) в обеспечении доступа коренного населения к ресурсам, необходимым им для собственного потребления.

Функции по реализации Государственных целевых программ поддержки коренных народов и краевых программ развития возлагаются на отраслевые министерства и ведомства, в основном Министерства по строительству. Таким образом, никто не занимается координацией усилий по реализации государственной политики, хотя участвуют в ней более 20 министерств и ведомств края.

Ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что со стороны федеральных органов власти государственная политика в свое время координировалась Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации, которое в настоящее время упразднено и его функции в этой части переданы Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации. Но в настоящее время этим министерством еще не разработана программа реализации данных полномочий, что значительно затрудняет реализацию Федерального Закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов" в части проведения единой государственной политики.

Всё вышесказанное показывает, что подобная разобщенность в действиях, отсутствие целостного взгляда на проблему значительно затрудняет подобного рода работу.

Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации не в полной мере выполняется ст. 69 Конституции. Для изменения существующего положения необходимо:

1) совершенствовать федеральную нормативно-правовую базу, касающуюся коренных малочисленных народов;

2) предпринять попытку перенаправления усилий на основе новой государственной модели, используя концепцию субсидиарного государства.

Напомним, что реализация концепции субсидиарного государства предполагает, что государство обеспечивает социальные гарантии только в той мере, в кото-

рой общество не может этого сделать самостоятельно.

Это означает, что государство минимизирует свою социальную функцию до тех пределов, которые позволяют ему гарантированно оплачивать тот набор социальных услуг, за которые оно несет ответственность. Все остальное финансирование осуществляется исходя из логики адресности и направлено на тех, кто не в состоянии самостоятельно обеспечить свои минимальные потребности.

К категории таких граждан относятся в том числе и представители коренных малочисленных народов.

Еще в Концепции Правительства о развитии Севера, принятой в 2000 году, говорилось об ограниченности ресурсов, сужении государственной поддержки жителям Крайнего Севера и необходимости создания предпосылок для саморазвития и самообеспечения коренных народов в местах их компактного проживания. Однако, гарантируя соблюдение международных норм, российское государство взяло на себя функции развития и обеспечения этих народов, по крайней мере до тех пор, пока они самостоятельно не смогут это сделать.

О каких же предпосылках идет речь? И можно ли минимизировать роль государства и государственные затраты, перенаправив усилия по защите прав на другие источники?

С точки зрения Правительства работа должна вестись федеральными органами власти по разным направлениям:

- прямая адресная помощь по критериям дохода, возраста, статуса;
- создание новых рабочих мест в органах местного самоуправления, коммунационном хозяйстве, системах образования и здравоохранения, строительстве;
- поддержка национального малого бизнеса в селах через субсидирование издержек, дотаций к цене и др.;
- компенсация сельским жителям высоких цен на товары и услуги (оплата транспорта, электроэнергии, услуг здравоохранения, строительства индивидуального жилья и т.д.).

Однако достижение таких задач предполагает значительное ресурсное и финансовое обеспечение. В частности, для решения задачи стимулирования занятости и самозанятости коренных малочисленных народов Севера необходимо:

- создание предприятий по переработке продукции оленеводства и традиционных промыслов, с их соответственным ресурсным обеспечением,
- разработка специальной маркетинговой стратегии продвижения продукции этих отраслей на рынки.

Субсидиарное государство предполагает перераспределение предметов ведения и полномочий в пользу нижних муниципальных уровней управления. При этом на уровень субъекта Федерации должны передаваться те и только те функции, которые не могут быть выполнены на муниципальном уровне, а на уровень Федерации те, которые не может решить регион.

Каким образом это можно сделать? Представляется, что эта задача может быть решена только путем создания новой пирамиды властных полномочий и предметов ведения, и построение её должно исходить из возможности решения максимального количества вопросов на низшем местном уровне управления. Но при этом следует учитывать, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации именно федеральная власть гарантирует защиту прав и интересов коренных малочисленных этнических общностей, а значит, именно она должна взять на себя значительную часть функций.

Значительное число полномочий закреплено и за органами местного самоуправления. Необходимо проанализировать, какие полномочия целесообразно передать на уровень местного самоуправления и, в свою очередь, какие из переданных полномочий можно передать для исполнения в общины коренных малочисленных народов. С этой целью необходимо более подробно остановиться на сути общинного самоуправления и тех задачах, которые органы местного самоуправления могут передать.

Основными критериями, по которым проводится идентификация коренного малочисленного народа, являются:

- малая численность;
- тесная связь с традиционно сложившейся территорией проживания и природными ресурсами этих районов;
- самоидентификация и идентификация других членов определенной группы как самостоятельной этнической общности;
- наличие родного языка и признание его родным большинством представителей общности;
- наличие традиционных социальных и политических институтов;
- ориентация на традиционные средства к существованию.

В настоящее время безоговорочно работает только первый критерий, поскольку у значительного числа коренных народов этнические черты настолько стерты, что не позволяют говорить о возможности восстановления этнических форм общинного самоуправления, поскольку традиционный образ жизни, традиционные занятия уже не являются основой жизнедеятельности.¹⁸

Стараниями как государства, так и массового сознания сложился образ коренного народа как «другого», то есть живущего на периферии, носителя «нерусского» языка, последователя «другой» веры, представителя «другой» расы.

Кроме того, нельзя недооценивать существующее выработанное годами предвзятое отношение русских к представителям коренных народов, в некотором смысле даже убеждение в их неспособности самостоятельно развиваться, решать возникающие проблемы и, самое главное, участвовать в управлении. Коренные народы изобращаются как технически отсталые, полуграмотные, погрязшие в предрассудках.

Однако это глубокое заблуждение. Коренные народы в действительности обладают достаточным потенциалом для выращивания в своей среде как опытных руководителей, менеджеров, так и харизматических лидеров, способных увлечь и повести за собой людей.

Очевидно, что саморазвитие и самоорганизация этих народов предполагают формирование и развитие общинного самоуправления, формы которого они выбирают сами с учетом особенностей образа жизни, языка, традиций и которое осуществляют непосредственно или в сотрудничестве с органами государственной власти. Российским законодательством предусмотрена передача общинам коренных малочисленных народов некоторых социально-экономических полномочий органов местного самоуправления. Так, в частности, в ч. 1, ст. 7 Федерального Закона «Об общих принципах организации общин Коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» говорится:¹⁹

“В местах компактного проживания малочисленных народов органы местного самоуправления по предложению общин малочисленных народов, союзов (ассоциаций) общин малочисленных народов могут наделять их отдельными полномочиями органов местного самоуправления”.

Таким образом, общины, становясь органами общинного самоуправления, принимая на себя решение вопросов местного значения, используют как финансовые ресурсы, переданные вместе с полномочиями от органов местного самоуправления, так и привлеченные внебюджетные средства, поступающие как от ресурсопользователей, так и от некоммерческих организаций.

Кроме того, в Уставе общины специальным пунктом должна прописываться возможность исполнения полномочий, переданных органом местного самоуправления. Так, например, передача полномочий может осуществляться на основе договора между органами местного самоуправления и зарегистрированной в установленном порядке общиной коренных малочисленных народов.

В договоре также должна быть предусмотрена ответственность за исполнение передаваемых полномочий.

Успешность подобной практики должна отслеживаться на основе принципа “оценки конечного результата” и текущего контроля за исполнением полномочий.

В международном опыте интересен пример организации местного этнического самоуправления в индейских резервациях США. Их автономия осуществляется через особый выборный институт - индейскую общину. Для всех общин федеральным правительством США были разработаны типовые уставы (или хартии), которые население резерваций принимает на общем сходе не менее чем двумя третями голосов.

Принятая хартия утверждается Бюро по делам индейцев США, после чего община получает автономный статус. В 1934 году был принят закон о реорганизации управления индейцами, в соответствии с которым регулируются и закрепляются их права. В частности, запрещается:

- дальнейший раздел определенных территорий;
- любые виды отчуждения закрепленных индейских земель;
- разработка недр на территории без санкции общинных органов власти.

Общины избирают из своей среды руководящие органы (Совет общины) на основе прямых тайных выборов. В компетенцию этих органов входит решение всех вопросов на территории резервации. Совет общины при необходимости создает подчиненные ему административные структуры для практического осуществления функций самоуправления, определяет круг их обязанностей и полномочий.

Процедура деятельности общины предусматривает:

- полную открытость заседаний совета для рядовых членов общины;
- полный доступ членов общины к финансовой документации;
- право жителей подавать петицию об отзыве членов совета с обязательным включением в повестку для очередного схода членов общины.

Полномочия Совета общины включают в себя:

- 1) представление интересов общины при работе с федеральными властями;
- 2) попечение и распоряжение неотчуждаемым земельным фондом;
- 3) регулирование деятельности организаций, действующих на территории резервации;
- 4) право облагать налогом членов общины;
- 5) право решения вопроса членства в общине;
- 6) право заключать контракты и выдавать концессии на разработку недр на срок не более 10 лет;

7) регулирование на территории резервации охоты и рыбной ловли. Решения по вопросам 4 и 6 подлежат утверждению в Бюро по делам индейцев США.²⁰

Учитывая вышеописанный механизм взаимодействия органа местного самоуправления с общинами, в новой схеме разграничения полномочий местное самоуправление будет представлять собой двухуровневую систему, при этом нижшим уровнем управления является община коренных народов, которая при нормальном управлении возьмет на себя функции сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, используя при этом ресурсы как государства, так и привлеченные внебюджетные средства. При этом принцип “решение вопросов местного значения под свою ответственность” безусловно сохраняется.

Итак, исходя из принципа subsidiarity, попробуем перестроить существующую в Федеральном Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» схему. Необходимым условием при этом будет замена слов в начале статей закона «имеют право» на «обязаны».

Уровни управления	Обязательства
Полномочия Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ о защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов. 2. Принятие федеральных целевых программ социально-экономического и культурного развития народов. 3. Оказание малочисленным народам государственной поддержки. 4. Установление порядка деятельности организаций в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности. 5. Установление ограничения хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания. 6. Решение вопросов возмещения убытков. 7. Установление ответственности за нарушение законодательства. 8. Обеспечение соответствия нормативных актов субъектов федеральному законодательству. 9. Совершенствование законодательства о мерах по недопущению насильственной ассимиляции, геноцида и этноцида малочисленных народов. 10. Установление общих принципов организации территориального общественного самоуправления. 11. Установление административной ответственности за нарушение законодательства. 12. Регулирование правового режима владения, пользования и распоряжения землями в местах проживания. 13. Выдача лицензий и установка квот на занятия традиционными промыслами.
Полномочия субъекта Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принятие нормативных правовых актов о защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов. 2. Участие в реализации федеральных программ развития. 3. Ограничение хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания. 4. Регулирование порядка передачи собственности общинам. 5. Установление порядка отвода и использования земель. 6. Создание советов представителей малочисленных народов при органах исполнительной власти. 7. Обеспечение соответствия нормативных актов субъектов федеральному законодательству.
Полномочия органов местного самоуправления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Реализация средств федеральных целевых программ в части, выделенной на исполнение органам местного самоуправления. 2. Привлечение средств из внебюджетных источников, прежде всего из сектора некоммерческих организаций. 3. Осуществление контроля за отводом, использованием и охраной земель, необходимых для ведения традиционного образа жизни. 4. Создание на общественных началах советов представителей малочисленных народов при органах местного самоуправления. 5. Передача некоторых полномочий общинам коренных народов.

Полномочия, переданные на исполнение в общины	1. Вопросы сохранения и развития традиционного образа жизни, в том числе культурного развития. 2. Вопросы обеспечения жизнедеятельности.
---	---

Изучение мест компактного проживания коренных народов в Хабаровском крае позволило выявить любопытные тенденции, учет которых может в значительной мере упростить поиск модельной площадки для апробации предложений, изложенных выше. Заметим, что в других субъектах Дальневосточного федерального округа наблюдаются схожие тенденции.

Коренное население Хабаровского края числом в 18514 человек проживает в 98 населенных пунктах с населением в 104069 человек, что составляет 17,8%.²¹ Как показал анализ, все населенные пункты с компактным проживанием коренного населения можно распределить в три группы:

Процент коренного населения	Количество населенных пунктов	Процент к общему количеству
80-100	23	23,4
30-80	22	22,4
До 30	53	54
Всего	98	100

При подобной диверсификации по мере перехода от третьей группы к первой практически везде прослеживаются следующие тенденции:

- увеличивается количество перечисленных выше идентифицируемых критериев коренного малочисленного народа;
- места компактного проживания находятся все дальше от крупных населенных пунктов.

Естественно, что приоритетными территориями для анализа будут являться территории первой группы, где процент коренного населения высок, этничность легко определяется, высокий уровень вовлечения населения в традиционные формы хозяйствования и промыслов. При введении этнических форм самоуправления следует также учитывать то обстоятельство, что чаще всего этническое самоуправление не предполагает отношений собственности, поэтому структуры подобного рода следует создавать параллельно с существующей системой местного самоуправления.

С целью апробации подобного опыта и создания модели общинного самоуправления на российском Дальнем Востоке необходимо провести всесторонние исследования мест компактного проживания исходя из вышеуказанных критериев на предмет применимости данной модели и поиска наиболее оптимальных форм самоорганизации коренных малочисленных народов в соответствии с реализацией концепции субсидиарного государства. Этот путь, на наш взгляд, в современных условиях является единственно верным.

Таким образом, речь идет о модели местного самоуправления для КМНС ДВ на основе повышения статуса национальной (родовой) общины, которой органы местного самоуправления передадут часть властных полномочий по решению вопросов местного значения. Формой такой организации самоуправления может стать ТОС (территориальное общественное самоуправление).

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. *Виноградов, В.Н.* Социальное проектирование локального гражданского сообщества в рамках муниципального образования: учебное пособие / В.Н. Виноградов, О.В. Эрлих. - СПб: Леонтьевский центр, 2003. - С. 8.

2. Под локальными сообществами в данной работе понимается население, проживающее на территории муниципальных образований, созданных в значительной степени искусственно, актами вышестоящих органов, часто по “трафарету” бывших районов, существовавших в период советской власти. Термин местные сообщества применяется к населению «естественно» сложившихся поселений, обладающих осознанием общности как результата самоорганизации в рамках определенной территории, имеющей культурно-исторические границы, в т.ч. территории компактного проживания малочисленных этносов.

3. Цит. по: *Ковешников Е.М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. - М.: Издательство НОРМА, 2002. -С. 22.

4. *Синяков В.Н., Синякова Т.В.* Правовые системы Федерации: общая характеристика и пути совершенствования // Становление государственности и местного самоуправления в регионах России: Сб. науч. трудов. - Саратов, 1997. - С. 128.

5. *Выдрин, И.В.* Муниципальное право России / И.В. Выдрин, А.Н. Кокотов. - М., 2000. - С. 54.

6. *Ковешников, Е.М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. - С. 64.

7. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». № 131-ФЗ от 6.10.2003 г.

8. См.: Конституция РФ. - М.: Юрид. лит., 1993.

9. См.: Закон РФ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” от 06.10.03 131-ФЗ // СЗ РФ. - 2003. - № 11.

10. См.: ФЗ “Об общих принципах организации общин, коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” // Российская газета. - 2000. - 25 июля.

11. См.: Российская газета. - 2006. - 11 мая.

12. *Смоляк, Г.* Концепция “стройного государства” и самоуправление коренных малочисленных народов Российской Федерации / Г. Смоляк. - Хабаровск, 2002. - С. 17-25.

13. Сборник законов РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 3010.

14. См.: Российская газета. - 1996. - 21 июля.

15. Сборник законов РФ от 03.04.2000. - № 14. - Ст. 1493.

16. *Смоляк, Г.* Концепция “стройного государства” и самоуправление коренных малочисленных народов Российской Федерации / Г. Смоляк. - Хабаровск, 2002. - С. 8.

17. Сборник законов РФ. - 1999. - № 5.

18. *Ким, А.С.* Малочисленные этносы Приамурья / А.С. Ким, А.В. Кныш, П.П. Лях, Н.Г. Менделев и др. - Хабаровск, 1993. - С. 12.

19. Российская газета. - 2000. - 25 июля.

20. См.: *Локупенко, Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения / Н.А. Локупенко // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. - М., 1996. - № 97.

21. Социально-экономическое положение районов проживания коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края (2000-2004): Статистический сборник. - Хабаровск, 2005. - С. 32-38.

Менделев Н.Г. Статья «Развитие общинного самоуправления коренных малочисленных народов Дальнего Востока: субсидиарная модель». Анализируются социально-правовые основы и состояние самоуправления малочисленных народов современной России как института гражданского общества, предлагаются рекомендации по его совершенствованию.

The article by N. Mendeleev deals with the problem of self government in the regions of compact residence of small peoples of the Russian Far East. The author underlines that regional institutions of self government have to pass a certain part of their power to national communities which could be organized as territorial social self government. This model could realize the concept of subsidiary state which is, upon author's mind, more appropriate in contemporary conditions.

Муминов А. И.,
Военный университет (Москва),
адъюнкт кафедры философии и религиоведения,
подполковник ВС Республики Таджикистан

Религиозный фактор и проблемы национальной безопасности страны (на примере Республики Таджикистан)

Сила воздействия религиозного фактора на систему безопасности того или иного общества определяется той ролью, которую религия занимает в его жизни. В обществе, где уровень религиозности населения высок, ее влияние на безопасность общества весьма ощутимо. В обществе с низким уровнем религиозности населения и с низким общественным авторитетом религии ее влияние на безопасность ограничено. Таким образом, каждое заметное изменение в соотношении между светским и религиозным в обществе соответствующим образом отражается на его безопасности.

Вопреки мнению, которое в силу определенных (прежде всего политических) обстоятельств активно предлагается сегодня обществу, что якобы активизация религиозной жизни несет обществу исключительно позитивные приобретения, необходимо отметить, что по отношению к национальной безопасности такая позитивная однозначность отсутствует.

Процесс активизации религиозной жизни общества сопровождается рядом тенденций, укоренение и развитие которых по отношению к национальной безопасности представляет определенную угрозу. К их числу прежде всего относятся:

- обострение межрелигиозных противоречий, переходящее в ряде случаев в открытые межконфессиональные конфликты;
- зарождение религиозного экстремизма;
- рост числа и активности социально опасных религий;
- широкое распространение оккультизма;
- втягивание религиозных организаций в борьбу светских (политических и даже преступных) группировок и т.д.

Помимо вышеперечисленных угроз для безопасности страны религиозная сфера жизни современного бурно меняющегося общества таит в себе и определенную скрытую угрозу, которая связана с некоторыми аспектами проблемы адаптации религии, консервативной по своему существу, к бурной динамике современного общественного развития. Дело в том, что эта адаптация в силу своей объективной включенности в процесс общего глубокого перелома в развитии общества может протекать только в двух направлениях (или их комбинации): первое направление – через изменения в самой религии и приспособление ее к изменившемуся обществу; второе направление – через противодействие (скрытое или открытое) со стороны религии изменениям в обществе.

Именно от того, в каком соотношении находятся между собой эти направления адаптации религии, зависит потенциал скрытой, внутренней угрозы, которую религиозная сфера жизни общества представляет для общества.

Важной проблемой, связанной с религиозным фактором, его ролью в обеспечении безопасности страны, является проблема определения влияния религиозного фактора на систему интеграционно - дезинтеграционных процессов, протекающих в стране. Для большинства стран бывшего СССР, где в настоящее время происходят дезинтеграционные процессы на этнической, политической и экономической ос-

новах, этот вопрос имеет особенно важное значение.

Учитывая тенденцию к увеличению зависимости религии от политики, к усилению на постсоветском пространстве в стране религиозно-ангажированного национализма, а также к обострению самой межрелигиозной борьбы, в том числе на основе усиления фундаментализма в исламе, можно предположить, что в перспективе религиозный фактор в большинстве стран бывшего СССР все меньше будет играть интегрирующую роль, а все больше дезинтегрирующую. Только с ослаблением вышеуказанной тенденции ситуация может улучшиться. Важным условием достижения этого является ослабление межрелигиозной борьбы. Заметим, что один из самых активных участков этой борьбы сегодня – это борьба между традиционными и нетрадиционными религиями.

Признание влияния религиозного фактора на интеграционные и дезинтеграционные тенденции общественного развития отнюдь не должно вести к преувеличению роли религиозного и недооценке других факторов. Роль религиозного фактора в системе интеграционных и дезинтеграционных тенденций может меняться, но, как показывает наш исторический опыт и опыт других стран, он никогда не бывает равен нулю.

Поскольку отмеченные нами тенденции, сопровождающие процесс активизации религиозной жизни нашего общества, не только не угасают, но, наоборот, с течением времени постепенно усиливаются, постольку возникает реальная потребность общества в обеспечении своей безопасности от угроз, которые эти тенденции образуют.

Таким образом, сегодня вполне правомерно говорить о религиозной безопасности общества как об одном из видов его безопасности. Автор согласен с теми кто считает, что содержание понятия «религиозная безопасность» имеет два значения в зависимости от проекции ее рассмотрения.

1. Религиозная безопасность – категория, фиксирующая существование религиозной организации в условиях отсутствия существенных негативных внешних условий или внутренних тенденций, препятствующих нормальному функционированию этой организации в данном качестве и ее развитию в соответствии с присущими ей закономерностями.

2. Религиозная безопасность – категория, фиксирующая существование социальной системы в условиях отсутствия опасности со стороны религиозной сферы жизни общества.

В практике реальной жизни эти два качества религиозной безопасности относительно одной и той же религиозной организации могут быть не разорванными во времени, а соединенными одновременно.

Учитывая два разных значения содержания понятия «религиозная безопасность» (1 – безопасность религиозной организации, 2 – безопасность общества со стороны религиозной организации), следует говорить о двух критериях этих безопасностей.

В первом случае показателем высокой степени безопасности выступают:

- наличие среди верующих единства во взглядах на вопросы вероучения, культуры и организационного устройства церкви, что исключает образование в религиозном движении проявлений сектанства;

- доверие верующих к своим религиозным лидерам, что определяет готовность верующих действовать в строгом соответствии с указаниями этих лидеров;

- наличие условий для сохранения, а еще лучше для роста численности рели-

гиозной организации; отсутствие существенных противоречий с другими религиозными организациями и противоречий с государством.

Во втором случае показателем высокой степени религиозной безопасности выступают:

- отсутствие в религиозной сфере жизни общества проявлений религиозного экстремизма;
- наличие между религиозными организациями отношений взаимоуважения и сотрудничества;
- отсутствие в обществе социально опасных религиозных организаций;
- наличие в государстве хорошо разработанной правовой базы, регулирующей государственно—церковные отношения и ограждающей общество от различного рода опасностей со стороны религиозных организаций.

Все вышесказанное о влиянии религиозного фактора на национальную безопасность полностью относится и к ситуации в Республике Таджикистан.

В настоящее время в Таджикистане резко изменяется структура религиозной организации общества, что существенно меняет содержание и характер религиозного фактора. Число религиозных организаций быстро растет как за счет расколов крупных религиозных организаций, так и за счет появления абсолютно новых или ранее малоизвестных. Эта перегруппировка в структуре религиозного фактора, безусловно, вносит изменения в процесс его воздействия на безопасность Таджикистана.

Религиозный фактор оказывает в нашей республике активное воздействие на многие виды ее национальной безопасности в том числе и на военную безопасность.

Вооруженные силы Таджикистана, являясь частью общества, так же как и другие его элементы испытывают на себе влияние религиозного фактора, что сказывается на военной безопасности страны.

Анализ процесса взаимодействия религии и военной организации Республики Таджикистан позволяет сделать следующие выводы относительно влияния религиозного фактора на военную безопасность Таджикистана.

1. Влияние религиозного фактора на систему военной безопасности Таджикистан продолжает постепенно нарастать.

Это обусловлено:

- продолжающимся процессом увеличения (хотя уже и не таким быстрыми темпами) числа верующих в обществе и, соответственно, в вооруженных силах, что повышает роль религии как в светской так и в военной сферах жизни Таджикистана;
- усилением политизации религиозных организаций Таджикистана, что выражается в стремлении религиозных организаций влиять на общую и военную политику таджикского государства;
- нарастанием стремления государства и его военной организации сблизится с наиболее авторитарными религиозными организациями страны с целью использования их авторитета в обществе для повышения своего собственного авторитета и обеспечения через интегрирующую и воспитательную функцию религии более высокой степени надежности управления обществом и армией;
- продолжающимся процессом поиска и выработки новых духовных ориентиров в обществе и армии и попытками выбора в качестве таковых религиозных ценностей.

2. Развитие религиозной ситуации в стране и Вооруженных силах объективно требует скорейшей и глубокой разработки Министерством Обороны Таджикистана

собственной политики в отношении религиозных организаций страны. Продолжая развитие и углубление своих взаимоотношений с исламскими организациями страны, министерству обороны необходимо самым серьезным образом пересмотреть свою политику по отношению к другим религиям. Известно, что в Таджикистане в настоящее время отмечается рост межрелигиозных противоречий. Перенос этих противоречий в военную сферу чрезвычайно опасен как для самих Вооруженных Сил, так и для всего нашего общества: соприкоснувшись в армии с оружием они могут вернуться в общество большой бедой. Вооруженные силы крайне нуждаются в сохранении между военнослужащими духа войскового товарищества независимо от их религиозных убеждений. Конфликты в армии на религиозной почве весьма опасны, как для нее, так и для всего Таджикского общества.

3. Продолжающееся усложнение религиозной ситуации в Вооруженных Силах Таджикистана требует проведения социологических исследований с целью получения объективной информации о состоянии и тенденциях развития этой ситуации. На настоящий период времени работа по развитию взаимодействия Министерства Обороны Таджикистана с религиозными организациями страны необходимого социологического обоснования не имеет, что может стать причиной тех или иных просчетов (отставание в разрешении каких-то уже назревших проблем или опережение естественного хода событий) в такой деликатной сфере, какой является сфера взаимоотношений между Вооруженными Силами и религиозной организацией таджикского общества.

4. Расширение и усложнение вышеобозначенных взаимоотношений требует от Министерства Обороны Таджикистана принятия некоторых организационно-штатных мероприятий. На наш взгляд, в соответствии с Директивой Министерства Обороны Республики Таджикистан об идеологической и воспитательной работе от 8 октября 1997 года, для организации сотрудничества с религиозными объединениями Таджикистана и в целях совершенствования духовно-нравственного воспитания личного состава, при Управлении воспитательной работы Министерства Обороны Таджикистана следует создать группу по связям с религиозными объединениями, а в отделах и отделениях воспитательной работы ввести должности - офицер по связям с религиозными объединениями.

5. В настоящее время в целях обобщения опыта взаимодействия между армией и религией и изучения путей его дальнейшего развития представляется целесообразным создание при Управлении воспитательной работы Министерства обороны Таджикистана специального общественного комитета. В его состав могли бы войти представители всех религиозных конфессий, последователи которых служат в Вооруженных силах Таджикистана, а также ученые-религиоведы.

Главными направлениями работы этого комитета должно стать обеспечение прав верующих военнослужащих и предотвращение межрелигиозных противоречий в армии.

Научные исследования этим комитетом, могли бы осуществляться по следующим основным направлениям:

- анализ динамики и тенденций развития религиозной ситуации в Вооруженных Силах Республики Таджикистан;

- разработка концепции сегодняшней политики Министерства обороны Таджикистана в сфере его взаимодействия с различными религиозными объединениями;

- исследование влияния религиозного фактора на систему комплектования

войск, на систему воспитания военнослужащих, на процесс функционирования войск в условиях мирного и военного времени;

- изучение истории создания и развития института военных священников современных зарубежных армий.

Интересным направлением его работы могло бы стать изучение развития процесса взаимодействия между армией и религиозными организациями в других республиках бывшего СССР.

Одной из важнейших угроз для национальной безопасности Республики Таджикистан является экстремизм радикальных исламских организаций.

Главным направлением борьбы с радикальным исламским движением в Таджикистане является нейтрализация наиболее важных факторов, способствующих его активизации. Среди наиболее значимых факторов, детерминирующих развитие в Таджикистане экстремистских процессов следует отметить социально-экономический, политический, религиозно-политический и этнический. Отдельно они выделяются в аналитических целях, однако в реальной действительности имеет место их своеобразный синтез. При этом социально-экономический и политический факторы выступают в качестве ключевых, основополагающих. Конфессиональный и этнический факторы не являются ключевыми, но они существенно усиливают действие социально-экономического и политического факторов. Улучшение социально-экономической ситуации в республике играет главную роль в противодействии исламским радикалам, так как это не только существенно сужает социальную базу исламистов, но и способствует урегулированию политических конфликтов, многие из которых возникают из экономической противоречий.

На наш взгляд для эффективного противодействия исламскому экстремизму и терроризму требуется выработка целого комплекса эффективных мер. Следует выделить следующие группы мер по блокированию и преодолению исламского экстремизма в Таджикистане:

1) Институционально - правовые меры. Они направлены на создание многоуровневой системы регулирования деятельности общественных институтов. Речь идет о необходимости завершения процесса создания пакета нормативных актов, включая и подзаконные, которые бы четко определяли процедуру правовой квалификации «исламского» экстремизма по трем основным направлениям: посягательство на конституционные основы государства (принцип территориальной целостности), посягательство на национальные интересы страны, посягательство на конституционные права и свободы граждан. Первое направление по своему политико-правовому содержанию должно четко определять, что пропаганда, побуждение и практические действия исламистов, направленные на пересмотр как внешних границ, так и существующего административно-территориального деления Республика Таджикистан, выходят за рамки порядка и процедуры, установленные законодательством и квалифицируется как преступление против основ государственного строя.

Второе направление по своему политико-правовому содержанию должно касаться связей религиозных организаций Таджикистана с зарубежными религиозными организациями. Суть его необходимо свести к тому, что несанкционированные соответствующими органами государственной власти контакты с организациями, которые в международных политико-правовых и дипломатических документах квалифицируются как террористические или экстремистские, в таджикском законодательстве также должны рассматриваться как пособничество терроризму. Тогда установленные контакты и связи политических партий, общественно-политических

организаций и движений Таджикистана с такими структурами как «Братья-мусульмане», «АльДжихад», Движение Талибан и т.д. могут быть использованы как основание для приостановки их деятельности с возможностью последующего запрещения их дальнейшей деятельности в судебном порядке.

Правовыми методами следует также предупреждать аккредитацию в стране и регионах представительств зарубежных радикальных исламских организаций, ограничивать активность их эмиссаров, преподавательскую деятельность их сторонников в духовных учебных заведениях Таджикистана, неконтролируемое направление на учебу за границу будущих служителей мусульманского культа и т.д.

Третье направление должно быть связано с процедурно-нормативной защитой традиционных мусульманских институтов и верующих-традиционалистов в субъектах республики. В нормотворческой деятельности необходимо, прежде всего ориентироваться на традиционные институты мусульман и широкие массы верующих-традиционалистов, которые должны почувствовать нормативную защиту своих интересов со стороны государства.

2) Политико-организационные меры. Их содержанием выступает поддержка республиканскими властями традиционных исламских структур, формирование условий для их укрепления и модернизации, а также проведение различного рода политико-организационных мероприятий воспитательной направленности.

Важную роль в решении этих задач призвана играть комиссия по вопросам религии при Президенте Республики Таджикистан.

3) Блок социально-экономических мер. Он включает в себя действия, направленные на подрыв и ликвидацию экономической базы радикалов. Как известно эта база состоит из двух составляющих: содействие из-за рубежа и использование внутренних источников. Реализация на практике этих мер очень важна поскольку существенно ограничивает финансово-экономические возможности экстремистов и соответственно сужает их социальную базу.

4) Силовые меры. Эти меры призваны осуществлять непосредственное воздействие на вооруженные формирования «исламских» боевиков путем разоружения либо физического уничтожения террористических групп силами Министерств обороны и внутренних дел, а также спецслужб.

Помимо собственно силовых мер в отношении «исламских» экстремистов и террористов, представляется важным усилить оперативную и профилактическую деятельность. Речь идет о необходимости своевременного пресечения деятельности тех групп, которые пока еще не реализовали свои террористические устремления, но в идеологии которых заложены принципы нетерпимости по отношению к людям, которых они рассматривают в качестве «неверных», а также содержатся прямые призывы к изменению конституционного строя Республики Таджикистан.

Непосредственная близость Республики Таджикистан к Афганистану во многом стала решающим фактором перемещения региона с периферии международной жизни в центр мирового внимания. Таджикистан трансформировался в буферную страну, противодействующую распространению в мире международного терроризма, религиозного экстремизма и наркобизнеса. Необходимость дальнейшей нормализации общественно-политической жизни в Афганистане, необходимость формирования долгосрочных предпосылок обеспечения безопасности в Центральной Азии, угрозы региональной безопасности в целом и национальной безопасности каждой страны Центральной Азии – все это требует теснейшего сотрудничества Таджикистана с другими республиками Центральной Азии. Поскольку границы

Центральной Азии довольно обширны и относительно слабо защищены, постольку страны региона смогут защитить свой суверенитет и территориальную целостность только в системе коллективной безопасности.

Аннотация: Принято считать, что возрождение религии на постсоветском пространстве несет для стран бывшего СССР только позитивные последствия. Положительное воздействие на некоторые стороны жизни новых государств религия действительно оказывает. Однако, как показывает практика реальной жизни, возрождение религии вызвало также целый ряд проблем, оказывающих негативное воздействие на национальную безопасность стран, входивших в СССР. Изучение основных направлений этого негативного воздействия входит в содержание этой статьи. Важным элементом содержания статьи является исследование воздействия религиозного фактора на военную безопасность государства. Особое внимание в статье уделено борьбе с проявлением религиозного экстремизма в Республике Таджикистан.

Religious factor and national security (Republic of Tajikistan as an example): Widespread belief hold it that the comeback of religion on the territory of the former Soviet Union has brought only positive changes in its wake. It is true that some aspects of life in these new states have benefited from it. But, in fact this religious renaissance also brought a number of problems. These problems have a negative influence on the national security. These trouble some tendencies is what this article deals with. An influence of religious factor on the military security of the state is an important part of article's subject. A special attention is paid to the struggle against religious extremism in the Republic of Tajikistan.

Ромашкин К. И.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии РГАУ-МСХА
им. К.А. Тимирязева

Интуиция и неявное знание в математике

Формально-логическая организация математического знания обуславливает четкую зависимость аксиоматики математических теорий от исходных постулатов, задающих релевантные типы значений (например, трактовку кванторных выражений, существо логических связей, законов, операторов и т.д.). Последние выполняют роль онтологических допущений в структуре математических теорий.

Данное обстоятельство влечет повышенные требования к обоснованности математических теорий, которая обуславливает строгость, прочность, непротиворечивость аксиоматизации. В свою очередь аксиоматизация уточняет структуру математической теории, высвечивает ее исходные понятия, допущения, позволяет исключить основания, которые ведут к парадоксальным выводам. Однако аксиоматизация имеет ограничения, порождающие особенно острые проблемы на уровне, на котором и постулируются онтологические допущения математических теорий. В математике имеют место проблемы непротиворечивости аксиоматических систем, непредикативных определений и т.д.

Рассмотрим место в математике элементов, противоречащих формально-логической организации математического знания.

Аксиоматически-дедуктивная организация математического знания обеспечивает доказательства в нем аподиктичностью. В математике имеет место наличие фиксированных способов решения математических проблем в форме систематически выведенных однозначных предписаний, вследствие чего доказательства обладают алгоритмичностью. Принципы построения применяемых в математике рассуждений основаны на переходе от одной смысловой (информационной) структуры к другой по четким и жестким правилам логики, что и позволяет говорить об дедуктивности математики, означающей наличие логического пути от аксиом к теории, где роль этого пути играет логический вывод.

Математические теории в соответствии с правилами построения аксиоматических формальных теорий имеют четко представимую (обозримую) структуру, которую составляют строго определимые классы символов (алфавит), правила построения формул (конечные последовательности элементов алфавита), логические связи и операторы, вспомогательные символы, правила построения из формул и логических связей высказываний, правила исчисления высказываний. Совокупность данных элементов совместно с интерпретацией и образует математическую теорию, отличающуюся в силу однозначной фиксируемости своих ингредиентов точностью и строгостью.

Аксиоматизм обеспечивает отсутствие в математике апелляции к эмпирии; математические положения не исходят из непосредственного эмпирического опыта. Вместе с тем, положения математики в конечном счете апробируются практикой, — в этом смысле они не могут быть априорными, вообще независимыми от деятельности человека. Признание положения всеобщим и аподиктичным само по себе проблематично, так как является гипотезой, которая в дальнейшем либо подтверждается, либо опровергается (1). Математика обращается к опыту как средству контроля рассуждений: этой функции контроля служит в математике анализ на непро-

тиворечивость, полноту, независимость, выводимость. Неэмпирические критерии оценки математического знания как носящего крайне абстрактный характер позволяют избежать традиционных для эмпирических критериев средств (постановка экспериментов, наблюдение, статистическая обработка данных и т.д.) оценки знания погрешностей, связанных с деятельностью на эмпирическом уровне, что повышает точность и строгость математики. Таким образом, для математики характерно отсутствие апелляции к эмпирическому опыту как средству контроля рассуждений.

Аксиоматизм не свободен от недостатков, которые не позволяют констатировать наличие в математическом знании абсолютных точности и строгости. Одна из проблем – проблема разрешимости математических систем. Система считается разрешимой, если существует общий метод или алгоритм, дающий возможность относительно всякой формулы данной системы сказать, выводима она в этой системе или нет. В математике к неразрешимым относятся проблемы общей теории ассоциативных систем и теории целочисленных матриц, проблема тождества теории групп, десятая проблема Гильберта, состоящая в построении алгоритма, распознающего, разрешимо ли в целых числах какое-либо данное алгебраическое уравнение с целыми коэффициентами, и некоторые другие. А. Черч пришел к общему выводу о существовании в математике «неразрешимых проблем» (2).

Аксиоматизм накладывает ограничения на использование интуитивной основы. Чем меньше в теории интуитивных элементов, тем меньше в ней потенциальных формальных несовершенств. Экспликация интуитивных элементов обеспечивается аксиоматизацией, использованием специальной символики и других средств, включающих полисемичность обыденного языка.

Однако в математике есть область проблематичного и строго не обоснованного, образованная такими компонентами, как мысленные эксперименты с абстрактными объектами, гипотезы, предположения и т.п. Строгость аксиоматики в математике проблематична по причине наличия в структуре математического знания наряду с общей эксплицитной формально-аксиоматической организованностью комплекса интуитивных, по своей гносеологической природе имплицитных представлений, не поддающихся жесткой дедуктивно-логической фиксации. По мысли А. Черча, в любом обосновании математики содержится круг, поскольку всегда имеются необосновываемые предпосылки, которые должны быть приняты на веру или интуитивно и которые полностью уничтожены быть не могут (3). На наличие в математике интуитивного фундамента указывает также С. Клини (4).

Причины необходимости опираться на интуитивные представления в математике кроются в том, что из-за ограничительных результатов теоремы Геделя математика не может быть полностью формализована. В математике аксиоматический характер организации существует благодаря бездоказательному принятию аксиом в значительной мере на интуитивной основе и имеет место использование нестрогих понятий в отсутствии возможности их уточнения. Остаются проблематичными такие базовые, имеющие онтологический смысл, категории, как множество и бесконечность. Одной из причин антиномичности теории множеств, по мнению специалистов, является использование канторовского определения понятия «множество», к котором «множество» есть «вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, т.е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона» (5). Точного ответа на вопрос, как объединять многое в одно целое, не существует. В настоящее время множество задается либо списочным образом, либо путем указания правильно сформулиро-

ванного предиката, который конституирует множество на основе ассоциации соответствующих ему объектов.

С проблемой интуитивных комплексов в основаниях математики связана проблема использование в ней аппарата непредикативных определений, включающих самореферентные понятия и основывающихся на отношении самоприменимости. Непредикативные определения – определения, посредством которых создается или вводится в рассмотрение предмет, являющийся одним из значений неопределенного имени («переменной»), участвующего в определяющем выражении. Некорректность непредикативных определений состоит в том, что предмет, вводимый посредством такого определения, своим появлением может изменить смысл определяющего выражения, а тем самым и самого определяемого предмета. Когда эта возможность не реализуется (что бывает, если все вхождения упомянутого неопределенного имени несущественны – устранимы логическими средствами), некорректностью непредикативных определений можно пренебречь, но в таких случаях не возникает и проблемы непредикативных определений. Если же хоть одно вхождение неопределенного имени неустранимо, то создаваемый определением объект сам участвует в своем определении в качестве одного из значений смысла этого имени – и определение порочно, поскольку оно не дает редукции определяемого объекта к ранее известным объектам и понятиям. С точки зрения теории определений, подобные порочные непредикативные определения следует считать столь же недопустимыми, как и круги в доказательствах. Однако непредикативные определения деструктивны не всегда, хотя выяснить, в каких именно случаях они деструктивны, пока не удалось. Допущение непредикативных классов не может избавить от неуверенности в непротиворечивости. Это распространяется даже на такие признанно «строгие» системы, как система Цермело-Френкеля, аксиома подстановки в которой носит непредикативный характер.

Какова же функция интуитивных, неформализуемых элементов в математике?

Очевидно, интуитивные представления в математике выполняют значимую роль на этапе поиска, генерации нового знания, а не обоснования найденного, что требует формальных процедур, аксиоматизации.

Ж. Адамар выделил ряд основных этапов математического открытия (6). Первый этап – «подготовка», осознанное исследование проблемы; второй этап «инкубация», проблема как бы вытесняется в подсознание и исследователь может вообще забыть о ней; третий и центральный этап – «озарение», решение проблемы вдруг неожиданно «прорывается» в сознание (иногда этот этап сопровождается психологическим предчувствием); последний, заключительный этап проверки и теоретического оформления результатов.

Таким образом, движущей силой творческого процесса в математике является интуиция – особая способность мышления к неосознанным, свернутым умозаключениям, которые затем логически, дискурсивно необходимо развернуть (7). Причем развертыванию поддается само умозаключение, а не деятельность интуиции, которая не алгоритмизируется прежде всего потому, что скрыта в подсознании, осознаются только ее результаты.

Опираясь на М. Полани, можно говорить о том, что на этапе инкубации, предшествующем озарению, неосознаваемые образы могут трансформироваться в неявное знание. В результате озарения неявное знание может быть вербализовано и преобразовано посредством дискурсивных рассуждений в явное математическое теоретическое знание, выраженное непосредственно в символах и терминах математики.

Решение большинства математических проблем содержит интуитивный элемент. Математик сначала формулирует на основе результатов работы интуиции некоторый вывод, а затем обосновывает его на языке математической теории.

Вследствие такого статуса интуиции в математическом исследовании, а также ее личностного характера, особенности деятельности интуиции и будут определять в основном стиль мышления того или иного математика. Можно говорить о более или менее интуитивном стиле математического мышления, то есть о математиках-интуитивистах и о математиках-рационалистах, или, следуя А. Пуанкаре, математиках-аналитиках. По-другому он их называет соответственно геометрами и логиками (8).

Интуитивный стиль мышления имеет место, когда к математику, долго работающему над проблемой, неожиданно приходит решение, которое еще формально им не обосновано. Интуитивисту присуща способность быстро делать очень удачные предположения о том, какой из подходов к решению задачи окажется наиболее эффективным. В противоположность аналитическому интуитивное мышление характеризуется тем, что в нем отсутствуют четко определенные этапы. Оно основано на свернутом восприятии всей проблемы. Обычно интуитивное мышление осуществляется в виде скачков, быстрых переходов, с пропусками отдельных звеньев в процессе решения. Данные особенности требуют проверки выводов аналитическими средствами.

Аналитическое мышление позволяет отчетливо выразить отдельные этапы в процессе решения задачи и дискурсивно отразить их. Оно может принимать форму отточенного дедуктивного рассуждения, в котором используется логика и которое имеет четкий план. Интуитивное и аналитическое мышление дополняют друг друга.

В математике понимание тяготеет к тому или иному стилю математического мышления, обуславливая склонность одних математиков к «геометрическому» стилю рассуждений, других – к «алгебраическому». Возможно различать интуитивный и формальный стили в математике. Вероятно, интуитивный стиль близок к геометрическому, а формальный – к алгебраическому.

Насколько далеки друг от друга два вида интуиции? Полани считает, что в любом случае, в том числе и для аналитиков, необходимо преодоление логического разрыва, а значит, необходимо присутствие интуитивных элементов. Свой вывод Полани обосновывает построением аналогии между так называемой геделевской процедурой и правилами открытия, выработанными Пуанкаре. Геделевская процедура заключается в прибавлении формально неразрешимого в какой-либо богатой системе высказывания в качестве независимой аксиомы. Истинность геделевского высказывания не может быть проверена в рамках существующей аксиоматической системы, которая может, по Геделю, все время таким образом пополняться. При этом не может быть создана универсальная система аксиом, не нуждающаяся в дополнении (теорема Геделя о неполноте)(9). Открытие, по Пуанкаре, совершается по принципу аналогии и далее опирается на аксиому математической индукции. При этом каждая последующая теорема есть следствие предыдущей. В заключение остается повторить все эти действия в обратном порядке. Теперь, если учесть, что в геделевской процедуре включение новой аксиомы обосновывается личностными суждениями, поскольку новая аксиома независима по отношению к уже имеющимся, можно делать вывод о правомерности построенной аналогии.

Другим фактором, существенно влияющим на формирование стиля математического мышления конкретного математика, можно назвать неявное знание, знание, которым мы пользуемся неосознанно. Можно принять, что оно представ-

ляет результат неосознанного умозаключения. Вследствие неосознаваемости этого знания математик вне зависимости от стиля мышления не может включить его в доказательство, хотя оно незримо в нем присутствует в форме скрытых лемм. Так, в доказательстве от противного неявно используется закон исключенного третьего и закон противоречия. Когда были обнаружены парадоксы математики, их пытались преодолеть интуитионизм, предлагая логику, в которой, в частности, нет места закону исключенного третьего.

Присущее отдельной личности неявное знание многослойно и неоднородно, опирается на комплекс неосознанных ощущений, определяющийся психологией личного восприятия. Поэтому неявное знание личностно, тесно связано с индивидуально-психологическими особенностями личности.

Априорное знание также представляет часть неявного знания. И. Кант показал, что математика как наука построена на фундаменте априорного знания, которое носит доопытный характер. Вначале формируется слой неявных онтологических предпосылок, относящихся к пониманию мира в целом. В частности, представление о трехмерности пространства, единстве мира. Неявные онтологические предпосылки представляют основу для формирования знания конкретной личности вообще, в том числе и математического. На нем формируется слой неявного априорного знания, имеющего особое значение именно для математического мышления. Неявное знание имеет вид неформализуемых в математике понятий, таких, как количество, множество, непрерывность, дискретность. Данные понятия по сути не только математические, но и онтологические. На их базе, по-видимому, происходит формирование образов чисел от нуля до девяти включительно, простейших образов геометрических фигур, в том числе и пространственных. На этом уровне закладывается представление об основной математической операции сложения.

Априорное знание, несмотря на всю свою личностность, интерсубъективно, что объясняется очевидностью общности анатомических и физиологических особенностей субъектов познания, сходством протекания психологических реакций.

Весь комплекс неявного знания необходим для выполнения простейших математических действий. Умения и навыки, присущие личности, базируются наряду с осознанным, алгоритмизированным знанием на знании неявном, представляющем личностный опыт освоения математики, передающемся при обучении. Если индивидуально-психологические особенности личности не способствуют успешному освоению чужого опыта, формированию своего неявного личностного знания, обучение в целом вряд ли будет успешным.

Неявное знание как априорное и как опыт математического мышления в основном и составляет предпосылки, необходимые для формирования определенного стиля математического мышления. Можно сказать, что неявное знание и представляет инструмент, при помощи которого осуществляется математическое исследование, основу, на которой формируются предпосылки, составляющие костяк метода, позволяющего получить теоретические утверждения. Необходимость неявного знания объединяет и интуитивистов и аналитиков.

Неявное знание с трудом поддается не только алгоритмизации, но и простейшей вербализации. Наряду с априорным знанием оно включает также нерационализированные результаты работы математической интуиции. Неявное знание как таковое можно рассматривать как материал для мыслительной деятельности математика, источник гипотез, скрытые леммы или определения, имеющие вид аксиом, как, например, постулат параллельных до открытия неевклидовой геометрии (10).

Роль неявного знания в математике осознана при попытках перестройки математики на единой аксиоматической основе. Выяснилось, что многие доказательства некорректны из-за наличия явно не сформулированных, недоказанных или ложных посылок. Для повышения уровня математической строгости необходимы указанные посылки выявить и обосновать. Без решения этой проблемы формализация доказательств невозможна (11). Практически все математические методы прошли путь от неявной эвристики до строгих теоретических утверждений, что делает историю математики историей рационализации ее неявных методов и предпосылок, ранее составляющих личностную компоненту математического знания, в результате обоснования преобразовавшихся в строгие математические утверждения.

Роль неявного знания в математике обусловлена высоким уровнем абстрагирования, присущим математике вообще и математике современной в особенности. Математическая символизация заключается в отождествлении определенного феномена реальности с некоторым математическим символом. Математические символы основаны на априорном знании. В случае математических абстракций, значительно удаленных от первоначальных математических объектов, возникает так называемый неявный коэффициент математической символизации, который через неявное знание связывает абстракцию математики с реальностью. Обозначенные связи глубоко личностны, составляют часть неявного знания, которое неспецифицируемо, вследствие чего алгоритмизировать их не представляется возможным. Более подробное исследование возможно лишь в конкретных случаях, когда хорошо известна история формирования какого-либо математического понятия. Простейшим примером является понятие бесконечно малой в математике, история которой прослеживается от лейбницева монады до термина математического анализа. Определенно можно сказать лишь то, что подобные связи формируются на уровне личностного практического освоения математики, не исключающего неосознанное чисто механическое использование абстракций.

Таким образом, аксиоматизм математики не исключает использования в ней комплекса неформализуемых элементов, используемых прежде всего на этапе поиска.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Костюк В.Н. О логическом аспекте философских доказательств в «Критике чистого разума» // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта Калининград, 1978. Вып. 3. С. 50.

2. Коэн П.Дж. Теория множеств и континуум-гипотеза. М., 1969. С. 67.

3. Черч А. Математика и логика // Математическая логика и ее применение. М., 1965. С. 214.

4. Клини С. Введение в метаматематику. М., 1957. С. 44.

5. Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях // Новые идеи в математике. СПб., 1914. № 6. С. 18.

6. Адамар Ж. Исследование психологии изобретения в области математики. М., 1970.

7. Султанова Л.Б. Взаимосвязь неявного знания и эвристической интуиции // Вестник МГУ, 1995. Серия философия.

8. Пуанкаре А. Ценность науки // О науке. М., 1990.

9. Успенский В.А. Теорема Геделя о неполноте. М., 1982.

10. Султанова Указ. соч.

11. Серебряников О.Ф. Эвристические принципы и логическое мышление. М., 1979.

К.И. Ромашкин. Интуиция и неявное знание в математике. В статье оцениваются особенности оснований науки с позиций анализа интуитивных, неявных аспектов математического знания. Признается значение пересмотра парадигмы трансцендентализма как основной познавательной стратегии, интуитивные и неявные оснований в математике оцениваются как фундаментальные.

K.I.Romashkin. Intuition and noopen knowledge in the mathematic. In the artical was estimated the significance feature of the science: intuition, neopen aspects of mathematical knowledge. The author says about the necessity of the transition from the transcendentalism to the fundamental aspects of the mathematic: its intuition, neopen foundation.

Рубцова Н.Е.,
Тверской государственной университет,
доцент кафедры общей психологии и психологии развития,
кандидат психологических наук, доцент

Методологические основания субъект-объектной классификации профессиональной деятельности

Постановка проблемы разработки методологических оснований классификации профессиональной деятельности обусловлена целым рядом причин, среди которых важное место занимают существенные трансформации, которые претерпевает в настоящее время сфера профессионального труда. Подобные трансформации проявляются в двух взаимосвязанных и взаимодополняющих аспектах. С одной стороны, изменяется предметное, технологическое, социальное, экономическое, а вследствие всего этого – и психологическое содержание многих традиционных видов профессиональной деятельности. С другой стороны, все чаще появляются новые виды труда, имеющие существенные отличия от традиционных не только в объективно-технологическом, но и в психологическом плане¹. Детерминантами подобных изменений, помимо социально-экономических причин, являются, в частности, следующие факторы: 1) внедрение и широкое распространение новых информационных технологий², генерирующее интенсивное развитие нового специфического класса профессиональной деятельности, получившего название профессиональной деятельности информационного характера³; особо важную роль в этом процессе играет развитие сетевых и телекоммуникационных компьютерных технологий, глобальной информационной системы Интернет⁴; 2) появление новых форм организационной культуры⁵.

В современных российских условиях перманентных социальных, экономических и политических реформ, «перестроек» и иных потрясений отмеченные выше процессы приобретают особую интенсивность, а с учетом российских масштабов – и экстенсивность. Во многих случаях как новые, так и видоизменившиеся традиционные виды профессионального труда нередко не укладываются в рамки сложившихся типологий и схем профессиографирования. Нами были проанализированы такие широко распространенные в нашей стране и за рубежом психологические классификации профессий, как «ярусная» классификация Е.А. Климова⁶ и ее модифицированный вариант Л.А. Йовайши⁷, «Инвентарь интересов Стронга-Кэмпбелла» (E. Strong, D. Campbell)⁸, классификация по критерию доминирующей психологической функции Д. Сьюпера (D. Super)⁹, типологическая классификация профессиональной направленности личности Дж. Холланда (J.L. Holland)¹⁰. В ходе выполненного нами эмпирического исследования на примере ряда современных профессий (web-дизайнер, франчайзи по экономическим программам, преподаватель компьютерных технологий, менеджер по продажам бытовой техники и др.) была установлена недостаточность данных классификаций для адекватного отражения объективной ситуации, сложившейся в сфере профессионального труда¹¹. В настоящее время появляется все больше видов профессиональной деятельности, занимающих в традиционных психологических классификациях (дихотомических, аттитюдных, типологических) промежуточное положение, относясь одновременно более чем к одному классу. Для подобных видов труда отсутствует адекватное исходное методологическое классификационное основание, позволяющее не только с

научной строгостью идентифицировать их, но и разрабатывать адекватные системы их прикладного психологического обеспечения (профессиональную ориентацию, профессиональный отбор, профессиональное консультирование и др.).

Запаздывание психологической рефлексии приводит, в свою очередь, к расширению эмпирических классификаций профессиональной деятельности, осуществляемой за счет констатации фактической дифференциации ее новых видов¹². При всей прагматической полезности такие классификации не имеют под собой теоретико-психологических оснований, достаточных для адекватного психологического анализа деятельности. Отмеченное противоречие между состоянием психологической теории и объективно обусловленными потребностями практики позволяет сформулировать актуальную задачу по решению проблемы разработки методологических оснований классификации профессиональной деятельности, создающих адекватную основу для психологического анализа сложных современных видов труда. Важно подчеркнуть объективную необходимость обращения именно к фундаментальным, философско-методологическим основаниям теории деятельности, поскольку все попытки решить эту проблему средствами самой психологии оказались безуспешными. Оставив все права на собственно философские открытия специалистам-философам, мы будем решать поставленную задачу именно в ее междисциплинарном аспекте, удерживая в поле внимания диалектику отношений между философией и психологией.

В соответствии с этим, теоретико-методологическую основу нашего исследования составили не только общепсихологическая теория деятельности и ее развитие в русле субъектно-деятельностного подхода, а также концепции профессиографирования и профессиоведения, но и философская теория субъект-объектного отношения. Для решения поставленной задачи понадобилось, в первую очередь, определиться с общей методологической позицией по отношению к базовым признакам профессиональной деятельности. Традиционно в качестве подобных признаков применяется широкий спектр разнородных характеристик, из которых наиболее часто используются дихотомические признаки, предусматривающие разделение деятельности на умственную и физическую, управленческую и исполнительскую, непосредственную и опосредствованную и т.д.¹³. Однако, как справедливо отмечал Л.М. Веккер, подобные дихотомические крайности обычно представляют собой лишь полюса континуума, которые именно в силу своей наиболее яркой выраженности и контрастности в первую очередь попадают в фокус внимания исследователей¹⁴. Основная же часть признакового континуума, его «середина», остается «в тени», так как ее исследование объективно является более сложным и требует более тонких методических приемов¹⁵. С нашей точки зрения, психологическое признаковое пространство профессиональной деятельности, как и иных психических реалий, является принципиально континуальным, а не дискретным. Соответственно, конкретный вид деятельности может быть представлен как многомерная точка в непрерывном признаковом пространстве. В силу этого, целесообразно отказаться от дихотомического описания деятельности и, опираясь на принципы полисистемности и дополненности, использовать отмеченные выше «полюса континуума» в качестве отдельных самостоятельных шкал измерения и описания.

Следующим шагом стал выбор набора наиболее существенных атрибутивных признаков профессиональной деятельности. Общим методологическим критерием выделения таких признаков выступила их соотносительность с субъект-объектными отношениями, реализуемыми в процессе деятельности.

Генезис понимания категорий «субъект» и «объект» в истории отечественной и зарубежной философской мысли (С.Я. Вольфсон, А.М. Деборин, П.В. Копнин, М.М. Митин, Г.В. Плеханов, В.Н. Типухин, Е.В. Шорохова, Г. Гегель, И. Кант, К. Маркс и др.) рассмотрен в работах В.А. Лекторского, К.Н. Любутина и Д.В. Пивоварова, Д. Антисери и Д. Реале и др. Для дальнейшего анализа будем использовать подход, в рамках которого субъект и объект представляют собой парные, диалектически дополнительные категории, продолжая философскую традицию Канта и Гегеля, зафиксированную в психологии в виде известного положения С.Л. Рубинштейна: «без субъекта нет объекта». На метатеоретическом (общенаучном) уровне субъект, рассматриваемый во взаимодействии с объектом, представляется абстрактной самоорганизующейся системой (Д.И. Дубровский, В.С. Тюхтин и др.), а на частнонаучном (в нашем случае – психологическом) уровне самоорганизуемость конкретизируется посредством понятий антиципации, целеполагания, целенаправленной активности и др. (П.К. Анохин, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, А. Адлер, В. Дильтей, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Хорни, К. Юнг и др.).

Итак, в философии категория субъекта предстает в обобщенном виде, а в психологии она наполняется конкретным содержанием, образуемым из контекста и методологии психологических исследований (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.).

Согласно теории деятельности, виды труда наиболее принципиально отличаются по своему объекту, определяемому с точки зрения субъект-объектных отношений. В рамках развиваемой концепции среди базовых типов деятельности, выделяемых по данному основанию, наряду с традиционными субъект-субъектным и субъект-объектным рассматривается субъектно-информационный тип, реализуемый во многих современных видах труда, имеющих информационный характер. Второй базовый признак – цели деятельности, рассматриваемые в аспекте характера реализуемого субъект-объектного взаимодействия и разделяемые на гностические, преобразующие и изыскательские. Однако, при всей плодотворности предложенного Е.А. Климовым подхода, здесь происходит смешение двух разных признаков: цели по характеру взаимодействия и цели по характеру получаемого результата. Все возможные взаимодействия между субъектом и объектом традиционно разделяют на познание и преобразование (воздействие). Результатом познания является информация об объекте, а результатом воздействия – соответствующие изменения, осуществляемые в объекте. Но, кроме этого, воздействие субъекта на объект может производиться одним из двух качественно отличных способов: либо как воздействие физическое, сугубо материальное, энергопаритетное, при котором величина изменений в объекте соотносима с энергетическими затратами субъекта; либо как воздействие информационное, при котором величина изменений в объекте может намного превышать энергетические затраты субъекта.

Важно отметить, что второй тип воздействия, по крайней мере – с точки зрения позитивной науки, возможен при взаимодействии далеко не с любыми объектами (здесь мы опять вынуждены перейти от общефилософского понимания объекта к его частному, «вещному» пониманию), а только с такими, которые обладают способностью к подобному взаимодействию, фиксируемой в понятии «самоорганизующейся системы».

Обобщая проведенное рассмотрение, можно предложить следующую схему построения базовых оснований классификации профессиональной деятельности, проиллюстрированную в приведенной ниже таблице. В качестве первого ключевого

признака данной классификации выбирается характер объекта, с которым взаимодействует субъект труда. По этому признаку все возможные объекты трудового взаимодействия разделяются на три категории: 1) С – субъектные объекты (человек и группы людей различной степени социальной общности – от малой группы и семьи до нации, населения страны и общества в целом); 2) И – информационные объекты, т.е. зафиксированная на материальных носителях информация, находящаяся в своей особой, отчужденной от субъекта, «превращенной» (по М. Мамардашвили) форме; 3) О – материальные объекты (естественные – природные и искусственные, включая животных, растения и иные живые системы досоциального уровня).

Объект \ Цель	С	И	О
С	С-С	С-И	С-О
И	И-С	И-И	И-О
О	О-С	О-И	О-О

Второй ключевой признак – характер цели взаимодействия, объединяющий в себе фундаментальное разделение на познание и преобразование, а также не менее принципиальное разделение преобразования на физическое (материальное) и информационное. Следует обратить внимание, что для сохранения общности мы дали этим трем вариантам целей взаимодействия обозначения, аналогичные обозначениям типов объектов. Соответственно, по своему характеру все возможные цели трудового (профессионального) взаимодействия разделяются на следующие типы: 1) С – субъектное (информационное) воздействие, возможное, как отмечалось выше, по отношению лишь к некоторым, особым объектам; 2) И – познание объекта (изучение, оценивание, восприятие и т.д.); 3) О – физическое (материальное) воздействие.

Все варианты соотношений «объект-цель», представляющие собой, по сути, базовые варианты предмета труда, разделяются на следующие девять базовых типов: 1) С-С – информационное воздействие на людей; 2) С-И – изучение свойств, отношений, поведения людей; 3) С-О – физическое воздействие на тело или организм человека; 4) И-С – семантическое преобразование информации; 5) И-И – анализ и обработка информации; 6) И-О – преобразование материальных информационных сигналов; 7) О-С – информационное воздействие на материальные объекты и ситуации; 8) О-И – изучение свойств и отношений материальных объектов; 9) О-О – преобразование свойств и отношений материальных объектов.

Для определения выраженности в конкретном виде профессиональной деятельности рассмотренных выше базовых типов разработана специальная авторская методика, опыт применения которой показал, что виды профессиональной деятельности крайне редко относятся к «чистым» базовым типам. Установлено, что расширенная типология профессиональной деятельности, помимо базовых типов, должна включать интегративные типы, объединяющие такие виды деятельности, в которых одновременно представлены два или более базовых типа. Переход от базовых к интегративным типам профессиональной деятельности затрагивает не только ее функциональные и поведенческие стороны, но и глубинные основы психологической организации, в частности – закономерности структурно-функционального строения.

Предлагаемая классификация профессиональной деятельности, построенная на методологической основе субъект-объектного взаимодействия, получила определенное подтверждение своей теоретической плодотворности и практической целесообразности. Выделение базовых и интегративных типов создает адекватную методологическую основу для психологического анализа современных видов труда, поскольку позволяет не только однозначно классифицировать их по формальным признакам, но и выявить новые закономерности строения, детерминации и регуляции деятельности, что позволит улучшить работу по профориентации, профотбору, профконсультированию и другим направлениям подготовки квалифицированных кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Карпов А.В., Леньков С.Л. Субъектно-информационные основания психологической теории деятельности // Вестник Ярославск. ун-та. № 10. 2003. – С. 22-38.
2. См.: Smith M.J., Carayon P., Eberts R., Salvendy G. Human-computer interaction / G. Salvendy (Ed.), Handbook of Industrial Engineering. New York, 1992. P. 1107-1144.
3. См.: Карпов А.В., Леньков С.Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь, 2006.
4. Беляева А.В., Лепский В.Е. Психология и Интернет: горизонты новых профессий // Развивающаяся психология – основа гуманизации образования. – М., 1998. – С.18-19.
5. См.: Карпов А.В. Психология менеджмента. – М., 2004.
6. См.: Климов Е.А. Психология профессионала. – М., 2003.
7. См.: Практикум по психологии профессиональной деятельности и менеджмента. – СПб., 2001.
8. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. – СПб., 2001.
9. См.: Super D.E., Bohn M.J. Occupational psychology. London, 1971.
10. Holland J.L. Making vocational choices: A theory of careers. N.J., 1973.
11. Рубцова Н.Е. Психологические основания выделения интегративных типов профессиональной деятельности // Вестник ТвГУ. №11. 2005.
12. См.: Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М., 2003.
13. См.: Психология труда / Под ред. А.В. Карпова. – М., 2003.
14. См.: Веккер Л.М. Психика и реальность. – М., 2000.
15. См.: Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. – М., 2004.
16. См.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М., 1980.
17. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург, 1993. – С. 98-101.
18. См.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.

Аннотация: Рассмотрены методологические основания разработки классификации профессиональной деятельности профессий в современных российских условиях. В качестве ключевого признака данной классификации предлагается использовать характер реализуемых в деятельности субъект-объектных отношений, определяемый объектом и целью деятельности. Выделены девять базовых типов профессиональной деятельности, соответствующие сочетаниям трех типов объектов труда (субъектных, информационных и материальных) и трех типов целей труда (информационного воздействия, познания и материального преобразования). Показано, что расширенная типология, помимо базовых, должна включать интегративные типы, объединяющие два или более базовых типов профессиональной деятельности.

The methodological bases of development of classification of professional work of trades in modern Russian conditions are considered. As a key attribute of the given classification it is offered to use the character of subject - objective attitudes (relations) sold in activity determined by object and the purpose of activity. Nine base types of professional work appropriate to combinations of three types of objects of work (subjective, information and material) and three types of the purposes of work (information influence, knowledge and material transformation) are allocated. It is shown, that the expanded typology, besides base, should include integrative the types uniting of two or more base types of professional work.

Самойленко В.В.,

*Воронежское высшее военно-авиационное инженерное училище
(Военный институт), старший преподаватель,
соискатель кафедры философии и религиоведения
Военного университета*

ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Если рассматривать идеологию Победы как «совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность»¹, то следует признать, что Победа, как явление не только военно-политическое, но и духовное, обладает многообразными аспектами, свойствами, признаками. Существующее ныне российское общество мало задумывается над тем, что многие источники современного духовного фактора – в опыте Великой Отечественной войны и содержании Великой Победы. Раскрытие идеологии Победы сегодня особенно актуально не только для духовного сплочения российских граждан, но и для осмысления той ситуации, тех тенденций мировой политики, что ведут к современному глобализму, места России в этих процессах.

Научное определение понятия «Победа в войне» учитывает достижение как военно-стратегических, так и политических целей войны: «Победа в войне – нанесение поражения противнику и достижение одной из воюющих сторон (государством, коалицией государств, политическим движением или организацией) политических и военно-стратегических целей войны. Непосредственным результатом победы является прекращение военных действий на условиях победителя, что оформляется двусторонним или многосторонним международно-правовым документом: актом о капитуляции, соглашением о перемирии, мирным договором и др... Источником победы в войне служит совокупность всех материальных и духовных сил государства и эффективность их использования, выражающаяся в военной мощи».²

Вторая мировая война показала, что исход вооружённой борьбы не определяется простым соотношением материальных и людских ресурсов сторон. Исход продолжительной борьбы решается совокупностью политических, экономических, социальных и моральных факторов, умелым и целеустремлённым использованием всех наличных и потенциальных сил, достижением превосходства на решающих этапах и важнейших направлениях.³

Победа как полное достижение военных и политических целей войны непосредственно связана с феноменом освобождения, явлением многокомпонентным по содержанию и сложным по своей структуре, которое, при известных обстоятельствах, представляет собой неотъемлемое условие и функцию победы в войне.

В социально-философском смысле понятие «освобождение», как представляется, отражает диалектический процесс и результата преодоления (видоизменения или уничтожения) обстоятельств, сдерживающих развитие личности, социальных групп, конкретного общества или какого-либо рода сообщества. Это обуславливается негативным воздействием данных обстоятельств на необходимые условия функционирования и совершенствования вышеперечисленных субъектов истории, складыванием деструктивных противоречий и тенденций их развития. Именно как процесс их преодоления, освобождение представляет собой неперемное условие достижения победы в войне. Сама же победа, как военный и политический итог противоборства сторон, по своей сути и есть результат этого процесса, так как представляет собой ни что иное, как достижение освободительных (прежде всего поли-

тических) целей войны. Однако при этом необходимо учитывать одну важную особенность взаимоотношений условия и результатов, освобождения и победы.

Война, как известно, является по своей сути особой, насильственной формой разрешения специфических социальных, в конечном счёте политических противоречий, возникающих между социальными группами, нациями, государствами или коалициями государств. Победа же в войне достигается одной из воюющих сторон, и характер войны принято определять не вообще, а с позиций политического содержания целей, способов и средств их достижения конкретными борющимися социальными группами и государствами. С точки зрения соответствия или несоответствия этих критериев нормам международного права и морали, война с той или иной воюющей стороны может, как известно, быть как незаконной, несправедливой, то есть захватнической, агрессивной, так и законной, справедливой, направленной на сдерживание и разгром агрессора, сохранение или восстановление своей территориальной целостности и суверенитета. В этом смысле, достижение целей войны, то есть победы через освобождение, через ликвидацию агрессии, возможно лишь той воюющей стороной, которая ведёт войну справедливую. Победа, другими словами, есть исключительно результат освободительных усилий государства, ведущего войну справедливую.⁴

Рассмотрим основные аспекты Великой Победы.

Исторический аспект сам факт победы раскрывает однозначно: победил Советский Союз. Его Вооружённые Силы освободили свою территорию, внесли решающий вклад в освобождение стран Европы и Азии, в разгром и искоренение фашизма, сорвали планы гитлеровцев по уничтожению десятков миллионов советских людей. Была сохранена целостность страны, ещё больше укрепилось единство народов Советского Союза. Разгром фашистско-милитаристского блока явился закономерным итогом длительной и кровопролитной войны, в которой решались судьбы мировой цивилизации.

Процесс освобождения народов протекал по двум главным направлениям: одно — восстановление независимости тех стран, которые были лишены ее в ходе завоевательных походов германских и итальянских империалистов; другое — уничтожение длительного господства колониальных держав.⁵

Победа над германским фашизмом и японским милитаризмом явилась событием величайшего исторического значения, стала важным рубежом в судьбах всего человечества. Она ускорила процесс общественно-политического развития в мире, связала воедино антифашистскую, освободительную борьбу народов в годы войны с борьбой против агрессивных сил империализма и его союзников, за национальное и социальное освобождение в послевоенные годы.⁶

Государственно-политический аспект. Сила советского социалистического многонационального государства в период войны проявилась прежде всего в его способности как политического института осуществить работу по организации военного сопротивления врагу всеми возможными средствами.

Советская власть, именуемая сегодня тоталитарным строем, обладала всеми правами, позволявшими выполнить свою задачу по руководству всей хозяйственной деятельностью, обеспечение правопорядка в стране, поддержания трудовой дисциплины и создания условий для проявления жизнедеятельности всех своих граждан.

Война показала всем гражданам страны, что Советское социалистическое государство было надёжным гарантом осуществления их прав и обязанностей, защищало их интересы, провозглашенных в Конституции СССР. Федеративное уст-

ройство государства способствовало мобилизации сил каждой республики на борьбу с общим врагом. Эта же сторона власти проявилась и в период восстановления разрушенного войной хозяйства, по территориям которых прошел огненный смерч войны.

Победа СССР в Великой Отечественной войне является доказательством превосходства государственного устройства страны по отношению к странам противника. Этот факт означает и доказательство разумности, дальновидности и обоснованности проводившейся довоенной внутренней политики, благодаря которой был создан промышленный и научно-технический потенциал страны, квалифицированные кадры промышленности и сельского хозяйства, выращен командный состав армии и флота.⁷ Немецкий генерал Эрхард Раус, чьи воспоминания стоят в одном ряду с мемуарами Гудериана и Манштейна, пишет: «Высшие эшелоны командования Красной Армии с самого начала показали себя наилучшим образом: гибкость, инициативность, энергия... В области военного образования был достигнут столь значительный прогресс, что в начале войны качество высшего командования полностью отвечало требованиям момента».⁸

Выдающаяся роль в обеспечении победы над фашистско-милитаристским блоком во второй мировой войне принадлежит и советской внешней политике. Она была нацелена на решение кардинальных проблем, связанных с борьбой против агрессоров. Основные усилия СССР в области внешней политики в годы войны были сосредоточены на четырех ключевых задачах: создание и укрепление антигитлеровской коалиции государств, выступавших против фашистско-милитаристского блока; подрыв и ликвидация коалиции фашистских и милитаристских держав; завершение войны в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями для народов; выработка прочных основ и гарантий послевоенного мира и безопасности.⁹ Советская внешняя политика сыграла активную роль в международной изоляции фашистского блока, обеспечив одно из важнейших условий достижения победы.

Экономические итоги войны неотделимы от её политических и военных результатов. Результаты её в значительной мере определяются масштабами и эффективностью экономических и научно-технических усилий сторон, способностью экономики выдержать испытания военного времени, обеспечить фронт и тыл необходимыми материальными средствами. Экономический фактор оказал существенное воздействие на строительство армий. Изменение структуры видов вооружённых сил, родов войск, войсковых формирований находилось в прямой зависимости от способности экономики воевавших стран реагировать на запросы фронта, обновлять техническое оснащение войск, насыщать их в необходимом количестве эффективными средствами вооружённой борьбы. Всё это обусловило расширение масштабов и рост важности задач, возложенных на экономику.¹⁰

Основная борьба в области военного производства развернулась между экономикой фашистской Германии и экономикой Советского Союза. Это была борьба экономик, представлявших противоположные в социально-экономическом отношении системы.¹¹ Неоспоримые факты свидетельствуют, что именно социалистическая система хозяйства обеспечила высокую экономическую организацию и эффективное использование материальных и людских ресурсов для ведения войны. Именно социалистический способ производства и социалистическая экономика явились основной материальной базой победы над врагом.¹²

Экономическая победа Советского Союза – это закономерный итог совокупных усилий всех отраслей народного хозяйства, всех союзных республик, краёв и

областей. Планомерное и целеустремлённое использование всех экономических сил и средств в целях максимального развёртывания военного производства позволило достичь необходимого превосходства над противником, что явилось фундаментом Великой Победы.

Важным итогом второй мировой войны стал не только разгром крайне реакционных политических систем и военных организаций агрессора, но и поражение *идеологии* фашизма и милитаризма, которая формировала общественное сознание масс и служила духовной предпосылкой подготовки и ведения захватнической войны.¹³ Идеология фашизма включала ложные концепции и положения, предназначенные для обмана масс и привлечения их к практическому осуществлению антидемократических, агрессивных акций.¹⁴

Фашистский политический режим усиленно насаждал самую реакционную идеологию – комплекс политических, философских, религиозных, моральных (фактически аморальных) и художественных (на деле антихудожественных взглядов. В их программы входило отрицание общественных наук, научных знаний, научного мировоззрения, призывы к варварству. Фашистские идеологи открыто говорили: «*Мы скорее за мировоззрение, которое ругают как варварство, ибо мы считаем наилучшим боевой клич, провозглашённый в последние годы: назад к варварству*».¹⁵ Из отрицания науки давалось и характерное для фашистов определение мировоззрения, которое они рассматривали не как научное познание закономерностей общественного развития, а как слепую, безрассудную веру в «истины», провозглашаемые фюрером.

Идеология фашизма требовала признания абсолютной правоты фюрера и безграничного доверия к нему. Всеми средствами – от печати и радио, театральных постановок и массовых зрелищ до концентрационных лагерей и пыток – фашисты убеждали население в том, что такое доверие не требует ни размышлений, ни доказательств, что оно основывается исключительно на вере, носящей религиозный характер. И Муссолини, и Гитлер называли фашизм религиозной концепцией, высшей формой религиозного культа.

Компании против «*дегенерирующего искусства*» были нацелены на содействие в создании нового человека, освобожденного в поступках от пагубной эстетики. Кроме научных элементов национализма и расизма, фашизм провозглашает каноны артистической и литературной интеллектуальной среды, соответствующей его идеи возрождения.¹⁶

Во второй мировой войне идеология фашизма и милитаризма, «теории» геополитики, расизма, шовинизма, антикоммунизма и прочие реакционные идеи не могли стать и не стали основой устойчивого морального духа армий и населения государств агрессивного блока.¹⁷

Критический анализ политики и идеологии германского фашизма раскрывает и обосновывает главные цели и идеалы социализма.

Они состоят не в реализации марксистско-ленинской концепции, а в строительстве системы неэксплуататорских общественных отношений.¹⁸

Великая Победа выступила главным результирующим показателем превосходства российской цивилизации над ценностными установками фашизма, что позволяет рассматривать феномен Победы в *аксиологическом* аспекте. В той войне было не только столкновение коммунистического и фашистского режимов, но и столкновение систем ценностей – систем, исключаящих друг друга.¹⁹

Германия 1920-1930-х годов жила идеей возрождения былой мощи, поверженной после поражения в Первой мировой войне. Однако в умах некоторых рели-

гиозных людей данная идея перешла в мысль о возрождении исконной германской культуры, обращённой к природе. Это время казалось им золотым веком богов и героев, описанным в эпических сказаниях — Эддах. Многие обряды и символы были заимствованы из архаических мифов, что многих привлекало своей необычностью и тайным смыслом. Именно поэтому корни мистических учений Третьего рейха следует искать в далёком прошлом.²⁰

Оккультизм основан на тайне и посвящении, поэтому для сохранения секретности создавались тайные ордена и организации. В своей книге «Майн кампф» Гитлер с благодарностью отзывался об Адольфе фон Зеботтендофе — основателе общества Туле, идеологию которого составляла смесь идей Блаватской, Листа, Либенфельса, Хьюстона Чемберлена, доктрины которых выражали общие взгляды: «расслоение общества в соответствии с расовой чистотой и оккультной посвящённостью; безжалостное подчинение и окончательное искоренение негерманских меньшинств; основание великой пангерманской империи и её гегемонию».²¹ В этих учениях не было совести, братства людей, им не нужна была церковь, люди, по их понятиям, за небольшим исключением были недочеловеки, сатанинский оккультизм пронизывал высшие околоситлеровские круги.²²

Иное было в России: «Именно русские (а следовательно, в глубине и православные) советские армии стали побеждать Гитлера...».²³ Русское — православное — советское во фразе митрополита Вениамина слилось в одно определение не случайно: война была с захватчиками, освободительная, церковь заняла ясную и четкую патриотическую позицию. Верховный главнокомандующий заговорил языком русских святынь, — и «братья и сестры», и «образы великих предков», и «родина-мать», повторил в своей первой речи во время войны идеи призыва местоблюстителя патриарха митрополита Сергия, пошел на созыв церковного собора и избрание патриарха. Сама логика и лексика речей Сталина типа «Наше дело правое. Враг будет разбит» прямо коррелировались с известными словами православного учения «Не в силе Бог, а в правде». И не случайно был снят фильм об Александре Невском, постоянно вспоминали Александра Суворова. В войсках и уставах, воплощая суворовские принципы, фактически воскрешали русско-православные святыни. Сравните «Сам погибай, а товарища выручай» с известным «Нет выше любви, если кто положит душу за други своя». И не было ненависти к иноплеменникам: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается!» — и интернационализм советский естественно сливался с русской идеей братства людей. И была гордость за русских, принявших на свои плечи всю тяжесть земную, и тост Сталина за великий русский народ. С одной стороны, в этой войне мы видим единство всех русско-православно-советских святынь, а с другой — и это лишь оттеняло свет русской идеи — человеко-бого-свято-ненавистничество по ту сторону добра и зла.²⁴

Победа СССР в Великой Отечественной Войне, связанные с ней сдвиги в общественном сознании и исторической памяти, в политическом мышлении и военной стратегии положили конец игнорированию вопросов *геополитики*, что вызвало необходимость рассмотреть *геополитический аспект* Победы. Как считает В.В.Денисов, без геополитического подхода невозможно вскрыть глубинный объективно-исторический смысл нападения Германии на СССР в 1941 году, так же как и некоторые другие агрессивные действия западных держав против России в прошлые века. Нельзя согласиться с утверждениями, что геополитический фактор сам по себе предопределяет во всех случаях неизбежность военных столкновений, автоматически приводит к развязыванию войн. Он создает не абсолютную необходимость,

а лишь предпосылку, вероятную возможность при определенных условиях проявлений агрессивности. Хотя эта возможность, как свидетельствует история, часто превращалась в реальность, оборачивалась для России трагическими катаклизмами.²⁵

Геополитическое положение России, сложившееся в ходе ее многовековой истории, определяется объективными условиями и специфическими особенностями. Российское государство раскинулось на огромной территории двух континентов — европейском и азиатском, ее геополитическая граница на Западе проходит от Ледовитого океана до Черного моря, образуя своеобразный субконтинент, определяемый термином Евразия. Россия является как бы промежуточной зоной между собственно западной Европой и Азией. Она обладает разнообразными и уникальными природными богатствами, обширными человеческими ресурсами. Российские земельные и лесные массивы по своему объему и качеству не имеют аналогов, как и ископаемые ее недр. Все это, с одной стороны, издревле делало Россию притягательным объектом агрессивных поползновений и захватнических нашествий других государств, стремящихся расширить за ее счет свои территории и поживиться ее богатствами. С другой — она неизменно вызывала их опасения, порождала страх своей мощью и гигантскими размерами, загадочностью и необычностью своего национального характера, проявлениями необычайной выносливости и стойкости. Сложилось мнение о «византийском коварстве» и «природной воинственности» россиян, их якобы неизменных экспансионистских устремлениях. Этот миф до сих пор имеет широкое распространение и носит устойчивый характер, несмотря на происшедшие за последние годы изменения в международной политике и в отношениях России с западными странами.

Руководители нацистской Германии открыто провозглашали геополитические цели похода на Восток, результатом которого, как они считали, должно стать превращение России в «рабский придаток Европы», где немецкая нация будет господствующей. Как заявлял Альфред Розенберг, назначенный министром «по делам восточных территорий», «мы должны решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления... Война имеет целью оградить и продвинуть далеко на Восток сущность Европы. Речь идет о вечной борьбе германцев, о признании их права господствовать на Востоке».²⁶ Не оставляет сомнений о геополитической направленности развязанной Гитлером войны против СССР и его собственное заявление: «Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев. Наша задача состоит в том, чтобы отодвинуть эту границу возможно дальше на Восток».²⁷

Показательно в этом отношении и содержание составленного в 1940 году секретного плана «ОСТ» германского Генштаба, где говорилось: «Речь идет не только о разгроме большевистского государства. Достижение этой цели не означало бы полного решения проблемы... Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ... покончить навсегда с варварской Россией, с азиатской угрозой европейской культуре».²⁸

В указанных высказываниях фашистских политиков и генералов нашел свое отражение сложившийся веками в западном обществе образ России как геополитического соперника и извечного противника. Но если обратиться к исторической действительности, то она убедительно опровергает миф об агрессивной политике России против Запада. Не Россия нападала на Швецию, Польшу, Францию, Германию, а они нападали на Россию, и неоднократно. Когда же русские войска

вступали на территорию европейских государств, то это происходило не для завоевательных целей, а лишь как законное отражение именно их агрессивных действий. Так было в 1760 и в 1813 годах, когда русские вступали в Берлин, и в 1814 году, когда русские оказались в Париже в результате разгрома наполеоновской армии. Так было и в 1945 году, когда был взят Берлин и русский солдат водрузил советский флаг над Рейхстагом.

Об отсутствии агрессивных наклонностей в характере русского народа в свое время писал еще Н.Данилевский, опровергая ничем не обоснованные высказывания на этот счет некоторых западных деятелей. «Славянские народы самой природой избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удается только перемешать из одной формы деятельности в другую... Можно еще указать на чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу. Тот же характер имеет и вся внешняя политика России, также нередко в ущерб России». ²⁹ А вот западные государства с древнейших времен вторгались на российскую территорию именно с целью захвата, стремились поработить и уничтожить ее население. И эта *геополитическая* закономерность прослеживается в течение многих веков. Вот что пишет по этому поводу Арнольд Тойнби: «На Западе бытует понятие, что Россия - это агрессор... в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо. Верно, что русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроника вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражает, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада - агрессорами. Русские навлекали на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации». ³⁰ Запад, заключает А.Тойнби свой анализ этой проблемы, традиционно испытывает своего рода иррациональный страх перед могущественной и таинственной страной, которая не укладывается в общепринятые рамки западного мышления и бытия, не позволяет подчинить себя и ценой любых жертв отстаивает свою независимость.

Актуальной проблемой науки по-прежнему остаётся исследование *морально-нравственных основ*, обеспечивающих победу над врагом в современной войне. Исторический процесс для этого дает новые и новые факты, так как война остается до сих пор атрибутом общества и как социальное явление существует. Однако опыт прошлых войн, особенно мировых, привлекает пристальное внимание ученых. Требуется дальнейшего исследования и освободительный характер морально-нравственных основ победы СССР над фашистской Германией.

Как вспоминает немецкий генерал Эрхард Раус, «недооценка русского солдата и Красной Армии стала серьезнейшей ошибкой германского командования... Разница между Российской императорской армией в годы Первой Мировой войны и Красной Армией даже в самые первые дни германского вторжения была просто колоссальной. Если в прошлой войне русская армия сражалась как более или менее аморфная масса, малоподвижная, лишенная индивидуальностей, духовный подъем, вызванный идеями коммунизма, начал сказываться уже летом 1941 года... Силой, которая вызвала все эти перемены, был коммунизм, или, более точно, духовное пробуждение народа, которым руководило жестко централизованное государство... Русский не был активным коммунистом или политическим фанатиком. Однако мы

должны отметить принципиальное изменение — он стал сознательным человеком, который всегда сражался за свою Родину и лишь в редких случаях — во имя политической идеи». ³¹ Последнее время активно насаждается мнение, что русским солдатом руководил страх перед властью комиссаров, перед расстрелом за отступление и штрафным подразделением. Э. Раус с этим не согласен: «Солдат, действия которого мотивированы исключительно страхом, никогда не проявит тех несравненных боевых качеств, которые демонстрировали русские солдаты». ³²

Справедливый, освободительный характер войны со стороны СССР объективно обусловил его нравственное превосходство над противником.

Нравственные основы победы — это сложное сочетание идей добра, представлений о справедливых целях и характере войны, а также настроений и чувств людей, возникающих на фронте и в тылу, в ходе подготовки и ведения боевых действий. ³³

Раскрывая содержание понятия «нравственное превосходство», И.В.Демидов отмечает, что его основу составляют такие существенные признаки, как более широкие социальные возможности формирования высокого нравственного потенциала по сравнению с противником; качественно иное состояние уже имеющихся нравственных сил, чем у противника; наличие условий и факторов более полной реализации в войне совокупных нравственных сил общества; готовность и способность советских людей перенести любые испытания и тяготы войны и не утратить воли к победе над врагом и др. ³⁴

Объем понятия «нравственное превосходство» составляют сравнительные нравственные характеристики советских людей и противника: нравственное превосходство на фронте и в тылу; нравственное превосходство в различные периоды войны.

Обобщая, следует отметить: нравственное превосходство над противником — это совокупность существенных показателей нравственного сознания и поведения советских людей, воинов армии и флота, проявившихся в качестве важнейшего фактора победы СССР в Великой Отечественной войне.

Для уяснения сущности *морального фактора* и последующего его рассмотрения в свете опыта Великой Отечественной войны важное значение имеет само определение морального фактора и вычленение составляющих его элементов.

Под *моральным фактором* в широком смысле слова понимаются те внутренние побуждения, те нормы поведения, которые определяют практическую деятельность народа и армии в тылу и на фронте, их волю к борьбе, готовность выполнить до конца все, что необходимо для победы над врагом, а в мирных условиях всемерно укреплять могущество своей Родины.

В.А.Стрельников отмечает, что основу морального фактора составляет моральный дух армии — это сложное сочетание идей, представлений о целях и характере войны, а также настроений и чувств военнослужащих, возникающих в ходе подготовки и ведения боевых действий. Высокий моральный дух выражается в несокрушимой воле и уверенности народа и армии в победе над врагом, в их стойкости, мужестве, массовом героизме, способности преодолеть все тяготы войны, дисциплинированности. ³⁵

Моральный дух армии, проявляющийся в реальной боевой обстановке, становится важным фактором (от лат. *factor* — действующий) достижения победы, или моральным фактором. На это следует обратить внимание, ибо одной готовности вести боевые действия недостаточно — необходимо еще умение и искусство превратить ее в реальную силу.

Этические, морально-нравственные аспекты Победы неразрывно связаны с

такими явлениями, как добро и зло. Победа в этом отношении есть торжество добра в преодолении той беды, которую несёт зло. Поэтому победа и зло не могут совмещаться, как не могут совмещаться добро и беда.³⁶ Своё воплощение добро находит в мировоззрении людей, общества в целом, относящихся с любовью к своей Родине, пронизанных духом человеколюбия, гуманизма, форм поведения и действий, основанных на уважении к жизни человека, его правам и достоинству, с одной стороны, ненависти к захватчикам, поработителям, - с другой. Это всё то, что способствует прогрессивному развитию общества, освобождению народов от угнетения иноземными поработителями, от национального и расового гнёта, от различных форм колониализма, от ужасов несправедливой, захватнической войны. Формируются взгляды и на зло — агрессию и агрессоров, на захваты чужих земель и захватчиков, на порабощение других народов, что стимулирует глубокое осознание добра - всего того, что борется ради искоренения зла, ради победы над ним.

Таким образом, морально-нравственный и этический фактор в войне сыграл чрезвычайно важную роль. Верно сказал М. А. Шолохов: «Воюют-то не просто народы, армии, солдаты и генералы. Сражаются идеи. Превосходство и духовная зрелость советского воина были несомненны даже в самые трудные первые дни войны».³⁷

Опыт мировых войн и особенно Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии со всей силой подтвердил правильность вывода о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства были способны выдержать испытания войны, которые оказывались сильнее своего противника по прочности тыла, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа и армии на всем протяжении войны. Именно таким показало себя в годы Великой Отечественной войны наше государство.

Великая Отечественная война полностью подтвердила также правильность вывода военной науки о том, что современные войны ведутся не только армиями, но и народами в целом. От воли народных масс к победе, от активности их в вооруженной борьбе на фронте, от трудового энтузиазма в тылу зависит ход и исход войны.

Нельзя забыть, что Советская Победа есть образ победы как преодоления самой страшной и невиданной до этого беды. Но, спасая себя от этой беды, Россия рассчитывала, по мнению Ф. Рузвельта, спасти от нацизма и весь мир³⁸. Рассчитывала и спасла. И от фашизма как концентрированного выражения агрессии Мирового Капитала, и от фашизма как концентрированного выражения антихристианской сути неоязычества третьего рейха. Но именно это и ставится сейчас под сомнение, а саму Россию отождествляют с гитлеровской Германией, ставя знак равенства между русским коммунизмом и немецким фашизмом.

Говоря о Великой Победе в Великой Отечественной войне и освободительной миссии Советского Союза, С. А. Тюшкевич отмечает: «Носителем освободительной миссии были все народы Советского Союза. Во время войны они особенно остро почувствовали свое единство, связь времен, неразрывность больших и малых народов. Они стали единым целым... Никому не дано забыть, что самим своим существованием, своей свободой люди нашего времени обязаны Советскому государству, его Вооруженным Силам, выполнившим великую освободительную миссию во Второй мировой войне. Память об этом побуждает как зеницу ока беречь плоды Великой Победы».³⁹

Как отмечает И.Г.Герасимов, социальный опыт народов — хозяйственный, организационный, духовно-нравственный, военный — формируется исторически

при решении главных национально-государственных задач. Они требуют участия всех слоев народа, а не только тех или иных классов. Пренебрежение историческим опытом их решения, а тем более сознательное его разрушение часто ведет к непоправимым последствиям. С народами, потерявшими этот опыт, можно проводить любые опасные эксперименты: подавлять его чувство национального достоинства, разделять, растлевать, терроризировать, натравливать одни поколения на другие, детей на отцов - и таким образом отвлекать его внимание от своих собственных национально - государственных интересов, от укрепления своих сил и возможностей среди других народов.⁴⁰

Победа советского народа и его вооружённых сил над фашистской Германией доказала его право укреплять и развивать основы нашей общей цивилизации, гуманистической и справедливой по своему жизнеустройству. Как считает С.И.Гончарук, в этом и состоит созидательная функция Победы, подтвердившей превосходство и жизнённость советского общества и государственного строя.⁴¹

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Философский словарь. – М., 1986. – С. 157.
2. Военная энциклопедия. – М., 2002. – Т.6. С. 413-414.
3. История Второй мировой войны. 1939-1945. В Т.12. – Т.12. С. 157.
4. Тимошев Р.М. Освобождение как условие и функция победы в войне // Философия освобождения. – М., 2005. – С.54-55.
5. История Второй мировой войны. 1939-1945. В 12 т. – Т.12. С. 27.
6. Там же.
7. Гончарук С.И. Исторические судьбы многонационального государства СССР и созидательная роль Победы // Созидательная роль Великой Победы. – М., 2000. – С.66.
8. Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. – М., 2005. – С.42.
9. История Второй мировой войны. 1939-1945. в 12 тт. – Т.12. С. 52.
10. История Второй мировой войны. 1939-1945. в 12 тт. – Т.12. С. 143.
11. Там же. – С.146.
12. Там же. – С.166.
13. Там же. – С.132.
14. История Второй мировой войны. 1939-1945. в 12 тт. – Т.12. С. 132.
15. Цит. по: История Второй мировой войны. 1939-1945. в 12 тт. – Т.1. С. 77.
16. Цит. по: М. Winock. Le fascisme, c'est la guerre!. L'HISTOIRE. №235 SEPTEMBRE. 1999. – P. 55.
17. История Второй мировой войны. 1939-1945. в 12 тт. – Т.12. С. 136.
18. Герасимов И.Г. Стратегия укрепления национально-государственных предпосылок победы // Созидательная роль Великой Победы. – М., 2000. – С.30.
19. Бенедиктов Н.А. Русские святые. – М., 2003. – С.138.
20. Зубков С.В. Оккультная магия Третьего рейха. – М., 2003. – С. 6.
21. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. – СПб., 1993. – С.225.
22. Бенедиктов Н.А. Русские святые. – М., 2003. – С.138.
23. Митр. Вениамин (Федченков). Указ. соч. – С. 395.
24. Бенедиктов Н.А. Русские святые. – М., 2003. – С.139.
25. Денисов В.В. Геополитический фактор в исторических судьбах России // Созидательная роль Великой Победы. – М., 2000. – С.41.

-
-
26. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). – М., 1963. – С. 391.
 27. Цит. по: Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века// Наш современник. 1998. № 10. – С. 146.
 28. Другая война. – М., 1996. – С. 363.
 29. См.: Россия молодая. – М., 1999. – С. 3.
 30. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996. – С. 106-107.
 31. Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. – М., 2005. – С.40.
 32. Там же. – С.41
 33. Демидов И.В.. Нравственно-освободительные основы победы СССР над фашистской Германией // Философия освобождения. – М., 2005. – С.181.
 34. Демидов И.В. Нравственное превосходство над врагом – важный духовный фактор победы СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945гг.) // Духовный потенциал Великой Победы и современный патриотизм. – М., 2003. – С.50-51.
 35. Стрельников В.А.. Моральный фактор в Великой Отечественной войне и современность// Духовный потенциал Великой Победы и современный патриотизм. – М., 2003. – С.40.
 36. Курочко М.М. Образцы победы в культурно-историческом пространстве России // Философия освобождения. – М., 2005. – С.216.
 37. Цит. по: Жилин П.А. О войне и военной истории. – М.,1984. – С.266.
 38. За рубежом. № 19. 1970. – С. 5-6.
 39. Тюшкевич С. А. Спасая себя, Россия рассчитывает спасти весь от нацизма // Военно-исторический журнал. № 5. 2005. – С. 5.
 40. Герасимов И.Г. Стратегия укрепления национально-государственных предпосылок победы // Созидательная роль Великой Победы. М., 2000. – С.15
 41. Гончарук С.И. Исторические судьбы многонационального государства СССР и созидательная роль Победы // Созидательная роль Великой Победы. – М., 2000. – С.15

Le rësumë de l'artikle "L'idüologie de la Grande Victoire".

L'auteur: Samonlinko Vitali, le lieutenant-colonel, le chef-professeur de la chaire de la tactique de l'institut militaire d'aviation de Voronej, le postulant au grade de candidat us sciences philosophiques a la chaire de la philosophie et de la religion de l'universitü militaire.

Dans cet article l'auteur analyse la victoire comme le phünomune nom seulement militaire et politique mais comme le phünomune d'esprit. Ce phünomune d'esprit a plusieurs aspects. L'auteur expose en details le contenu des principaux aspects de ce phünomune: historiqui, d'ütat et politique, üconomique, idüologique, güopolitique, moral et üthique.

La guerre est l'üpreuve de la situation üconomique et des forces morales des peuples belligürants. L'Union Soviütique a remportü la victoire grøce a l'üconomie düveloppüe, a l'art militaire, a l'esprit combatif, a l'unitü de l'armüe et du peuple.

Специфика влияния власти на иерархию культурных ценностей

Властные отношения являются неотъемлемым компонентом социальных институтов и сопровождают повседневную человеческую деятельность. В современной философии власть рассматривается как специфическая сторона человеческих отношений, проявляемая во всех сферах общественного взаимодействия: семейной, религиозной, экономической, политической и других. Но в любых случаях основной характеристикой властных отношений является неравное положение субъектов и возможность воздействия одного субъекта на сознание и поведение другого. Как социальный феномен власть функционирует в определенной культурной среде, затрагивает особенности человеческого сознания и включена в картину мира народа. Рассмотрение вопроса взаимодействия культуры и власти в современной научной и философской литературе происходит преимущественно в ракурсе особенностей культуры осуществления власти, влияния институтов власти на культурную сферу жизнедеятельности общества в конкретной исторической ситуации.

С одной стороны, культура задает условия властной активности, подразумевая весь спектр общественных связей и отношений, стиль гражданского поведения, способность к диалогу и т. п. Реализация властной функции культуры видится в совокупности рождаемых ею стереотипов восприятия мира, понятийно-категориальных и знаково-символических средств, которые в свою очередь реализуются в ценностно-нормативных установках, технологиях деятельности (7, с. 463). Изначально культура связана с властным импульсом; проявления культуры служат реализацией потенциала самоутверждения их создателей, способны существенно влиять на ход исторических событий (6, с. 5). С другой стороны, сами способы властвования находятся в зависимости от культурной среды, в которой они используются, у них существуют мощные культурные основания в виде традиций, норм, стереотипов поведения (8, с. 126).

Наиболее ярким культурным выражением власти является ее легитимность, которая вне легальных оснований подтверждает возможность властвования со стороны объектов власти. Ее смысл в принятии власти населением, в признании ее права управлять, в согласии ей подчиняться. Легитимность можно назвать универсальным феноменом, но проявляющимся наиболее четко в функционировании публичной власти. Процесс легитимации власти предполагает ее «встроенность в культуру», которая может как принимать, так и отторгать ту или иную систему власти (8, с. 8).

Так как власть проявляется в различных сферах общественного взаимодействия, то ее культурная легитимация происходит в специфических формах общественного сознания: правовом, экономическом, религиозном, политическом, обыденном общественном сознании вообще. В частности, легитимация государственной власти (как наиболее распространенной формы публичной власти) находит свое отражение в политическом сознании.

Как могущественный феномен общественной жизни власть способна при определенных обстоятельствах разрушить или сильно изменить ее экономические, социальные, культурные и духовные основы. Элементы общественного сознания находятся в постоянной взаимозависимости с проявлениями властных отношений, одновременно порождая их и являясь их продуктом. Процесс взаимодействия властных институтов и социума, таким образом, имеет результатом изменение структуры общественного сознания. Ее базовым компонентом является система ценностей

как основа социального поведения. Принятие или непринятие обществом навязываемых ценностей и установок формирует дальнейшие стратегии власти по формированию моделей социального мышления и поведения.

Властные отношения характеризуются наличием двух начал: коммуникативного и деятельностного. Они следуют из отношений субъектов, диалогичности властных отношений и самого процесса реализации властных функций, предполагающего деятельность по изменению сознания и поведения. Оба этих аспекта есть суть характера власти как общественного явления. Власть как культурный феномен сопряжена с деятельностью субъекта во взаимосвязи с другими людьми (7, с. 460). Определение власти через отношения субъектов, диалогичность процесса реализации власти связывает ее с феноменом коммуникации. В современной социальной философии власть рассматривается как важнейший элемент коммуникации современного общества, и сам анализ понятий власти строится на основе теории коммуникации, или «коммуникативных действий». Именно на таком подходе к рассмотрению феномена властных отношений строятся концепции М. Фуко, Ю. Хабермаса, Х. Арндт.

Одним из ключевых тезисов современных концепций является подход к власти как коллективному феномену, как к явлению общества, неразрывно связанному с совместными действиями людей. Власть, по Арндт, соответствует человеческой способности не только действовать, а действовать в согласии с другими людьми: «единственно чисто материальная, непреходящая предпосылка создания власти есть сама совместность людей (2, с. 266.). Т. Парсонс ассоциирует власть с так называемыми «коллективными целями»: если власть логически не связана с реализацией частных интересов, не связана она и с претворением в жизнь коллективных интересов и целей» (5, с. 355).

Наличие таких коллективных интересов и целей и способность человека к совместным действиям предполагает единую ценностную базу. В каждом социуме складывается некоторая система ценностей, отражающая его самобытность и представляющая ядро культурного развития общества. Эта система формируется в виде иерархии, предполагающей нарастание значимости ценностей. Иерархия ценностей культуры является устойчивым образованием, которое формируется и функционирует длительный период времени, но и она подвергается изменениям, особенно в кризисные периоды развития общества. Большую роль в этих изменениях играют действия субъектов властных отношений. Власть, будучи мощной социальной силой, сама выполняет важную культуротворческую роль (1, с. 19). Эта ее роль будет проявляться в формировании иерархии ценностей как базовых элементов культуры.

Действия властного механизма инициируются и разворачиваются во вполне ощутимой ценностной среде. Это предопределено тем, что власть, при всей противоречивости и многообразии своих проявлений, выступает в качестве фактора внесения целенаправленности в общественную жизнь. Культура есть прежде всего совокупность ценностей, их освоение, именно опора на них обеспечивает управленческую эффективность и социальную приемлемость действий властного механизма. Власть, таким образом, это наиболее естественная для общества, определенная самой природой человека форма распределения ценностей. Быть нейтральной или независимой от обратного воздействия своего объекта она не может (8, с. 126).

На наш взгляд, анализ современных направлений философских исследований феномена власти, позволяет выделить следующие основные механизмы властного воздействия на формирование и изменение иерархии культурных ценностей: идеологический, формирующий стереотипы поведения, дискурсивный.

Идеологический механизм подразумевает содержательную основу взаимодействия власти и общества и проявляется прежде всего в формировании определенной идеологической программы функционирования социума. Этот путь можно назвать даже основным инструментом создания и изменения ценностей культуры в определенном обществе. Сами политико-идеологические программы явно или латентно предполагают опору на определенный вариант культурной ориентации, именно в них находит свое средоточие культурная детерминация политики (6, с. 9). Э. Гидденс пишет, что власть государственная почти всегда сопровождается идеологией, которая используется для оправдания действий власть имущих (4, с. 372). По Френду, политическая власть непосредственно связана с идеологической регуляцией и организацией общества. Идеологическое бытие власти в политической истории всегда имело первостепенное значение, вплоть до официальной идеологизации власти. Идеологическое оправдание – сложное и тонкое, но по-своему высокоэффективное средство, обеспечивающее существование власти (10, с. 53-54).

В самом общем виде, идеология – достаточно систематизированная совокупность взглядов, мировоззренческих ориентаций, существенным признаком которой является тесная связь с интересами тех или иных социальных групп.

Говоря о ценностях культуры, целесообразно отметить роль идеологии в формировании политических ценностей общества. Каждое идейно-политическое течение предлагает свою особенную систему политических ценностей и идеалов. Причем идеология направлена не на индивидуум, а на социальную группу. По силе воздействия и значению для общественных отношений идеология сравнивается с религией. Таким образом, очевидна определяющая роль политической идеологии в формировании определенных политических ценностей и установок.

Если рассматривать идеологию как рациональное обоснование групповых интересов, то она становится важным каналом связи гражданского общества и государства, теоретического и обыденного мировосприятия, цивилизационных и собственно культурных форм развития. Идеологию можно назвать базой для культурной легитимации власти. Здесь также важна функция идеологии по созданию общественных идеалов, которые и являются базой для такой культурной легитимности функционирования власти.

Воздействие идеологии на ценностное сознание общества проявляется в основном на уровне политической власти. М. Фуко называет власть политической, идеологическую крупными формами власти в строгом смысле этого термина (11, с. 211). И в этом процессе оказываются задействованы механизмы взаимодействия индивидуального и общественного сознания.

В современной ситуации процесс взаимодействия индивидуального и общественного сознания оказывается более сложным для изучения. Мы видим две причины такой ситуации. Первой причиной является развитие многочисленных средств массовой коммуникации, то есть общение членов коллектива как главная форма влияния коллективного сознания на индивидуальное проявляется в разнообразных формах. Эти виды коммуникации воздействуют практически на все компоненты сознания и подсознание. Вторая причина состоит в плюрализме мнений и многообразии политических сил и, соответственно, источников формирования социальных ценностей и установок. При этом остаются элементы пропаганды как основного инструмента формирования социальных ценностей и установок и внедрения их в сознание индивидов.

Второй выявленный нами способ властной генерации системы культурных

ценностей представляет собой создания неких моделей поведения, являющихся образцами для соответствующих установок поведения в обществе. Можно сказать, что роль власти в формировании определенной системы ценностей проявляется в типе сформированных механизмов, в культуре осуществления процесса управления. Именно управление называется основной сущностной и функциональной характеристикой властного воздействия. «Власть принадлежит не столько к порядку столкновения двух противников или к обязательствам одного по отношению к другому, сколько к порядку управления» (11, с. 181).

Характерной чертой отношений власти является возможность воздействия на действия. Это подтверждает, что отношения власти глубоко укоренены в социальных связях, отношениях, социальном поведении. Как подчеркивает французский мыслитель М. Фуко, фактически отношения власти определяются образом действия, воздействующим на других не прямо и непосредственно, но через их действия (11, с. 180). Поведенческий аспект в осуществлении власти анализируется М. Фуко с точки зрения сущности самой власти: она есть множество воздействий на возможные действия, и термин «поведение» лучше других позволяет уловить все специфическое в отношениях власти.

М. Фуко называет свойство рациональности своеобразной политической ценностью, идеологией, навязанной «сверху». Под политической рациональностью он подразумевает именно особенности процесса управления как процесса контроля, которое не может не быть рациональным, поскольку основано на знании, на прагматических действиях и рациональных стратегиях (3, С. 150). По мнению французского философа, политическая рациональность навязывалась на протяжении всей истории западных обществ через «авторационализацию» власти, то есть причиной рациональности политических отношений оказывается сама власть с начала ее существования. Как пишет сам М. Фуко, для истории Запада важно изобретение систем господства, которым присуща крайняя рациональность: царит дисциплина и чрезвычайно рациональные техники господства (11, С. 73).

Роль процесса управления в воздействии на индивидуальное и общественное сознание показана М. Фуко в теории политической власти и власти пастырской. Он признает управление «одним из весьма многочисленных проявлений тонкого взаимного сочетания политической власти, осуществляемой над гражданскими субъектами, и власти пастырской, осуществляемой над всеми живыми индивидами» (11, С. 276).

Третий способ мы назвали дискурсивным в силу огромной роли речевых практик субъектов, обладающих властью, в процессе осуществления функций управления. Речевые практики и индивидуальный лексикон составляют языковой компонент деятельности субъекта власти. Как отмечается в работе (7, с. 464), язык не просто фиксирует реалии «жизненного мира» при помощи арсенала языковых средств, но и продуцирует таковые. В поле языка складываются отношения коммуницирующих субъектов к обсуждаемым реалиям. Зачастую в акте говорения коммуницирующие субъекты предлагают конкурирующие картины тех или иных предметных реалий, и в этом обстоятельстве высвечиваются властные функции языка.

Язык как основной инструмент процесса коммуникации именно в контексте коммуникативного действия рассматривается в философии XX в., прежде всего в концепции микрофизики власти М. Фуко и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. М. Фуко весьма глубоко исследовал проблему использования властью на различных уровнях возможностей языка. Властный дискурс предстает обусловленным совокупностью культурных особенностей данного общества. В произведе-

ниях французского философа властная функция дискурса раскрыта на материале европейской культуры Нового времени, заложившей основы современной ситуации. Вслед за разработкой проблемы дискурсивных формаций, задающих общую стилистику, отражающуюся в различных сферах культуры определенной эпохи, Фуко обратился к теме микрофизики власти. Знание как инструмент власти, на его взгляд, запечатлевается в различных дискурсивных практиках, санкционирующих несхожие формы социального принуждения и контроля в различных сегментах общественного организма (6, С. 361).

Особенности образа мышления субъекта власти, выраженные в его речевой практике, заключены прежде всего в его индивидуальном лексиконе. Объективация образа мышления человека, его внутреннего мира происходит в языке, а вернее в индивидуальных особенностях построения речи, в тех значениях, которые стоят для человека за определенными словами. Индивидуальный лексикон человека трактуется как «лексический компонент речевой организации индивида» и понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как «динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» (9, с. 154). Индивидуальный лексикон, таким образом, рассматривается как частный аспект объективно существующей языковой системы, непосредственным образом связанный с внутренним миром человека и социальными факторами формирования этого внутреннего мира. На наш взгляд, индивидуальный лексикон как динамическая система, включающая рациональные и аффективные компоненты, отражающая опыт жизнедеятельности человека в социуме, может оказываться наиболее точной формой выражения элементов общественного сознания, интериоризированных в сознании индивида.

Все указанные способы, используемые субъектами власти в отношении функционирования системы ценностей объектов власти, образуют определенные властные стратегии. Следовательно, под терминами «стратегий» можно обнаружить механизмы, используемые в отношениях власти (11, с. 188). В сфере деятельности публичной власти, необходимо отметить, что результатом применения этих стратегий становится единая, общепринятая система ценностей, предполагающая определенную унификацию ценностного сознания в обществе.

Учитывая воздействие стратегии публичной власти (как власти индивидуализирующей и тотализирующей) на индивидуальное и общественное сознание, кроме идеологии, выступающей в качестве теоретизированного общественного сознания, огромную роль играет общественная психология. Говоря о действиях публичной власти по созданию общественной системы ценностей, политическая сфера общественной психологии оказывается задействованной наибольшим образом. Содержание политико-психологической составляющей по-разному трактуется исследователями, что говорит о ее сложности и многоплановости, а также о недостаточной четкости соответствующей терминологии. Но общим для всех этих подходов является признание наличия иррациональных компонентов в политической психологии, высокой роли бессознательного в формировании политического сознания.

Реализация любых ценностных стратегий власти неизбежно предполагает исторический контекст и наличие уже сформированной определенной иерархии культурных ценностей. Представляется оптимальным учитывать этот фактор при анализе подобных действий власти в конкретном обществе. Этот исторический и культурный контекст включает своеобразные ценности, идеалы, традиции. В рас-

смаатриваемом нами деятельностном аспекте функционирования властных отношений и реализации властными субъектами своих стратегий именно традиции можно выделить как неизбежный фон культуротворческого процесса власти.

Бытие власти в рамках некоторого культурного пространства связано с ее соотнесенностью к соответствующей традиции. Культивирование некоторых ценностей, выдвижение целей, аффективные действия в определенных ситуациях обретают смысл на фоне следования власти конкретным традициям. Вообще успешность культуротворческой деятельности власти связывается с ресурсами культурных традиций в противовес революционным преобразованиям, поскольку «революционное по существу враждебно культуре, антикультурно» (1, с. 19).

Таким образом, как культурный феномен власть обладает мощной силой по воздействию на устойчивые по своей сути иерархии культурных ценностей. Как ценностной насыщенный феномен власть не может быть нейтральной и выполняет естественную функцию распределения ценностей. Сущностные основы функционирования власти включают коммуникативный и деятельностный аспекты. Именно они определяют формы влияния властных институтов на иерархии культурных ценностей – посредством сформированных коллективных целей, собственной деятельности и общения. Реализация ценностных стратегий власти происходит в рамках культурно-исторического контекста и сложившихся традиций. Результатом применения этих стратегий становится унификация ценностного сознания общества. В связи с этим можно сказать, что культуротворческая роль власти заключена в ее сущностном характере мощной силы, воздействующей на сознание и поведение людей, и проявляется в способности модифицировать ценностную структуру общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Александров В.Б. Культура власти // Культура и власть: Сб. н. тр./ Отв. ред. Б.Л. Губман. Тверь, 1999. С. 14 - 19.
2. Арендт Х. VITA ACTIVA, или о деятельной жизни. СПб., 2000.
3. Вишневский О.О. «Поздний Фуко»: Критика политической рациональности западных обществ // Вопросы философии. 2005. №1.
4. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл. М., 2005.
5. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.
6. Губман Б.Л. Культура и политика // Культура и политика: Сб. н. тр./ Отв. ред. Б.Л. Губман. Тверь, 1999. С. 3 – 13.
7. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М., 2005.
8. Демидов А.И. Ценностные измерения власти // ПОЛИС. 1996. №3. С. 121 – 128.
9. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1999.
10. Кравченко И.И. Власть и общество // Власть: очерки современной политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. М., 1989. С. 37-64.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М., 2006.

В статье К.В. Степановой анализируется сущность власти как мощной силы, способной формировать и изменять иерархию ценностей культуры. Основные механизмы воздействия власти реализуются через формирование идеологии, создание стереотипов поведения и дискурсивные практики. Важную роль играет диалог власти и общественного сознания в формировании ценностной основы жизнедеятельности общества.

In the article the author analyses the essence of power as a strong force able to form and modify the culture of the society the power realizes the main mechanisms of the influence through the forming of ideology, the creation of behaviour stereotypes and discourse practices. The dialogue of the power and the social consciousness play an important role in the forming of the society's value basis.

Трипольский В.Б.,

заместитель начальника отдела воспитательной работы
ГВКГ им. Н. Бурденко, соискатель кафедры философии и
религиоведения Военного университета (Москва)

К проблеме исследования духовно-нравственных качеств личности военного врача

Известный русский философ Л.П. Карсавин, размышляя о «качествовании субъекта», обращал внимание на следующее: прежде чем творить, заниматься каким-то делом, человек должен сформироваться мировоззренчески, то есть духовно-нравственно. Это является именно тем субъективным условием, при наличии которого личность способна к ответственной, полезной деятельности. Одной из причин заметных профессиональных успехов, например, видных государственных и политических деятелей или военных полководцев является возвышенность их идеологии и мировоззрения. Именно поэтому проблема исследования духовно-нравственных качеств личности военного врача, её духовной готовности к служению Родине и своему народу, выполнения профессионального долга по обеспечению здоровья личного состава армии и флота, морально-психологической устойчивости войск должна рассматриваться как важное звено модернизации Вооруженных Сил российского общества.

Необходимость обращения к данной проблеме также обусловлена и сугубо практическими обстоятельствами и, прежде всего, кризисом отечественного здравоохранения, в том числе и в военно-медицинской сфере. К сожалению, приходится констатировать факт того, что в условиях социально неориентированной рыночной экономики происходит размывание и разрушение традиционных профессиональных ценностей и мотивации деятельности врачей, деформация их нравственных качеств, убеждений и идеалов, выражающиеся в недобросовестном выполнении своего профессионального долга, вымогательстве взяток у пациентов, связи с преступным миром и т.д.

Военно-медицинское обеспечение военнослужащих и гражданского персонала армии и флота относится к тем видам профессиональной деятельности, где личностные качества специалиста во многом определяют успешность и эффективность работы. Поэтому в процессе деятельности военного врача происходит не только профессиональное становление, но и воспитание его как личности, развитие духовно-нравственных качеств, которые специалист должен проявлять в работе с людьми.

Сегодня военный врач поставлен перед нравственным выбором: готов ли он ежедневно сталкиваться с человеческим несчастьем и не ожесточиться при этом, готов ли он, несмотря на имеющиеся трудности, нести людям добро и вселять в них надежду. Вот почему необходимым становится духовно-нравственное регулирование деятельности военно-медицинского работника, выработка тех личностных качеств, которые помогут, несмотря на все встречающиеся в процессе труда сложности, принести радость и пользу и ему, и его пациентам, и обществу, и самой профессии.

Основой личности военного врача должна являться нравственность как внутреннее, духовное качество человека, его потребность поступать в соответствии с требованиями этики и морали, способность творить добро, приносить людям благо.

Нравственность военного врача, как представляется, включает в себя три необходимых компонента: а) *нравственные знания*; б) *нравственные убеждения* и в) *нравственную потребность*. Кратко рассмотрим их содержание.

Основы *нравственных знаний* в любых областях деятельности военный врач получает в процессе обучения в учебном заведении и на курсах повышения квалификации. Следует отметить, что знание норм морали еще не означает нравственности поведения, и поэтому необходимо признать, что относительно практики профессиональной деятельности знания сохраняют значительную самостоятельность: они могут не использоваться или использоваться частично в деятельности медработника. В этом случае приходится иметь дело с личностью так называемой «двойной морали», которая теоретически может прекрасно ориентироваться в вопросах нравственности, в том числе и профессиональной морали, но не считать для себя обязательным следовать ее требованиям. Формирование и развитие высокой нравственности, попытки сделать ее органичным, неотъемлемым свойством своей личности требуют от специалиста не только знаний, но и постоянной, в течение всей жизнедеятельности, работы над собой.

Нравственные убеждения — это базирующаяся на опыте и знаниях уверенность военного врача в справедливости требований профессиональной морали. Нравственные убеждения являются более высокой ступенью развития личности специалиста, поскольку основаны на глубокой и всесторонней оценке известных ей моральных норм, проверке их социальной практикой, жизненным и профессиональным опытом, их внутреннем одобрении и органичном приятии как единственно правильных и возможных. Нравственные убеждения требуют от военного врача умения взглянуть на свою деятельность с точки зрения интересов дела, выяснить соотношение между тем полезным, что он делает для общества и пациентов, и тем, что он обязан сделать. Нравственные убеждения определяют теоретическую и практическую подготовленность специалиста к профессиональной деятельности, являются основанием для его сознательного отношения к своему поведению и действиям на практике. Они участвуют в формировании волевых качеств личности и устойчивых форм морального реагирования на окружающую действительность.

Нравственная потребность — наивысшая степень нравственного сознания военного врача, которая характеризуется наличием моральной потребности в соблюдении требований профессиональной этики. Когда соблюдение требований профессиональной этики становится внутренней потребностью человека, он в соответствии с этическими принципами организует все свои волевые и эмоциональные качества, направляет усилия на решение этически сложных проблем именно с точки зрения нравственности. В этом случае соблюдение требований профессиональной этики становится устойчивым качеством личности, мощным фактором, мобилизующим ее для организации своего поведения и деятельности, делом долга и совести, чести и достоинства. Руководствуясь своими нравственными потребностями, специалист не может поступиться ими и совершить действия, с его точки зрения не отвечающие критериям добра и зла, но ситуативно обусловленные как необходимые.

Таким образом, нравственные знания, убеждения и потребности связаны с практической деятельностью, по-разному обуславливают ее. Они выступают основой формирования личностных качеств военного врача и характеризуют его как профессионала.

Личностные качества военного врача можно представить как систему общих, конкретных и специфических нравственных качеств¹.

Общие нравственные качества являются базовыми, а все последующие предельно их раскрывают. К общим нравственным качествам относятся: верность своему Отечеству, соблюдение лучших традиций своего народа; признание суверенности личности и неприкосновенности ее достоинства, вера в неиссякаемость человеческого добра; справедливость как объективная оценка личностно-деловых качеств людей и их деятельности; открытость к общению; самокритичность и др.

К *конкретным нравственным качествам* относят прежде всего гражданскую совесть (обостренное чувство личной ответственности); нравственную волю (умение завоевывать уважение людей, развитый самоконтроль); честность (деловая требовательность, самоотдача в работе, умение говорить правду в глаза); коллективизм (социальная организованность); самообладание (умение переносить личные неприятности и служебные неудачи); принципиальность (последовательность в соблюдении своих нравственных позиций).

Специфические нравственные качества – это трудолюбие (увлеченность работой); скромность (разумное использование власти, критическое отношение к своим заслугам и недостаткам); ответственность (единство слова и дела, бескорыстность в оказании помощи людям); великодушные (терпимость к недостаткам людей, умение прощать обиды, не быть злопамятным).

Система нравственных качеств выступают той духовной опорой, которая помогает формированию и развитию духовно-нравственного портрета военного врача. Стабильность и содержательность духовно-нравственных качеств определяют его нравственное здоровье, характер действий в условиях морального выбора. Кратко остановимся на специфике некоторых из них, наиболее полно раскрывающих ценность деятельности военного врача.

Честность – необходимое качество для личности врача. Он должен говорить правду о положении пациента, о возможности решить его проблемы, о тех затруднениях, которые встречаются в работе, о совершенных ошибках. Однако честность должна проявляться не только на словах – честным надо быть на деле. Врач не имеет права обмануть ожидания человека, если сам дал ему повод к ним, связал себя обещанием помочь. Если по объективным причинам врач не уверен в желаемом исходе деятельности, он должен сообщить о своих сомнениях пациенту, чтобы не породить несбыточных надежд и не вызывать впоследствии нареканий в свой адрес. Однако если он, продумав план действий, дал слово больному или нуждающемуся в медицинской помощи, то должен его держать.

Тактичность – это качество предполагает умение военного врача предвидеть все объективные последствия своих поступков или действий и их субъективное восприятие пациентом, коллегами и другими людьми. Тактичность как качество личности врача необходима ввиду того, что его поведение всегда требует одновременного соблюдения множества нравственных правил, которые могут противоречить друг другу. Учет всех возможных обстоятельств, ведущих к нежелательным последствиям, мера полезности конкретных поступков и действий специалиста детерминируются профессиональным тактом медработника, выработанным на основе тактичности как личностного качества. Умение выстроить свои действия таким образом, чтобы не поставить невольно кого-либо в неловкое положение, не задеть самолюбие личности, не унижить ее, достигается путем всесторонней оценки противоречивой ситуации, а также тенденций и динамики ее развития. Врачу в силу профессиональной специфики приходится иметь дело с людьми слабыми, больными, униженными, раздраженными, чье самолюбие уже в достаточной мере задето теми обстоятельствами,

в которых они находятся. Поэтому соблюдение тактичности особенно необходимо в работе специалиста.

Совесть военного врача проявляется как чувство моральной ответственности за свое поведение, потребность поступать в соответствии со своими личными представлениями о добре, благе и справедливости и содержит в себе как рациональные, так и эмоциональные компоненты. Совесть как качество личности является индивидуализированной формой отражения требований к ней общества и профессиональной группы. Совесть выполняет функцию регулятора поведения, побуждая человека к творческим поискам решения и предостерегая его от чисто формального подхода к выполнению моральных и профессиональных норм. Когда ситуация (совокупность условий внешних по отношению к личности или внутренних) оказывается достаточно сложной или нестандартной, совесть индивида подсказывает ему верное решение.

Справедливость должна постоянно присутствовать во взаимоотношениях врача, пациентами, их близкими и коллегами. Военный врач может иметь свои симпатии и антипатии, но они не должны сказываться на качестве его работы с различными людьми; какие бы чувства пациент ни вызывал у врача, отношение к нему всегда должно быть ровным, доброжелательным и внимательным, а его проблемы должны оцениваться адекватно. Симпатичен больной военному врачу или вызывает антипатию — это не должно отразиться на количестве и качестве тех благ и услуг, которые пациенту необходимо предоставить. Справедливость должна проявляться и по отношению к коллегам: каждое действие коллеги должно получать справедливую оценку, без преувеличения или преуменьшения его заслуг или недостатков, с учетом как объективных, так и субъективных факторов. Воплощение на практике принципа справедливости предохраняет военного врача от отчуждения и от пациента, и от коллегтива.

Терпимость — обязательный принцип во взаимоотношениях военного врача с больными и непрременное качество его личности. Врач должен быть терпимым, если стремится достигнуть соглашения со своим пациентом. Терпимость — моральное качество, характеризующее уважительное отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей. Терпимость военного врача основывается на устойчивом навыке принимать человека таким, каков он есть, на признании его права быть самим собой, иметь собственные привычки, взгляды, убеждения, вести тот образ жизни, который он считает целесообразным, если это не имеет характера уголовно наказуемой или иной социально опасной деятельности. Терпимость не означает, однако, одобрения врачом тех негативных идей или действий пациента, которые могут оказать отрицательное влияние на его жизнедеятельность, его ближайшее окружение или общество в целом.

Сила воли всегда необходима военному врачу в его практической деятельности. Сознательная волевая нацеленность на выполнение объективно необходимых действий, способность не отступать перед препятствиями, возникающими в процессе деятельности, и доводить начатое дело до конца являются качествами, развивающимися в результате накопления опыта работы и осознания своего профессионального долга, преодоления самого себя, своей слабости.

Сила воли необходима врачу не только для того, чтобы преодолеть себя, но и для того, чтобы преодолеть пассивность пациента, обусловленную его неуверенностью в себе, разочарованностью в своих силах и возможностях, сложившимся в его сознании мнении о себе как о безнадежном человеке, неспособном успешно фун-

кционировать в социуме. Именно сила воли врача может заставить пациента вновь поверить в себя, справиться со слабостью и неверием в собственные силы, активно подключиться к деятельности и тем самым повысить свой личностный потенциал и социальную активность.

Внимательность и наблюдательность необходимы военному врачу в его повседневной практической деятельности. Работая с пациентом, он обязан обращать внимание на малейшие изменения в его настрое, как положительные, так и отрицательные. Хороший специалист всегда может заметить неуверенность и колебания больного, его растерянность, угнетенность, наконец, плохое самочувствие или несогласие с предлагаемым решением, даже если по каким-либо причинам возражения не высказаны вслух. Наблюдательность и внимательность врача дадут ему в данном случае возможность, не упуская времени, доказать свою правоту, более веско аргументируя предложения, подбодрить пациента, поддержать его.

Доброта военного врача, основанная на гуманизме и любви к людям, имеет специфическое содержание: она деятельна. Она воплощается в заботе о человеке, создании благоприятных условий для его жизнедеятельности, положительного эмоционального настроения, в обучении пациента необходимым для него навыкам и действиям, в умении вовремя оказать помощь. Военный врач должен быть не добреньким, жалеющим пациентов и потакающим их слабостям, а добрым, то есть способным учить больных противостоять негативным явлениям, преодолевать трудности, быть ответственным за свою судьбу и судьбы близких. Доброта врача обязывает его говорить пациенту даже неприятную правду, если это необходимо для его блага.

Оптимизм. Военно-врачебная деятельность является одной из самых трудных профессий, поскольку врач, где бы он ни работал, чаще всего видит людей несчастных, обездоленных, обремененных множеством проблем. И он знает, что далеко не все проблемы можно разрешить, как по объективным причинам, так и по субъективным. Вместе с тем военный врач несет людям помощь, хотя бы частичное облегчение их страданий, а следовательно, и добро, — и это обстоятельство служит источником его оптимизма. Специалисту, постоянно наблюдающему вокруг себя человеческие страдания, трудно сохранять оптимизм, веру в справедливость и торжество добра, однако это необходимо, так как, помимо материальной, бытовой и любой другой помощи, врач должен нести людям радость, надежду и веру в лучшее, а это невозможно осуществить, если у него самого нет ни веры, ни надежды. Социальный оптимизм военного врача имеет в качестве источника убежденность в возможности осуществления социальной справедливости, способности человека к постоянной помощи и поддержке. Отсутствие оптимизма у врача не только «заражает» пациента безысходностью, но и делает нецелесообразными всякие попытки изменить положение к лучшему, то есть лечение становится бессмысленной тратой времени и средств. С учетом того обстоятельства, что от настроения военного врача во многом зависит и самочувствие пациента, оптимизм может считаться одной из основных черт личности специалиста.

Эмпатия (от греч. *empathia* — сопереживание) — постижение эмоционального состояния другого человека в форме сопереживания, сочувствия, умение поставить себя на место другого. Способность к эмпатии в форме сопереживания и сочувствия является необходимой чертой личности военного врача и во многом определяется его умением поставить себя на место пациента. Это качество развивается по мере накопления медработником жизненного и профессионального опыта.

Как показывает практика, люди, обращаясь за помощью к врачу, в первую очередь ищут сочувствия, сострадания, сопереживания и помощи. И уже при пер-

вой встрече со своим пациентом военный врач вольно или невольно демонстрирует свои способности сопереживать чужому горю. Никакое вежливое внимание не сможет обмануть больного, он интуитивно почувствует равнодушие и фальшь, которые ранят его. Подлинное сочувствие и сострадание всегда будут оценены пациентом. Результаты многочисленных исследований говорят о том, что наибольшим успехом у них пользуется тот врач, который не только профессионально выполняет свои обязанности, но и всегда готов выслушать и посочувствовать им.

Стремление к самосовершенствованию должно проявляться в постоянном стремлении специалиста к профессиональному росту, приобретению практического опыта, навыков, умений и новых теоретических знаний, а также в совершенствовании духовном и нравственном, повышении своих моральных качеств и преодолении недостатков, особенно тех, которые могут отрицательно сказаться на качестве его работы.

Нравственность военного врача направлена не только на него самого, но и на пациента, — и в этом состоит ее высокое назначение. Высокие моральные качества позволяют военному врачу самостоятельно регулировать свое поведение и действия, осуществлять самоконтроль и моральную самооценку. Стремление специалиста к самосовершенствованию становится положительным примером для пациента. И, напротив, трудно требовать от больного активных действий, максимальной реализации личностного потенциала, если он видит, что врач, призывающий его к этому, не предъявляет таких же жестких требований к себе.

Таким образом, качества личности военного врача во многом определяют успешность его взаимодействия с пациентом и являются необходимым условием его профессиональной пригодности. Формирование духовно-нравственных качеств происходит путем усвоения духовных ценностей общества и профессии, превращения их в процессе деятельности в убеждения и потребности. Эти качества личности военного врача, проявленные им по отношению к больному, его окружению и всему обществу, способствуют повышению уровня общественной нравственности и тем самым решению целого ряда социальных проблем.

Все названные духовно-нравственные качества взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга и присутствуют в поведении и действиях военного врача постоянно, в любых ситуациях и отношениях, формируя в общественном мнении облик военномедицинского работника как высоконравственной личности.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. М., 1999. С.191-192.

Особенность профессии врача, в том числе военного, в отличие от других видов деятельности состоит в том, что нравственный аспект составляет одну из важнейших ее сторон. Нравственно-гуманистический характер носит ее направленность и целевое назначение. В деятельности военного врача многое зависит от нравственности избранных средств, так как для сохранения и поддержания здоровья людей порой необходимы не только профессиональная компетентность, но и внимательное отношение к человеку, бескомпромиссность, определенное мужество со стороны военного врача.

Сказанное требует не только высоких личных моральных качеств, но и достаточно высокого уровня этической подготовки военного врача, ответственного за жизнь и здоровье своих пациентов. Об этом настоящая статья.

Роль логических высказываний в освоении знаний школьниками

Современный этап развития российского общества, характеризующийся активными политическими, социально-экономическими, социокультурными преобразованиями, предъявляет особые требования к личностным качествам граждан, а, следовательно, образовательной политике государства. Поиски путей обновления образования идут по различным направлениям: модернизируется содержание образования, предлагаются иные подходы к его реализации, создаются новые педагогические технологии. Основное достижение инноваций - поворот учебно-воспитательного процесса к личности обучающегося, создание благоприятных условий самосовершенствования, самореализации личности учащихся на всех этапах школьного образования.

Важнейшей задачей, стоящей перед учителем начальных классов, является развитие самостоятельной логики мысли учащихся, которая позволила бы детям строить умозаключения, приводить доказательства, высказывать суждения, логически связанные между собой, обосновывать свои суждения. В познавательном процессе различают чувственный и абстрактно-логический компоненты. Чувственная составляющая процесса познания представляет результат непосредственного перцептивного взаимодействия человека с окружающим миром. К основным формам чувственной составляющей познания относят: ощущение (субъективный образ реальности, отражающий какую-то одну сторону воспринимаемого объекта, какое-то его элементарное качество), восприятие (целостный образ объекта, явления) и представление (целостный образ, который может функционировать тогда, когда объект не воспринимается субъектом непосредственно, при этом в представлении синтезируются не все свойства объекта, которые были обнаружены в процессе восприятия, а лишь наиболее существенные в каком-то определенном познавательном аспекте).

Основными формами абстрактно-логической составляющей являются понятие (система важнейших абстрактных свойств, признаков объекта), суждение (форма связи понятий в единое смысловое образование), умозаключение (форма связи суждений: например, если истинно одно суждение, то истинно и другое). Чувственный и абстрактно-логический компоненты в сознании индивида тесно переплетаются, взаимопроникают и взаимодействуют, а, следовательно, должны оба использоваться в образовательном процессе.

Сложность формирования самостоятельности мысли связана с тем, что логика освоения знаний младшим школьником подстраивается под логику содержания учебного материала. Содержание учебного материала по любому предмету, изучаемому в школе, представлено на основе классической (формальной) логики и должно быть понято и осмыслено на основе логических категорий: понятие, суждение, умозаключение. При формировании понятий учителю необходимо использовать такие логические операции, как анализ (мысленное и реальное расчленение предмета (явления, процесса), свойства предмета (предметов) или отношений между предметами на части); синтез (мысленное объединение выделенных анализом компонентов целого, установление связей и взаимоотношений между различными элементами); сравнение (мысленное сопоставление объектов с целью нахождения сходства и различия между ними); абстрагирование (мысленное выделение одних признаков предмета и отвлечение от других); обобщение (мысленное объединение отдельных

предметов в понятии). Содержание понятия раскрывается через различные виды определений. Суждение – форма мышления, отражающая отдельные вещи, явления, процессы действительности, их свойства, связи, отношения. Это мысленное отражение, обычно выражаемое повествовательным предложением, может быть либо истинным, либо ложным, либо неопределенным. Все суждения, в свою очередь, сводятся к четырем видам: общеутвердительные, общеотрицательные, частноутвердительные, частноотрицательные. Умозаключение – логическое действие, в результате которого из одного или нескольких суждений получается новое суждение, содержащее сведение о предмете. Выделяют дедуктивные, индуктивные, традиционные умозаключения:

- от единичного к единичному (на основе рассмотрения единичных суждений приходят к единичному суждению, являющемуся заключением (выводом) о чем-либо) – традиция.

- от единичных к общему (на основе рассмотрения единичных суждений делается общий вывод, высказывается общее суждение о чем-либо) – неполная индукция или индуктивное умозаключение. Вывод на основе неполной индукции может быть верным во многих частных случаях и неверным вообще.

- от общего к единичному (на основе общего суждения о предметах данного класса высказывается единичное суждение о некотором предмете этого класса) – дедукция.

Все эти операции классической (формальной) логики используются в образовательном процессе, а, следовательно, именно эту логику и должен понять младший школьник. Однако ни ученик, ни учитель не задумываются о том, какие модусы и фигуры используются ими при том или ином рассуждении, доказательстве.

Перед школьником выступают две реальности: одна – вне школы (реки, поля, машины, люди, леса), другая – учебная, школьная: книги, учебные пособия, объяснение учителя и др. Первая выступает первоисточником знаний, несет информацию о явлениях Вселенной и такой их взаимосвязи, какими они объективно выступают в жизни. Вторая преследует цель дать знания о естественной природе и общественных явлениях. Однако эта информация, преподносимая ученику в преобразованном, формально-логическом виде видоизменяет реальный предмет и условия его существования. Так, при написании сочинений по картине мысли ученика сосредоточены, как правило, на ее содержании. Школьник, размышляет, отвечает на вопросы, рассказывает, но содержание его рассуждений ограничивается рамками картины: ученик не расширяет представления, получаемые от картины, до образов реальных предметов в естественных условиях в силу формально-логического построения мысли, что не способствует развитию и систематизации чувственного личного опыта ребенка.

Запас чувственного опыта ребенка гораздо богаче, чем это необходимо при освоении содержания учебного материала. При изучении натурального ряда чисел от 1 до 10 первоклассник должен освоить образование, последовательность чисел, состав каждого числа и т.п. При этом обычно используется счетный материал: палочки, карандаши, раздаточный материал, а также предметы классной обстановки. Круг представлений ребенка ограничен, поскольку ученик сосредоточен именно на вышеназванных предметах. Тенденции к тому, чтобы в процессе изучения математики представить окружающий мир с многообразием его явлений и обитателей, нет. Этого и не требуется от младшего школьника с точки зрения формально-логического освоения учебного материала. При таком подходе чувственные образы используются лишь как средство познания. На уроке математики важно создать та-

кие условия для младших школьников, чтобы ученики могли размышлять о связи математики и окружающей действительности с целью формирования обобщенного представления школьниками окружающего мира.

Таким образом, мы видим, что формально-логический аппарат классической логики не требует систематизации чувственного опыта школьника в процессе освоения последним знаний.

Обычно на вопрос: «Что такое имя прилагательное?» школьники дают определение этой части речи и приводят два-три примера слов, называющих цвет или размер предмета: «красный», «синий», «черный», «большой», «маленький». Однако в опыте ученика объем данного понятия гораздо шире того объема, который содержится в логике изучаемой темы. Ребенок больше знает в силу имеющегося у него чувственного опыта, но не всегда может выразить знания из-за формально-логической направленности своей мысли. При этом ученики, как правило, не пользуются формально-грамматическими признаками, чтобы отнести слово к именам прилагательным или какой-либо другой части речи. Все слова в жизненном опыте ребенка включены в различные системы независимо от обучения и имеют определенный логический смысл.

При таком подходе к процессу обучения ученик усваивает готовые алгоритмы, предлагаемые ему или учителем в ходе объяснения материала, или логикой учебника. В результате возникают трудности в обучении, обусловленные сложностью в восприятии нового материала, самостоятельном овладении знаниями. Чтобы облегчить освоение детьми учебного материала учитель использует различные игры, занимательные задания, упражнения, направленные на развитие восприятия, внимания, памяти, логического мышления младших школьников. Ученикам предлагается разгадать ребус или анаграмму, решить шараду или кроссворд. Данные задания вызывают определенную заинтересованность у учеников, но поскольку от детей для выполнения предлагаемых заданий требуется владение формально-логическими операциями, то далеко не все ученики могут справиться с поставленной задачей, что не способствует развитию самостоятельности их мысли и интереса к учению.

Исследования, проводимые в последние годы, показывают, насколько трудно формировать у детей формально-логические операции. Встает вопрос о развитии логических высказываний. Проблема логического высказывания возникает и в связи с тем, что логику освоения учебного материала ученик выстраивает на основании логики уже имеющейся в учебниках или логики изложения материала учителем, при этом логика самостоятельности мысли ребенка не доминирует в процессе освоения знаний. Следовательно, в структуре логики познания у ребенка возникает противоречие: между тем *как его учат* и тем, *как сам он может понять* материал.

С давних времен люди пытались создать универсальный язык, с помощью которого можно было бы получить истинное, безошибочное знание, применимое не только к конечным множествам, но и бесконечным. Так Локк считал, что правильное рассуждение заключается вовсе не в том, чтобы говорить по модусам и фигурам. Локк не отводил логическим понятиям статус реального и существенного знания, которое связывал с содержательными истинами, и видел в занятиях логикой совсем не правильное применение ума «на профессиональном пути к знанию». Совершенно противоположной Локку позиции придерживался Лейбниц. Он уделял большое внимание исследованиям логики, представляя ее как учение о рассуждениях, в которых вывод оправдывается в силу своей формы, и настойчиво искал общую теорию таких рассуждений на пути сближения логики с математикой. Он целенаправленно применял в логике математические методы, впервые представил ее в виде символи-

ческого исчисления, положив тем самым начало математической логике.

Таким образом, с ходом истории логика поднимается на более высокую ступень развития. Она идет по пути абстрагирования, используя пять логических операций (конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквиваленция, отрицание) и оперируя двумя значениями истинности. Под конъюнкцией (или логическим умножением) понимается логическая операция, соединяющая два и более высказывания при помощи союза «и» в новое сложное высказывание, которое истинно тогда и только тогда, когда каждое из исходных высказываний истинно, и ложно, когда, по крайней мере, одно из исходных высказываний ложно. Дизъюнкция – логическая операция, выражающаяся в соединении двух и более высказываний при помощи логического союза «или» в новое сложное высказывание. Выделяют нестрогую и строгую дизъюнкцию; отличие их в том, что при строгой дизъюнкции сложное высказывание истинно только в том случае, когда истинно одно из составляющих высказываний, но не оба, а при нестрогой дизъюнкции истинными могут быть одновременно оба высказывания. Импликация – логическая операция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обыденном языке соответствует союз «если ..., то ...». Этот союз отображает зависимость того или иного явления от каких-либо условий. Эквиваленция – логическая операция, позволяющая из двух высказываний получить новое высказывание с помощью логической связки «... тогда и только тогда, когда ...». Отрицание – логическая операция, заключающаяся в том, что истинному высказыванию противопоставляется неистинное высказывание или ложному высказыванию противопоставляется не-ложное высказывание. Операция отрицания соответствует логической связке «не». Учителю начальных классов важно знать, что все логические операции находятся в отношении зависимости друг от друга и их можно выразить друг через друга. Каждая из пяти операций направляет мысль ребенка в соответствии с его собственными знаниями и сформировавшимся опытом. В этом отношении логика высказываний (в процессе освоения учебного материала) проще усваивается младшим школьником. С педагогической точки зрения функции логических высказываний в процессе освоения знаний младшими школьниками заключаются в выделении основных мыслей в изучаемом материале; осознании учениками структуры учебного материала и самостоятельном оперировании структурированным учебным материалом на основе использования логических операций конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквиваленции, отрицания; включении приобретенных знаний в индивидуальный опыт ученика. Знание данного функционала логических высказываний позволяет педагогу так организовать учебную деятельность, чтобы она способствовала развитию логических высказываний.

Рассмотрим для примера фрагменты двух уроков русского языка во втором классе, на которых вводится понятие об имени прилагательном: один урок построен на основе формальной (классической) логики, а другой – на основе логики высказываний с использованием логических операций конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквиваленции и отрицания.

На первом уроке учитель сначала проводит работу, в ходе которой ученики вспоминают, что в русском языке есть слова, отвечающие на вопросы *какой? какая? какое? какие?* Учитель объясняет, что все эти слова обозначают признаки предметов. Затем дети читают слова и вопросы, записанные на доске:

школа (какая?)

девочка (какая?)

мяч (какой?)

слон (какой)
окно (какое?)
солнце (какое?)
ученики (какие?)

Под руководством учителя дети подбирают к этим существительным по поставленным вопросам названия признаков. Предложенные слова записываются на доске, в результате чего получается запись:

школа (какая?) новая
девочка (какая?) красивая
мяч (какой?) красный
слон (какой) большой
окно (какое?) чистое
солнце (какое?) яркое
ученики (какие?) умные

- Что называют все первые слова? – спрашивает учитель. (Эти слова называют предметами.)

- А что обозначают слова *новая, красивая, красный, большой, чистое, яркое, умные*? (Они обозначают признаки предметов.)

- Назовите вопросы, на которые отвечают слова, обозначающие признаки предметов.

Учитель делает обобщение: слова, которые обозначают названия признаков предметов и отвечают на вопросы *какой? какая? какое? какие?* называются именами прилагательными.

Затем ученики читают определение имени прилагательного в учебнике, сравнивают его полученной формулировкой и выполняют тренировочные упражнения.

Урок, проводимый другим учителем по той же теме, построен на основе использования логических операций конъюнкции, дизъюнкции, импликации и эквиваленции (без использования терминологии). Цель работы состоит в том, чтобы ученики сделали вывод о смысловой и грамматической зависимости имен прилагательных от имен существительных и научились выделять в речи имена прилагательные.

Учитель предлагает ученикам представить небо в разное время суток, в разное время года и назвать словами все его признаки.

В ходе ответов дети называют признаки неба. Учитель записывает на доске заранее подготовленный текст.

- *Высокое ясное чистое голубое облачное черное темное дождливое звездное синее солнечное вечернее пасмурное хмурое.*

При записи между словами оставляет место, чтобы затем вписать союз «и».

- Что называет слово «небо»? (Предмет.)

- А что называют слова *высокое и ясное и чистое и голубое и облачное и черное и темное и утреннее и звездное и синее и солнечное и вечернее и пасмурное и хмурое*? (Признаки, свойства неба.)

- Все эти слова называются именами прилагательными, - говорит учитель и записывает на доске название этой части речи.

Полученная запись представляет сложное конъюнктивное высказывание:

$C_1 C_2 C_3 C_4 C_5 C_6 \dots C_n C$,

где C_1 - «высокое», C_2 - «ясное», C_3 - «чистое», C_4 - «голубое», C_5 - «облачное», C_6 - «черное», C_n - признак, который не назвали, но который тоже будет прилагательным, C – все прилагательные, - «и», – тождественно. Отметим, что символи-

ческая запись не обязательна, так как требует дополнительной работы.

- Какой вопрос мы зададим, чтобы узнать свойства неба? (Какое?)

- Сколько условий должно выполняться, чтобы слово было именем прилагательным? (Два.)

- Назовите эти условия? (Слово должно называть свойства предмета и отвечать на вопрос *какое?*)

- Назовем признаки у других предметов. Например, возьмем слово *река*.

Ученики перечисляют признаки, а учитель записывает заранее подготовленные слова на доске:

- *Широкая быстрая горная чистая голубая глубокая мелкая бурная длинная теплая красивая шумная тихая узкая маленькая холодная.*

- Итак, что называют слова *широкая и быстрая и горная и чистая и голубая и глубокая и мелкая и бурная и длинная и теплая и красивая и шумная и тихая и узкая и маленькая и холодная?* (Они называют признаки, свойства реки.)

- На какой вопрос отвечают эти слова? (Какая?)

- К какой части речи отнесем слова?

Ученики высказывают разные мнения о том, можно ли эти слова считать именами прилагательными. В результате приходят к выводу, что да, можно. Ведь все они обозначают признак предмета, а вопрос меняется потому, что об одном предмете надо спрашивать *какая?*, о другом - *какое?*, о третьем - *какой?*, а если предметов много, то – *какие?*

Далее проводится аналогичная работа со словами, отвечающими на вопросы *какой?* и *какие?*

Ученикам предлагается назвать свойства предметов в определенной системе: растений на лугу, в лесу, в поле; птиц, зверей, насекомых и т.п.

- Какие растения растут на лугу, в поле, в лесу? (Цветы разные, деревья, кустарники, мох, грибы.)

- Назовите общие свойства растений луга. (Низкие, невысокие, зеленые, разноцветные, душистые, красивые, яркие, пестрые, сочные, густые.)

- Какой частью речи будут эти слова? (Прилагательными.)

- Как нам проверить, что слова – прилагательные? (Они отвечают на вопрос *какие?*)

Таким образом, ученики приходят к выводу, что прилагательные отвечают на вопрос *или какой? или какая? или какое? или какие?*

В полученном выводе содержится логическое высказывание с использованием операции дизъюнкции. В результате проделанной работы учитель приводит детей к обобщению:

- *Прилагательные – слова, которые называют или свойство, или признак предметов, растений, животных, человека тогда и только тогда, когда отвечают на вопрос или какой? или какая? или какое? или какие?*

Так, ребенок, осваивая новые для себя знания об имени прилагательном, самостоятельно делает логическое высказывание, позволяющее среди всех слов найти слова именно этой грамматической категории и проверить правильность выполнения задания. Логическое высказывание может иметь такой вариант: «*Если слово называет свойство или признак предмета, явления природы, жизни человека, и к нему можно поставить вопрос или какой? или какая? или какое? или какие?, то названное слово есть имя прилагательное*».

Теперь сравним ответы учеников, изучавших тему на основе формальной

(классической) логики, и ответы детей, изучавших ту же самую тему, используя логику высказываний. Школьникам предлагалось дать определение имени прилагательного и привести примеры этой части речи. Дети, изучавшие материал на основе формально-логических операций, правильно формулировали ответ («Имя прилагательное – часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы какой? какая? какое? какие?»), однако приводили примеры одного - двух слов, обозначающих цвет, размер или форму предмета. Дети, изучавшие имена прилагательные на основе логики высказываний, давая определение изученной грамматической категории, приводили поясняющие слова, которые отражают чувственный опыт ребенка. Например: «Качества человека – веселый, аккуратный, смелый, добрый и т.п.»

Мы видим, что если в процессе объяснения учебного материала учитель не опирается в достаточной мере на то, что видит, представляет, чувствует ребенок, (то есть на то, что является основой его самостоятельных высказываний), то младший школьник выглядит менее разумным, самостоятельно мыслящим, (например, когда дает определение частей речи и только после вопроса учителя приводит поясняющие примеры слов той или иной части речи).

Если же учитель опирается на жизненный опыт, который является постоянной основой самостоятельных рассуждений и мыслей ребенка вне школы, вне формально-логических суждений, то это способствует систематизации, обобщению множества чувственных образов ребенка о мире Вселенной, полученных им в течение жизни, помогает интеллектуальному развитию и сохранению интереса к учению. В процессе освоения знаний младший школьник не действует по образцу, предлагаемому учителем или учебником, а самостоятельно осознать материал, и на основе этого осознания строит самостоятельное логическое высказывание.

Построение учебного процесса на основе использования логических операций конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквивалентности, отрицания позволяет младшему школьнику стать самостоятельно мыслящим, поднимает ученика на более высокий уровень абстракции, однако требует от учителя тщательного подбора учебного материала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Андреев А.Л. Общество. Образование. Культура. М., 2004
2. Делокаров К.Х., Комиссарова Г.А. Философия образования в период социальных трансформаций. М., 1997.
3. Ильинский И.М. Образовательная революция. М., 2002.
4. Ковалева А. Кризис системы образования // Социс. 1994. №3.
5. Педагогика и психология высшей школы / Отв. редактор М.В.Буланова-Топоркова. Ростов н/Д., 2002.

Н.И.Чиркова. Роль логических высказываний в освоении знаний школьниками. В статье оценивается значение логических высказываний в освоении знаний школьниками. Рассматриваются современные подходы к образованию с позиций учета активности субъекта образовательной практики.

N.I.Chirkova. The role of logical statements in the mastering of the knowledge of sholboys. In the article was estimated the meaning of logical statements in the mastering of the knowledge of sholboys. Here was considered the modern aspects of such question as the action of the subject in the educational practic.

Раздел 2.**Проблемы истории философии и истории философской проблематики
других наук и дисциплин****Алёхина Е.В.,***доцент кафедры философии МГОУ,
кандидат философских наук, доцент***Смысл жизни человека как проблема антропологии
в русской философско-богословской мысли начала XX века**

Философская антропология, решая вопросы о сущности человека, его предназначении, неизбежно выделяет тему личности, её прав и приоритетов, отождествляя часто личность и индивидуальность, либо рассматривая их в контексте противоречивого единства части и целого, отдельного человека и общества. В этой связи полезно обратиться к изучению отечественной философско-богословской мысли начала XX века, в которой проблема человека рассматривалась в контексте антропологии (дословно — оправдание человека) и фокусировалась на разрешении противоречия между личностью и индивидуальностью, богоподобием человека и наличием несовершенства и зла в нём, на обосновании ценности и смысла человеческой жизни.

В отечественной религиозной философии выделяются два основных подхода к оправданию человека: базирующиеся на принципах экзистенциализма (Н.Бердяев, М.Тареев, В.Несмелов, Г.Флоровский) и принципах философии всеединства (В.Соловьёв, С.Булгаков, П.Флоренский, С.Франк). В первом случае человек рассматривается как первоначало и противопоставляется сфере культуры, во втором — как проводник софийного начала, хотя и те, и другие возмощность реализации духовных потенций человека отодвигают к «концу времён».

Остановимся подробнее на экзистенциальном варианте антропологии, которая, как нам представляется, наиболее близко подходит к раскрытию тайны личности человека.

Георгий Флоровский в статье «Смысл истории и смысл жизни» (1921г.) формулирует основную антиномию христианского сознания: утверждение абсолютной ценности свободной человеческой личности и её предназначенность, определённое Промыслом Божиим место в истории, — из абсолютизации последнего момента возникает эволюционизм. Флоровский видит в нём неприемлемое для него обоснование соотносительности добра и зла и даже необходимости зла как составной части Добра, осуществления смысла только через бессмыслицу. В этом случае, замечает он, «моральная трагедия становится хитроумно сочинённой мелодрамой»¹. Дилемма формулируется им так: либо смысл личной жизни, либо смысл истории, оба они несовместимы²; т.е. либо логика, планомерность исторического процесса, безличный порядок, либо свободное нравственное творчество человека, живая личность.

Обозначенную антиномию богослов решает, опираясь прежде всего на радикальный индетерминизм А.Герцена и на критику культуры Л.Толстым, а также на Достоевского, который показал подлинный трагизм прогрессистского «оправдания мира» с неизбежным атеизмом. К Богу же он идёт не через логику смысла, но от любви к жизни. «Оправдать» мир — это вовсе не значит его «понять», — в этом видит Флоровский гениальное прозрение Достоевского.

Подтверждение своим взглядам он находит в творчестве известного богосло-

ва, профессора МДА М.Тареева, в его мысли, что цель и смысл жизни — не в счастье, не в исполнении долга, не в культурном совершенстве, а в том, чтобы именно в унижении и страдании являть собою «славу Божию».

Тем самым Флоровский, опираясь на упомянутых выше мыслителей, отрицает возможность христианской культуры. Для него «есть два мира, нигде не пересекающиеся» - мир «истины» и мир «культурных символов». У каждого свои законы и свои цели — вечная жизнь (любовь) или накопление ценностей культуры (справедливость). Верующий в исторический прогресс сбивается на обывательские идеалы, забывая, что всё в этом мире непрерывно создается и творится заново при напряжении личной воли, что нет ничего законченного, совершенного, и путь к славе, вечной жизни идёт через унижение, а не могущество. Вопреки рационалистическим предрассудкам, считает он, люди не делают историю, вернее, они её делают, но не могут сделать. Пример тому он видит в русской революции и вообще в невозможности исторических прогнозов относительно будущего России.

Вместе с тем Флоровский не может удержаться на позициях культурного индифферентизма и ставит задачу «строительства религиозной культуры на твёрдой почве церковности православной и в неуклонном следовании преданным заветам отеческим»³ в противостоянии реальности антихристианской антикультуры для создания условий реализации прав личности на осмысленную жизнь⁴.

Важнейшим для антропологии является вопрос о смысле жизни человека. Его решение лежит в плоскости христианской антропологии, в её учении о происхождении и сущности человека, его природе, предназначении, трагической двойственности данности и заданности. Именно последний момент превалирует в экзистенциальном варианте антропологии в трудах академических богословов М.Тареева и В.Несмелова и представлен как противоречие индивидуальности и личности, стремлений к счастью и смыслу жизни.

Обращаясь к анализу взглядов М.Тареева, используем «ключ» к его моралистической системе, данный Флоровским: «Всё содержание христианства Тарееву открылось под знаком «религиозного искушения»⁵, которое трактуется им как искушение мысли жизненными противоречиями, несоответствием между идеалом человека, созданному по образу Божию, и его практической ограниченностью и утеснением. Человек одновременно богоподобное и ограниченное существо: он стремится удовлетворить своё стремление к бесконечному совершенству в условиях собственной ограниченности. Из этого противоречия один выход — свободное принятие этой ограниченности по образу Христа, «кенозис». Флоровский подчёркивает радикальный антиисторизм и двоемирие Тареева, следующих из понимания им основной евангельской идеи: в любых условиях человек может жить божественно-духовной жизнью. Смысл истории — в испытании всех путей к совершенству, убеждение в его недостижимости, смирение и обращение к Богу.

В крупной работе «Цель и смысл жизни» (1901 г.) М.Тареева проблема смысла жизни связывается с антропологией. Из двойственной природы человека Тареев выводит два основных стремления: к индивидуальному счастью, внешнему совершенству и стремление стать личностью, проявить в своей жизни божественное содержание.

Тареев (что вполне традиционно для русской религиозно-философской мысли) критикует эвдемонизм и утилитаризм, обнаруживая знакомство с доводами против них В.Розанова и В.Соловьёва. Он доказывает, что счастье не может быть истинной целью жизни, т.е. осознанным конечным результатом деятельности че-

ловека (заметим, что он отождествляет цель и смысл жизни). И вместе с тем Тареев признаёт, что «стремление к счастью в человеке неискоренимо». Таким образом, он приходит к антиномии, выход из которой — осознание собственной ограниченности. Если человек не смиряется и не освобождается от страсти к наслаждениям, то это порождает, замечает богослов, «совершенно особые страдания и производит своего рода «мучеников мира сего»⁶.

По существу, Тареев предлагает христианам смириться и отказаться от житейского понятия слова «несчастье», связывая полноту жизни только с «миром иным». Главный его тезис: «Подготовленность человека к духовной жизни состоит в сознании человеком своего природного ничтожества»⁷. Получается, что все обстоятельства и факты жизни направлены на то, чтобы смирать человека, избавлять его от гордыни и самомнения, суетных надежд, ложных вер и идеалов. Например, согласно Тарееву, смысл старости, её «вклад» в сознание смысла жизни и в дело совершенствования души — осознание тленности всех земных ценностей. Итак, человек не может достичь совершенства ни в чём, его усилия встречают препятствия и границы (но это не означает, что не нужно ничего делать), но, с другой стороны, они необходимы для получения божественной благодати, в философской терминологии — для онтологической трансформации на уровень божественной жизни.

В историческом развитии Тареев видит действие того же закона, приводящего «блудного сына» к Отцу Небесному. Языческие народы подготавливались к принятию евангельской проповеди через разочарование в культуре, еврейский народ — через закон, который должен был убедить их в недостижимости нравственного совершенства и способствовать познанию собственного греха. В познании человечеством своей немощи — смысл истории, «исполнение времён». Каждый народ имеет свою старость, подготавливающую его к принятию жизни во Христе и переходу в иное бытие.

Таким образом, в концепции М.Тареева вырисовывается духовный процесс становления личности: познание человеком своей природной ограниченности по причине своей тварности и греховности в ситуации страдания, которая включает фундаментальный факт смертности, и разворот к Богу как абсолютному, подлинному и совершенному бытию, есть начало духовной жизни, акт веры. Вера рождается в «пограничной ситуации» крушения земных надежд, соединяясь с сознанием своей немощи и ограниченности. Она есть одна из двух возможностей наряду с отчаянием (самоубийством) и гордым упорством, не признающим ошибочность пути. Тареев, утверждая смыслом и целью жизни человека духовность, определяет её как с отрицательной, так и с положительной стороны.

С отрицательной стороны, жизнь духовная есть отречение от себя как преимущественно душевно-телесного человека, стремящегося к счастью, к удовлетворению своих потребностей. Это состояние он называет покаянием, которое «включает в себе сознание полной бессмысленности личной жизни, полного бессилия придать своей жизни абсолютное значение собственными усилиями, крушение всех мирских идеалов... и устремление души к Богу как единственному истинному благу»⁸. Духовное рождение личности не сводится Тареевым к разовому обращению и покаянию, но рассматривается как новая жизнь («практика»), которая нуждается в постоянных усилиях, питании и укреплении, в постоянной борьбе с противоположными влияниями, что составляет суть аскезы. Средствами поддержания и укрепления духа, согласно Тарееву, служат «молитва, пост и Христа ради юродство», с помощью которых человек изгоняет дьявола, побеждает плоть и мир. Положительное содержание духовной жизни как цели и смысла жизни человека — жизнь, но не

земная жизнь автономного человеческого существа, а божественная жизнь, «слава Божия», которая открывается в уничтожении. «Слава Божия не только необходимо дана вместе с человеческою жизнью, - пишет Тареев, - она, сверх того, есть предмет его свободной деятельности... принцип»,⁹ в частности, долг жизни, идеал. Задачу для человека служить божественной славе Тареев связывает с его личной свободой, самоопределением по отношению к природной жизни. Другими словами, у человека есть актуальная возможность бытийного самоопределения, направления своих энергий — к мирскому или к божественной правде, выбор себя — замкнутого в смертности или устремлённого к бессмертию. В первом случае человек находится в страстном, противоестественном состоянии, при котором страсть порабощает его, блокирует высшие изменения.

В русском религиозно-философском сообществе в середине 1890-х годов обострилась проблема смысла жизни, что свидетельствовало о подъёме христианского сознания как ответной реакции на утрату «смыслового отвеса» в нигилистическом и материалистическом мировоззрении. В это время с публичной лекцией о смысле жизни выступил профессор Казанской духовной академии В. Несмелов. Имплицитно смысловая проблематика присутствует в его основном труде «Наука о человеке» (1905г.), где она связывается с анализом сознания.

Несмелов стоит на экзистенциальном понимании философии, которая объясняет не мир, а положение человека в этом мире, практику его жизни, теоретически обосновывает представления о высшем благе. Философия в трактовке Несмелова непосредственно выходит из факта противоречия между идеальной природой человеческой личности и физическим содержанием человеческой жизни, становится антроподицей.

Антроподицей — это утверждение того, что в жизни человека есть смысл, с другой стороны, жизнь оправдана, если в ней есть смысл. Вывод о бессмысленности жизни есть по существу отрицание достоинства человека как личности, отказ от антроподицей. Свою антроподицей Несмелов начинает с критической части — с последовательного разоблачения всех мнимых её решений в древнегреческой философии, буддизме, иудаизме, европейском морализме, противопоставив принцип блага (жизненных благ, счастливой жизни) принципу смысла жизни. Отдавая дань глубине идеалистических прозрений, он считает идеалистический морализм бессильным. Идеал мудреца в языческом мире был недостижим даже самими философами (некоторые из них советовали даже самоубийство). По его образному выражению, «смерть непрерывно смеялась» над великими мечтами о разумности жизни, оказываясь «единственным благом для человека, как будто в самом деле он затем только и жил на земле, чтобы страдать, и затем только и страдал в своей жизни, чтобы умереть. Между тем никакого другого определения человечности люди в течение веков не нажили, и мудрость человеческая не придумала»¹⁰.

Как и Тареев, Несмелов приходит к выводу о действии Промысла в истории: после того, как люди пожилы по своей воле и пришли к утверждению своей гибели, Бог послал в мир Сына Своего для спасения, для того, чтобы уверить человечество, что оно живёт не для смерти, а для вечной жизни.

В содержании евангельского откровения о цели творения человека Несмелов усматривает новое раскрытие смысла жизни и тем самым оправдание существования человека через участие в божественной славе и жизни. Новизну христианства он видит не только в самом учении, но и в его исполнимости, достижимости смысла жизни. Христос, уверен Несмелов, показал, что «человек затем и явился в мир, что-

бы делаться небожителем (2 Кор. V, 1-5), так что он существует не для мира, а для себя самого, мир же существует в качестве средства для осуществления верховной цели человеческой жизни»¹¹.

Основная мысль Несмелова в критическом разборе религиозных и философских учений: смысл жизни человека заключается в тайне его спасения. От чего спасение, для чего, каким образом — вот основные аспекты, которые определяют различное понимание смысла жизни в различных религиях и философских системах.

Несмелов постоянно подчёркивает реальное противоречие в жизни человека, которое касается самой его природы, вкоренено в его самосознание, нравственность, психологию личности, мотивы поступков. Есть человек внешний, эмпирический и внутренний, идеальный. В самосознании человека борются два различных принципа жизни: принцип блага жизни и принцип смысла жизни. В них отражается ориентация человека на наличное существование или на идеальное, на приспособление или активное преобразование своей жизни в соответствии с идеалом — Царствием Божиим. В течение всей своей жизни, утверждает богослов, человек переживает тяжёлую нравственную борьбу «внутренне-идеального человека с внешним-эмпирическим», чувственного и разумного.

В связи с этим он раскрывает психологические корни атеизма: изменяя своему назначению и идеальному смыслу своей жизни, человек из инстинкта самосохранения угащает свою совесть самооправданием, а впоследствии — устранением идеальных начал жизни и утверждением единственной реальности — существующего земного мира и смерти как уничтожения бытия. Автоматически снимается вопрос о смысле жизни, подобно тому как он не возникает относительно жизни животных. В этом случае ставится вопрос не о смысле жизни, а о целях человеческой деятельности в пределах земного существования. Отличие цели от смысла Несмелов видит в том, что смысл объективно задан Богом в соответствии с назначением человека, тогда как цели своей деятельности человек создаёт сам и поэтому оправдывает в соответствии с представлениями о благе жизни (т.е. жизненными потребностями, хотя Несмелов это понятие не использует). Получается, что при эмпирически ориентированном самосознании человека потребности => интересы => цели не связываются со смыслом жизни. Непомерное увеличение и разнообразие потребностей приводят к столкновению людей, только умножая страдания.

Исходным принципом антропологии в концепции В. Несмелова является религиозное объяснение самосознания человека, т.е. осознания того факта, что как его личность, так и разум противоречат наличному бытию, поскольку отрицают все условные смыслы, претендующие на безусловность, направляясь к неведомому смыслу и вместе с тем не допуская самоотрицания. «Загадочное» внутреннее противоречие человека расширяется им до метафизической двойственности — противоречия самосознания и действительности: человек — и явление и сущность, и вещь и личность. Привычное в физических условиях явление человеческой духовности рассматриваются Несмеловым как откровение иного мира. Такова разумность и свобода человека. Способность к познанию бытия как целостности, т.е. с точки зрения его оснований и целей для него означает постижение идеи бытия, его смысла. Свободу он трактует как мотивацию воли и деятельности человека по идейному принципу смысла жизни, творение бытия в соответствии с идеей о нём. «Быть свободным и разумным — значит быть таким существом, которое все условия своей деятельности имеет в себе же самом — в глубине собственного ведения и в полноте собственной силы, значит быть таким существом, которое имеет силу и власть из себя самого

ставить и осуществлять все свои цели, это значит — быть существом безусловным¹². Вместе с тем, отмечает Несмелов, человек подчинён миру, внешним необходимым условиям, ограничен в мыслях и жизни. Из этого противоречия в бытии человека он определяет его назначение: вводить в мировое бытие творческие силы свободы и разума, быть образом бытия безусловного, т.е. Бога, имеющего свободу и разум как действительные свойства своей природы. Скорее всего, это только возможность, которая в принципе не может быть осуществлена, т.о. человек изначально обречён на трагедию невозможности подчинить свою действительную жизнь этим идеальным определениям личности. В процессе рассуждений он приходит к ёмкому выражению этого основного противоречия человека: человек одновременно является и действительным образом Бога, и действительной вещью физического мира, личностью и организмом, а потому фактически осуществлять цель и смысл своей жизни в стремлении к богоподобию он очевидно может не иначе, как только в непрерывной борьбе с самим собою. Уже из наличия самой этой борьбы для Несмелова очевидна сверхъестественная сущность личности человека: с одной стороны, как данность, а с другой — как обязанность, долженствование, как нравственный закон жизни.

Как экзистенциально мыслящий философ, Несмелов отличает человека, имеющего разнообразные культурные потребности, человека как пользователя культуры, потребителя от того, чем он сам может делаться и быть как личность, что определяется не культурным, а религиозным развитием. Личностное бытие он связывает только с критическим отношением к ценности своей собственной жизни и ко всему физическому содержанию жизни. Нравственная личность начинается с необходимого различения «желательного и обязательного» (поскольку противоречие между сущим и должным утверждается им как основа нравственной деятельности человека), с жизни по совести (в совести дан идеал должного человека — Христа), со свободного возложения на себя самого обязанностей и ответственности. Эти обязанности Несмелов определяет как обязанности «в отношении к себе же самому ради безусловной истины жизни» на основании осознания себя идеальной, свободно-разумной личностью, а ответственность — как ответственность перед Богом прежде всего за дар жизни.

Человек, раскрывая в себе основное противоречие безусловного и обусловленного, абсолютного и ограниченного, подходит к осознанию смысла своего бытия, вернее, бессмысленности своего существования в качестве личности в действительном мире и принуждён утверждать особую цель и особый смысл своей жизни. Но в чём именно заключается особый смысл человеческой жизни, замечает Несмелов, «об этом непосредственное содержание сознания решительно ничего не говорит человеку, и это именно приходится ему разгадывать как загадку бытия»¹³. Вслед за этим, полагает он, человек естественно совершает «прыжок» в трансцендентное, вступает на путь религиозного мышления, утверждая в Боге первообраз своей личности. «В этом изображении Бога и заключается особый смысл её физического существования»¹⁴.

Логикой своих рассуждений Несмелов неизбежно приходит к выводу Фейербаха, отождествившего богословие с антропологией. Он соглашается с фейербаховской идеей, что религия есть не абстрактные размышления и пустая мечтательность, но жизнь по вере, со смыслом. «Фейербах, — пишет он, — шёл по верному пути, но он дошёл по нему только до середины»¹⁶. Именно потому, что человек воспринимает не только реальность чувственного мира и себя как его часть, но и сознаёт идеальную природу своей личности, возможна естественная религия. Оспаривая

постулаты Канта, он полагал, что нравственное сознание определяется не абстрактным понятием какого-то высшего блага, но самосознанием себя как личности, которая в нравственной жизни осуществляет своё богоподобие. В отличие от Гегеля он утверждает, что сознание себя как свободной и разумной личности, т.е. причиной и целью своих произвольных действий, ещё не делает человека в действительности владыкой мира.

Обоснование и оправдание своей разумно-свободной личности человек находит только в Боге (персоналистическая сущность религии). Каково же назначение человека, согласно Несмелову? Отвергая натуралистическую этику и её принцип счастья и идеалистическую этику, ориентированную на истины самосознания, он обращается к христианской мечте о вечной, посмертной человеческой жизни. Отличие понимания смерти в христианстве от материалистического и идеалистического он видит в том, что в христианстве осознан роковой смысл смерти, который не может изменить вера в бессмертие человеческого духа, потому что, пишет он, «если по смерти человека дух его и будет существовать, то жить-то человеческой жизнью он всё-таки не будет, так как он окажется духом человека умершего. Следовательно, для жизни человеческого духа требуется восстановление его связи с телом, т.е. требуется воскресение умершего человека»¹⁶ именно потому, что целостный человек есть личность + организм. Если для идеалистов смерть становится несомненно разумной («отрицание отрицания», как отрицание бессмысленной жизни), то для материалистов, подчиняющих свою жизнь принципу счастья, бессмысленной «жизни ради жизни», смерть абсолютно непонятна. «Кто раз понял о себе, что он существует как простая вещь физического мира и скоро будет ничто, тот уже не может быть чем-нибудь для другого человека, потому что ведь и другой-то человек также будет ничто»¹⁸. Уничтожить жестокую и злую бессмыслицу этих выводов, по его убеждению, может только Божие чудо Христова воскресения: «Хотя смерть и продолжает ещё царить над людьми, однако, по христианскому учению, она потеряла своё страшное жало, так как силою Христова воскресения действительно уничтожен ужас её вечного бессмыслия»¹⁹.

Виктор Несмелов старается показать неразрывную связь в христианстве догматики и этики, веры и жизни, именно потому, что в его время многими образованными людьми эта связь отрицалась, а нравственные заповеди принимались лишь с точки зрения их пригодности для целей временной жизни или же отвергались по причине их невыполнимости. Уклонение от евангельского критерия морали беспokoит богослова, он усматривает в своих современниках характеристики людей апокалиптических времён, предчувствует «поражение» истинно-христианского мировоззрения. Поэтому он ставит прежде всего просветительские задачи сделать христианское учение более понятным, показывая органическую связь догматического учения с человеческим сознанием, с миром человеческой мысли о сущем, с научным знанием, с нравственным смыслом жизни.

Из рассмотрения кардинальной для философии проблемы человека, его достоинства и предназначения (антроподицеи) на материале трудов известных православных богословов начала XX века можно сделать следующие выводы: главным достоинством (правом, ценностью) человека, оправданием его существования являются его качества личности. Личность для человека как данность (образ Божий) и заданность (подобие Божие) понимается ими как творчество «внутреннего человека», который свободно обладает всеми природно-индивидуальными свойствами и поэтому способен совершенствовать их, «обожить» через причастие к Христу.

Свободная личная воля — основа теодицеи и антроподицеи для богословов. Для них именно личное начало как организующий принцип существования человека является причиной индивидуальности (а не наоборот, как, например, в советской психологии). Индивидуальность в значении эмпирической личности со своей биографией и делами в конкретной совокупности случайных черт должна быть восполнена, преобразована, а не быть пустым, эгоистическим оригинальничаньем. Человек становится личностью в самопреодолении, в борьбе с собственным эгоизмом и индивидуализмом. Поэтому понятия «личность» и «индивидуальность» не только не совпадают, но и противопоставляются в своих стремлениях к смыслу жизни и к счастью.

Итогом философско-богословского творчества по данной проблеме можно считать труд Вл. Лосского «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944 г.), в котором в систематической форме обосновывалось различие личности и индивидуальности. Он подчёркивает, что наше понимание «личного» подходит скорее под «индивидуальное», тогда как эти значения противоположны: индивид относится к человеческой природе, личность — к тому, что от неё отлично, к образу Божьему, хотя в настоящем нашем состоянии мы скорее индивиды и поэтому воспринимаем личность только как индивидуальность, характерность, которая на самом деле встречается и у прочих индивидов. Однако, замечает Лосский, «человек, определяемый в силу своего «характера» - наименее «личен». Если человек как индивид «присваивает» себе часть человеческой природы, то личностью он становится как образ Божий, достигая своего совершенства, самоосуществляясь в отдаче, в отказе от своеволия и самоутверждения, от порабощения естественной необходимостью. В конечном счёте личностью можно стать только в Церкви, в которой Святой Дух сообщает себя каждой личности неповторимым образом, давая ей полноту и богатство²⁰.

Итак, согласно философско-богословской мысли, личность сверх - индивидуальна и сверхъестественна. Человек как личность начинается с предстояния перед Богом, с покаяния, характеризуется смирением, кротостью, совестью, поиском Правды, самоотверженной любовью, ответственностью, верой, творческим напряжением (к заданности). Для индивидуума, напротив, характерны: своеволие, обособленность, оригинальность, ограниченность, самодовольство (удовлетворённость данностью), потребительство, гедонизм, стагнация. Русские мыслители подчёркивают мысль, что личность воспитывается в страдании, в утеснении естественного эгоизма, в добровольном принятии скорбей как проявления воли Божией по образу Христа. Таким образом, ими противопоставляются не категории «сущность» - «существование» (как в экзистенциализме и в советской философии), а «личность» - «индивид». Это демонстрируется и в противопоставлении личности культуре (обществу). Н.Бердяев, испытывая влияние В.Несмелова, подчёркивал, что личность не есть продукт биологического процесса и общественной организации, она духовна и представляет собой прежде всего категорию религиозного сознания.

Проблема приобретает особую актуальность в связи с обострением интереса к правам личности, которые понимаются русскими философами и богословами аксиологически - как основные ценности личностного (свободного) бытия человека: право на жизнь, на мысль (истину), на нравственную осмысленность (праведность), любовь (дружбу, солидарность), святость (вероисповедание). Но в отличие от нынешней релятивной толерантности, в которой личность на деле унижена в своём нравственном достоинстве, православные мыслители подчёркивают, что именно в личности реализуется дар свободы и достигаются все указанные права — ценности, - в личности, а не в своевольной индивидуальности. Личность воспитывается рели-

гиозно, в условиях ответственности, любви и праведности.

Однако подчёркивание философствующими богословами «неотмирности» личности человека имеет не только гуманистический смысл, но приобретает черты антиисторизма, культурного нигилизма, упадочного (пессимистичного) утопизма, квиетизма, что соответствует общей интеллектуальной тональности толстовства, «нигилистического морализма» и примитивного утилитаризма революционной интеллигенции и в целом может рассматриваться как опасная, реакционная тенденция.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли.- М.,1998.С.107.

2. Там же, с.110.

3. Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли.- М.,1998.С.161.

4. В своём главном труде «Пути Русского богословия» (1937 г.) он пишет, «что в мире нет больше ничего «нейтрального» - всё стало спорным, двояким и двоящимся, всё уже приходится оспаривать у Антихриста... Всё становится под знаком выбора – вера или неверие». См. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия.- Вильнюс,1991.С.516.

5. Там же, с.439.

6. Михаил Тареев. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: Антология. - М., 1994.С.138. 7. Там же, с.183. 8. Там же, с.193. 9. Там же. С.171.

7. Виктор Несмелов. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения» // Смысл жизни: Антология. - М.,1994. С.71. 11. Там же, с.72.

8. Виктор Несмелов. Наука о человеке // Русская религиозная антропология: Антология. В 2-х т. Т.2.– М., 1997. С.130. 13. Там же, с.393. 14. Там же, с.412. 15. Там же, с.402. 16. Там же, с.498. 17. Там же, с.502. 18. Там же, с.198. 19. Там же, с.272.

9. В.Н.Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.,1991. С.92.

Алехина Е.В.: «Смысл жизни человека как проблема антроподицеи в русской философско-богословской мысли начала XX века». В статье автор рассматривает экзистенциально-философский вариант православного богословия, в котором ценность и смысл человеческой жизни раскрываются в противопоставлении эмпирической данности и божественной заданности, индивидуальности и личности, стремления к земному счастью и вечному смыслу жизни человека, а последнего – социально-историческому прогрессу и культурному совершенству. Подчёркивание абсолютной ценности личности соединяется у мыслителей с квиетизмом, антиисторизмом, культурным нигилизмом, что позволяет квалифицировать их позицию как упадочный (пессимистический) утопизм.

Alekhina E.V. «The sence of human life as a problem of antropodicy in russian philosophical–theological mind at the beginning of XX century». In the article author examines an existential philosifical version of Ortodox theology, in which the value and the sence of human life reveals in opposition of empirical data to the divine prescribed, of an individual to person, a striving for the happiness of the earth to the eternal sence of human life and the last – to the social–historical progress and cultural perfection. The emphasizing absolut value of the person connects the theory whis quietism, anti–historical method, cultural nihilism, that allows us to estimate this viewpoint as a decadent (pessimistic) utopism.

Споры об азиатском способе производства в отечественной марксистской литературе

Заявленная в заголовке тема, вероятно, кого-то удивит. Дискуссии о социально-экономической природе обществ древнего и средневекового Востока были жаркими и содержательными, но сейчас они, кажется, в прошлом. Социальных философов куда сильнее интересуют иные, более близкие сегодняшнему дню проблемы. Зачем обращаться к социумам существовавшим за несколько тысячелетий до наших дней, совершенно не понятно.

Зато к проблемам, связанным с сущностью советской системы, обществоведы проявляют неподдельный интерес. Но парадоксальным образом ученые, начиная с К.А.Виттфогеля¹, в поисках параллелей между «восточным деспотизмом» XX века и древней истории не раз обращали внимание на однотипность устройства советского общества и азиатских докапиталистических обществ. Как говорят в таких случаях, история повторяется, и эта повторяемость заставляет искать ответы на актуальные загадки современности в далеком прошлом. По этой причине сходство между «реальным социализмом» и социально-экономическим строем восточных стран заставляет критически рассмотреть дискуссии об азиатском способе производства и, конкретно, вопрос о том, какие именно причины (методологические и политические) были препятствием для создания полноценной концепции азиатской формации. Здесь же возникает другая проблема: о месте и роли теории политаризма в современной социально-философской мысли и о том, каким образом эта теория позволяет решить проблему азиатского способа производства и приблизиться к разгадке советской системы.

Понятие азиатского способа производства является, несомненно, самым спорным звеном формационной теории. Как верно отмечено в работе времен дискуссии 1920 — 30-х годов, сам термин «азиатский способ производства» ничего не говорит о существовании этого строя². Во-первых, слово «азиатский» указывает на локальное значение способа производства, в то время как схема формаций предполагает их общемировое значение и обусловленность каждой формации развитием предшествующей. Азиатская формация тогда оказывается совсем не необходимой для развития человеческого общества, т.е. вовсе не формацией. Во-вторых, в названии «азиатский» не содержится указание на лежащую в основе этого способа производства систему производственных отношений. Это тоже отступление от марксистской традиции, согласно которой формации номинируются по их экономическому базису.

Концепция азиатского способа производства — пусть и в несистемном виде — в работах Маркса и Энгельса, безусловно, представлена. Так же не подлежит сомнению, что и в сравнительно позднем своем творчестве Маркс и Энгельс не раз отмечали своеобразие устройства обществ Востока. Маркс в конспекте книги Дж.Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне» выступает против отождествления индийских земельных отношений с феодальными («Этот осел Фир называет организацию сельской общины феодальной»³). По замечанию Маркса, индийский заминдар (в отличие от западно-европейского феодала) «был, как известно, сборщиком налогов, не землевладельцем»⁴. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «на всем Востоке,

где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует даже самое слово “помещик”». Только турки, по словам Энгельса, впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах «нечто вроде помещичьего феодализма».⁵

Однако Маркс и Энгельс постоянно сталкивались с несоответствиями между собственными теоретическими установками и реалиями Востока. «Ключом к пониманию всего Востока» («вот настоящий ключ даже к восточному небу») Маркс и Энгельс считали «отсутствие частной собственности на землю».⁶ Особое место в трудах Маркса, посвященных восточным обществам, занимает сравнительный анализ трех типов общин — азиатской, античной и германской, — базировавшихся на разных формах собственности. Согласно Марксу, в азиатской общине, в отличие от остальных, «не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник — это община; следовательно, собственность существует только как коллективная собственность на землю».⁷

С другой стороны, Маркс и в ранних и в поздних трудах (сначала в виде гипотезы, а затем опираясь на исследования этнографов, ее подтвердивших) подчеркивал, что отличия общин не носят изначального характера. «Азиатские или индийские формы собственности, — писал он, — повсюду в Европе были первоначальными формами».⁸ Античный и германский типы общин, таким образом, есть лишь дальнейшие ступени эволюции архаичной общины, в азиатском регионе затормозившей в развитии и сохранившейся едва ли не в первозданном виде.

Фактически перед классиками марксизма вставала проблема своеобразия Востока, не укладывавшегося в объяснительные схемы, созданные для западного общества. В наиболее общем виде это своеобразие сводилось к вопросу, почему восточные народы, в отличие от западных, говоря языком все того же Энгельса, «не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности».⁹ Ответ Маркс и Энгельс находили только в своеобразии природной среды, сделавшей, по их мнению, необходимой особую форму ведения хозяйства. Подобное объяснение означало отступление от материалистических постулатов, в соответствии с которыми общество объясняется через составляющую его базис систему производственных отношений. Маркс и Энгельс явно против своей воли и в противовес собственной социальной теории вставляли на позиции географического детерминизма.

В результате целостной концепции азиатского способа производства Марксу и Энгельсу создать не удалось. Рабовладельческий строй признавался ими первой классовой формацией — в этом апологеты «пятичленки» совершенно правы. Однако это не означало, как бы того ни хотелось все тем же апологетам, признания стран Древнего Востока рабовладельческими, равно как феодальными в средние века. Как мы видели, все иначе: длительное сохранение общины азиатского типа в качестве базиса производства не давало Марксу и Энгельсу оснований причислять Восток к социальным типам, известным по западной истории.

Правильнее сказать, что своеобразие азиатских обществ помешало однозначно и непротиворечиво причислить их какому-либо известному типу общественного устройства. Существование государства как органа насилия, но не органа насилия господствующего класса одинаково противоречило представлениям Маркса как о «первичной» (доклассовой), так и «вторичной» (классовой) формациях. С другой стороны, объяснение восточных особенностей свойствами местности, а также выведение рабовладельческого строя из разложения древних общин означает признание чисто локального значения эпохи «восточного деспотизма», ее удаленности от магистрального пути прогресса человеческого общества. Не вписавшись в истори-

ческую концепцию Маркса, Восток, начиная со времени появления государства, по сути остался за рамками истории.

Эта ограниченность ортодоксальной марксистской методологии, не позволившей Марксу решить проблему восточной формации, долгое время была камнем преткновения и для советского востоковедения. Отправной точкой для обращения советских историков к понятию азиатского способа производства были партийные споры о характере китайской революции. Как известно, партийная элита по мере бюрократизации, превращения в новый эксплуататорский класс рвала с идеалами настоящего социализма. Первым шагом в этом направлении было провозглашение, в нарушение марксистской традиции, курса на социализм «в одной отдельно взятой стране». Как писал Троцкий, по мере того, как советская бюрократия становилась все более консервативной, возникала потребность, «чтобы уже совершенная революция, обеспечившая за бюрократией привилегированные позиции, была признана достаточной для мирного построения социализма».¹⁰

Исходя из этого революция в Китае Сталиным была объявлена буржуазной. Согласно Сталину, революция должна была ликвидировать «феодалские пережитки» и открыть дорогу развитию капитализма. В этих условиях коммунистическая партия Китая должна была отказаться на неопределенное время от планов социалистической революции и действовать единым фронтом с буржуазной партией Гоминдан.

Троцкий и его сторонники считали иначе. Ситуацию в Китае они оценивали исходя из концепции «перманентной революции», сформулированной Троцким применительно к российским условиям начала XX века. При неравномерном, «комбинированном» мировом развитии Россия не может рассматриваться как страна, проживающая уже прожитую Западом историю. Наоборот, хотя перед русской революцией стоят буржуазные задачи, в первую очередь, задача решения аграрного вопроса, но новые исторические условия, отличные, например, от условий, в которых совершилась Великая Французская революция, делали невозможным механическое повторение пройденного другими.

Китайская революция, в представлении Троцкого, в силу схожести социально-экономической ситуацией в Китае 1920-х годов и в России в период трех революций должна была стать одним из шагов развития «перманентной революции».¹¹ Общность положения этих двух, равно как и остальных, неразвитых стран диктовала общность действия. «История последних десятилетий, — позднее писал Троцкий, — особенно наглядно свидетельствует, что, в условиях капиталистического упадка, отсталые страны лишены возможности достигнуть того уровня, которого успели достигнуть старые метрополии капитала... Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства: таков закон комбинированного развития отсталых стран».¹²

Позиции Сталина и Троцкого в отношении китайской революции нашли свое отражение в спорах историков по проблеме азиатского способа производства. Исследователи, выражавшие официальную точку зрения, объявляли предреволюционный Китай феодальным. По их замыслу, господство феодализма ставит на повестку дня его искоренение, чтобы дать дорогу капитализму, естественным образом вырастающему из феодального строя. С этой точки зрения китайская революция может быть только буржуазной и никакой другой.

К совершенно иным выводам приходили сторонники концепций азиатского способа производства. Например, ключевым для ряда статей Е.В.Варги является

вопрос о том, «предстоит ли Китаю капиталистический или некапиталистический — в смысле возможности «перепрыгнуть» через стадию развитого капитализма — путь развития?». ¹³ Ответ Варга ищет в сопоставлении условий развития капитализма в Западной Европе преддверия буржуазных революций и в современном автору Китае. Западный промышленный капитализм, в изображении Варги, вырос из «естественным» путем, на почве длительного мануфактурного периода. Но в Китае подобного «естественного» развития автор не находит. Капитализм в Китае, как отмечает Варга, появился в результате привнесения империалистическими державами. Этим объясняется слабость национальной китайской буржуазии и ее ориентация исключительно на обслуживание интересов западного капитала, нуждающегося в Китае как рынке сбыта собственной продукции и источнике сырья для нее.

Итак, понятие азиатского способа производства оказывалось тем ключом, с помощью которого можно было оценить перспективы китайской революции. Вопрос заключался лишь в том, чтобы дать самому азиатскому способу производства полноценное определение, согласованное с основными положениями марксистской теории.

Эту задачу пытались решить Л.И.Мадьяр, а также выпустившие совместную монографию М.Кокин и Г.Папаян. Всем им была очевидна несовместимость азиатского строя с формациями, известными по западной истории. Относить экономическое устройство древнего Востока к феодальной формации — несмотря на четкое представление об определенном их сходстве — все эти авторы отказывались по тем же причинам, что и Варга — из-за отсутствия класса феодалов и феодальной собственности на землю. ¹⁴ В то же время Кокин и Папаян проводили строгое разграничение между античными обществами, основанными на рабовладении, и восточными странами, в которых «рабство могло существовать, но не оно давало основной тон.., играя подчиненную роль». ¹⁵

Более четко Кокин и Папаян сформулировали свои взгляды в ходе дискуссии об азиатском способе производства. Кокин, выступавший на дискуссии (точнее, на одном из ее этапов) в качестве содокладчика, анализируя причины возникновения государства, в качестве «основного, определяющего момента» назвал имущественную дифференциацию и только на втором месте — «особый характер производственного процесса». ¹⁶ «Имущественные различия, — говорил Кокин, — являющиеся условием создания классов, а следовательно, и аппарата угнетения одного класса другим — государства, имеет место не между отдельными семьями, а между общиной в целом и частью этой общины — тем аппаратом, обслуживающим общину, который, именно благодаря своему имущественному превосходству, мог занимать положение руководящей группы, а с другой стороны, благодаря своему имущественному положению, мог “богатеть”». ¹⁷

И все же окончательное и последовательное решение проблемы происхождения классов и государства здесь — не более чем видимость. Камнем преткновения опять — как до того у Мадьяра, а еще раньше у Маркса с Энгельсом — стала проблема частной собственности. Если присмотреться, то имущественным расслоением Кокин и Папаян подменили так и не найденные отношения частной собственности на средства производства. С точки зрения авторов, напомним, коренное отличие азиатской формации от феодальной проявлялось как раз в преобладании государственной собственности на землю — в том, что в азиатском обществе «господствует “феодал” не в поместном, а в общегосударственном масштабе». ¹⁸ На роль собственника восточный «сатрап-чиновник», в описании Кокина и Папаяна, не подходил:

он «никак не владел районом, в котором он “сидел”, а получал право на присвоение части ренты-налога с данного района на то время, в течении которого он стоял во главе его». ¹⁹ Более того, именно «появление частной собственности на землю знаменует разложение азиатского способа производства». ²⁰

Между тем, в ходе дискуссии прозвучала поистине провидческая догадка о действительном значении азиатского способа производства для мировой истории, равно как и о настоящем смысле формационной теории. С.И.Ковалев, выступивший на стороне концепции азиатского способа производства, отстаивал однолинейную схему формаций, но предостерегал, что «эту однолинейность не нужно понимать вульгарно». ²¹ По мнению Ковалева, азиатский способ производства, хотя и наблюдался в истории ограниченного количества стран, имеет общемировое значение.

Ключевая ошибка «формационщиков» (и на это Ковалев, по сути, указал в своем выступлении) как раз и состояла в той самой «вульгарной однолинейности» — понимании формаций только как стадий развития каждого отдельного общества. Когда выяснялось, что через какие-то стадии те или иные общества не проходили, начиналась методологическая неразбериха, приводившая, как в случае с Плехановым, к фактическому отказу от важнейших положений формационной теории и исторического материализма в целом. Выступление Ковалева, пусть только в общих чертах, содержит указание на возможность иной интерпретации формационной схемы. Ковалев вплотную подошел к терминологическому разграничению, в будущем сделанному Ю.И.Семеновым, между обществом как самостоятельной единицей исторического процесса и человеческим обществом в целом и тем самым к трактовке формаций как стадий развития человеческого общества в целом.

Так же заметно ближе современников Ковалев оказался и к решению проблемы классов в восточных обществах. Классом-эксплуататором он, как и многие другие историки, считал государственный аппарат. Однако базисом эксплуатации, с точки зрения Ковалева, являлось коллективное владение бюрократией средствами производства. ²² Здесь Ковалев, опять-таки в самом общем виде, предвосхищает открытие корпоративной формы частной собственности, которое, собственно, и позволит преодолеть географический детерминизм в отношении восточных обществ и связанную с ним теорию возникновения государства из хозяйственных нужд.

Можно сказать без всякого преувеличения, что в дискуссиях рубежа 1920-х — 30-х гг. были намечены контуры будущего решения проблемы восточной формации. Так же совершенно очевидно, что в сугубо научном плане «азиатчики» были убедительнее теоретиков «восточного феодализма». Тем не менее, в рамках дискуссии именно сторонники азиатской формации были обречены на поражение. Наука в данном случае была не при чем — вмешалась политика.

Прежде всего, поражение «азиатчиков» было обусловлено, как уже сказано, общей установкой на борьбу с «троцкизмом». Сам ход дискуссии показал, что за недостаток более весомых научных аргументов противники азиатского способа производства с лихвой возмещали ссылками на политическую несознательность оппонентов. Е.Июлк в числе многих других предупреждал, что «концепция азиатского способа производства может служить (и часто служит) почвой, питательной базой для политически неверных троцкистских теорий». ²³ М.Годес, со своей стороны, великодушно заявил, что не принадлежит «к числу тех, кто за одно признание азиатского способа производства готовы зачислять своих противников в троцкисты». Но добавил, что «теория азиатского способа производства... не только извращает методологию марксизма в коренных вопросах истории, но и политически вредна как те-

ория, смазывающая вопрос о пережитках феодализма на современном Востоке».²⁴

Существовал и другой мотив преследования «азиатчиков» вплоть до физического истребления почти всех из них. В западной общественной науке, как уже сказано, давно пришли к выводу о принципиальном сходстве «реального социализма» и строя азиатских обществ. Понятно, что в Советском Союзе подобные выводы были невозможны в принципе; по той же причине табу было наложено на само понятие азиатского способа производства. Представление о восточной специфике было приравнено к ереси, отступничеству от марксизма и от линии партии. На Востоке теперь все исследователи должны были находить те же стадии развития, которые наблюдались в западной истории. В соответствии с официальной «пятичленкой» Древний Восток теперь объявлялся рабовладельческим и этой версии должны были придерживаться недавние теоретики азиатского способа производства.

Перед поборниками «официального марксизма» встала проблема несоответствия понятия рабовладельческого общества и эмпирических данных по истории Востока. Почти все сторонники «пятичленки», хотя и отстаивали представления о «рабовладельческом Востоке», не могли не признавать существования заметных различий в социально-экономическом устройстве античных и древнеазиатских обществ. Задача состояла в том, чтобы представить эти различия как чисто количественные, непринципиальные отклонения в рамках одной и той же формационной модели. Не стоит удивляться, что никому в отечественной науке так и не удалось последовательно провести концепцию рабовладения на Востоке.

Сторонники понятия азиатского способа производства справедливо отказались от упрощенного до примитивности понимания как схемы формаций, так и типов формационного устройства в духе пятичленной исторической периодизации. Как стало ясно, история куда сложнее, нежели можно представить из принятой в СССР официальной «квзимарксистской» догматики. В то же время ограниченность теоретического инструментария не позволяла ни последовательно объяснить самого социально-экономического устройства восточного общества, ни вписать это устройство в общую историческую схему. Это и было непреодолимым препятствием: сознательно отказываясь от догматического марксизма, историки уже вопреки собственной воле отходили и от марксистского метода. Как следствие рождался естественный вопрос о том, является ли восточная история прямым опровержением марксизма?

Решение вопроса — благоприятное для марксизма — было представлено в работах современного марксиста Ю.И.Семенова. Как показал этот ученый в своих ранних исследованиях, формации — стадии развития общества вообще, в то время как каждое конкретное общество проходит лишь через некоторые из этих стадий. Поэтому, «хотя в каждую историческую эпоху сосуществуют социальные организмы, относящиеся к разным ступеням развития, но каждая крупная историческая эпоха характеризуется определенной общественно-экономической формацией, которая является ведущей, и под знаком которой проходит вся данная эпоха».²⁵ Эта формация определяет стадию, на которой находится человеческое общество в целом.

Новая трактовка формационной теории подразумевает подход к истории как к единому процессу, проявляющемуся частным образом через конкретные общества, а не как к простой сумме историй этих отдельных обществ. «Система, являющаяся центром всемирно-исторического развития, — пишет Семенов, — оказывает влияние если и не на все, как, например, капиталистическая в эпоху своего расцвета, то во всяком случае на множество окружающих ее социальных организмов, которые

находятся на более низких ступенях развития. Отставшие в своем развитии народы, оказавшись в зоне влияния системы более передовых социальных организмов, получают возможность усвоить их достижения в области материальной и духовной культуры и продвинуться вперед, минуя те стадии развития, которые человечество в целом уже прошло».²⁶

Переход от одной формации в рамках одного и того же общества — лишь частный случай социальной революции. В более ранние эпохи она происходила способом, названным Семеновым «формационным сверхвозвышением» или «ультрасупериоризацией», когда в результате взаимодействия с обществами передовых социально-экономических типов отсталые общества «перепрыгивают» через этот уровень и выходят на еще более высокий».²⁷ Исходя из такой трактовки открывается возможность для полноценного изучения азиатского способа производства, который теперь перестает быть промежуточным моментом истории, следствием местных особенностей и свидетельством незрелости производственных отношений. Такая трактовка формационной теории позволяет не сводить производственные отношения азиатской формации к ранее известным формам — рабовладельческой или феодальной — но позволяет увидеть качественное своеобразие первой классовой стадии развития.

Другое открытие Семенова — общеклассовой частной собственности — позволяет нащупать общий экономический базис советских и восточных обществ. В обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же — политарным способом производства, и политарным строем или политаризмом (от греч. «полития», «политея» — государство). Основные принципы политаризма Семеновым сформулированы в работах 1980-х гг., главным образом применительно к «азиатской» формации.²⁸ Основопологающим признаком политаризма является корпоративная (общеклассовая) частная собственность на средства производства, то есть собственность, при которой частными собственниками (эксплуататорами) являются все члены правящего класса вместе, но никто из них в отдельности. Это означает, что, в отличие от обществ, основанных на персональной частной собственности (например, в капиталистическом обществе), не владение собственностью на средства производства обуславливает принадлежность к эксплуататорскому классу, но, напротив, принадлежность к определенной группе людей — государственному аппарату — делает частным собственником наряду с другими членами государственного аппарата и только на время пребывания в его составе.

Тем самым, корпоративная частная собственность — первый признак политаризма — юридически выступает в роли государственной. Этот признак предопределяет два последующих. Члены правящего класса (государственного аппарата) образуют политосистему — второй признак политаризма — иерархическая система распределения прибавочного продукта среди членов правящего класса с политархом на ее вершине. Наконец, третий признак следует из двух предыдущих. Обладание классом политаристов полной или верховной собственностью на средства производства предполагает и верховную собственность на личности производителей, в том числе права на жизнь и смерть. В то же время иерархия политосистемы предполагает безграничную власть политарха над другими членами правящего класса. Поэтому функционирование и особенно становление политарного общества не могло обойтись без направленного против «потенциальных врагов» в терминологии Арндт систематического политарного террора.²⁹

Обобщить сказанное в статье можно в следующих выводах.

1. Поражения (по крайней мере, официально признанные таковыми) «азиатчиков» в дискуссиях 1930-х и 1960-х годов были вызваны в значительной степени политическими причинами, сводившимся к несоответствию содержания концепций азиатского способа производства идеологическим потребностям бюрократии.

2. В то же время превращению представлений об азиатском способе производства в органическую часть формационной теории препятствовала методологическая узость ортодоксального марксизма: понимание формационного развития, в основном, как параллельного движения конкретных обществ, а частной собственности на средства производства – непременно как личной собственности отдельного владельца.

3. Теория политаризма, основанная на понятии корпоративной (общеклассовой) частной собственности и глобально-стадиальной трактовке исторического процесса, позволяет представить «азиатский» способ производства первой антагонистической формацией.

4. Сохранение многочисленных древнеполитарных обществ наряду с более прогрессивными рабовладельческими означает, что существуют пути развития конкретных обществ, помимо магистрального, совпадающего с путем развития человеческого общества в целом. Отсюда следует, что социально-экономический строй стран советской системы является одним из исторических ответвлений, которое не надо всеми загонять в «пятичленную» схему формаций, объявляя его, вопреки здравому смыслу, «социалистическим».

5. Теория политаризма дает ответ на вопрос о классовой природе советского общества. Благодаря этой теории становится понятным проявление в XX веке сходного феномена тоталитаризма в рамках принципиально различных общественных типов (капиталистического и обществ «реального социализма»).

Таким образом, теория политаризма оказывается средством преодоления кризиса марксистской методологии и импульсом для ее дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Wittfogel К.А. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale univ. press, 1957. – 556р.

2. Кокин М., Папаян Г. «Цзинь-Тянь». Аграрная история древнего Китая. – Л.: Изд-е Ленинградского Восточного института им. А.С.Енукидзе, 1930. – С.65 – 66.

3. Маркс К. Конспект книги Дж.Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне» // Народы Азии и Африки. 1964 №1. С.75.

4. Там же. 1965 №1. С.56.

5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т.20. С.181.

6. Маркс – Энгельсу 2 июня 1853 года // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т.28. С.215; Энгельс – Марксу 6 июня 1853 года // Там же. С.221.

7. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция. 1939 №3. С.158.

8. Маркс – Энгельсу в Манчестер 14 марта 1868 года // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т.32. С.36.

9. Энгельс – Марксу. С.221.

10. Троцкий Л.Д. Перманентная революция // Троцкий Л.Д. Перманентная революция. – М.: АСТ, 2005. – С.312.

11. Там же. С.428, 431.

12. Троцкий. Преданная революция. – М.: НИИ культуры, 1991. – С.7.
13. Варга Е. Перспективы китайской революции // Мадьяр Л. Очерки по экономике Китая. – М.: Изд-во коммунистической академии, 1930. – С.278.
14. Мадьяр Л. Предисловие // Кокин, Папаян. Указ. соч. С.ЛIII; Кокин, Папаян. Указ. соч. С.75 – 76.
15. Кокин, Папаян. Указ. соч. С.91.
16. Кокин М. В защиту азиатского способа производства // Дискуссия об азиатском способе производства. – М. – Л.: Гос. социально-экономическое издательство, 1931. – С.48.
17. Там же. С.47.
18. Кокин, Папаян. С.76.
19. Там же. С.75.
20. Там же. С.82.
21. Дискуссия об азиатском способе производства. С.79.
22. Там же. С.80.
23. Там же. С.62.
24. Годес М. Итоги дискуссии об азиатском способе производства // Дискуссия об азиатском способе производства. С.20.
25. Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для науки // Вопросы истории. 1966 №8. – С.92.
26. Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. – М., 1978. – С.80.
27. Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. – С.257.
28. См.: Семенов. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1980; Он же. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. – М., 1982; Он же. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988 №2.
29. Семенов. Философия истории. С.438 – 439, 502.

В статье Ермолаева С.А. анализируются причины – методологические и политические, – по которым гипотеза Маркса об азиатском способе производства осталась на периферии советской историографии. Отдельно рассматривается теория политаризма, объясняющая своеобразие докапиталистических восточных обществ в терминах формационного подхода.

The article focuses on methodological and political reasons accounting for the fact that Marx's hypothesis about Asiatic mode of production never left the periphery of the Soviet historiography. A separate part of the article is dedicated to the theory of politarism, which can explain specific features of the pre-capitalist oriental societies in terms of formation method.

Иванов И.С.,
аспирант кафедры социологии
Московского государственного
университета сервиса

Теоретико-методологические подходы к исследованию проблем молодежи

Статья посвящена историко-теоретическому анализу основных этапов конструирования молодежного вопроса в отечественной и западной академической литературе, а также политическим и идеологическим факторам, влиявшим на его переосмысление. В ней рассматриваются наиболее значимые подходы к определению молодежной политики и молодежной проблематики в советское и постсоветское время.

Молодежная политика в СССР - один из самых удачных и эффективных экспериментов формирования теоретико-идеологического конструкта «советской молодежи» как субъекта социальных преобразований и его практического применения.

Основные теоретико-идеологические подходы к молодежи соотносятся с самой историей молодежного движения в СССР. Большевистский подход отличался не только стремлением к использованию культурно-энергетического капитала молодежи, ее физического и духовного потенциала, но и утверждением значимости молодежной субъектности, коллективной энергии, демонстрацией молодежи в качестве «надежды всего прогрессивного человечества». Заинтересованное отношение к молодежному вопросу прямо выражалось в политике мобилизации молодежи, поддерживалось системой образования и воспитания, развитой инфраструктурой и богатыми ресурсами.

Этапы формирования собственно научных понятий, связанных с институционализацией социологии молодежи: часть из них диктовалась идеологическими установками. Краткий период хрущевской оттепели, проведение ряда серьезных и глубоких исследований молодежного мира, перевод ряда работ западных авторов и серии критических публикаций, сменился господством официального «мейнстрима», внутри которого молодежный вопрос был модифицирован, отражая политические «страхи» застойного периода и идеологической борьбы «за молодежь и ее нравственность». Предперестроечные теоретические конструкты представляли молодежь как возрастную группу в «единой общности - советского народа». Язык того периода отличали наукообразие, высокий уровень абстракции, объектный подход к молодежи как экономическому, культурному и идеологическому ресурсу поступательного развития советского общества.

Провозглашение политического курса на гласность, ускорение, а затем и перестройку сказалось на изменении содержания и тональности исследований молодежного вопроса. Мнения о молодежи перестают звучать в едином ключе, дифференцируются и множатся. Наш анализ строится на выявлении степени приверженности авторов или их отхода от советских образов теоретизирования. Произошел распад триединства между идеологическим теоретизированием, государственной молодежной политикой и собственно молодежной практикой. В академических подходах этого периода выделяется три «волны».

Первая была связана с реакцией на новые политические установки, что выра-

зилось в смешении противоположных представлений: советского и «нового» (показательна работа «Социализм и молодежь» / Под ред. И.М. Ильинского, 1988).

Кроме «западного влияния» и «отдельных отклонений, связанных с проблемами комсомольской работы», появляется описание молодежных проблем, связанных с необходимостью преодоления «наследия застойного периода» в обновляющемся обществе.

Вторая волна была связана с осмыслением новых молодежных практик - неформальными молодежными объединениями, обсуждением новых молодежных тем в печати, научной и популярной литературе «в духе перестройки», появлением статей про металлистов, панков, рокеров, волнистов, религиозные группы и т.д.

Научно-исследовательский Центр ВКШ, а также Институт социологии РАН публикует много работ, посвященных неформальным молодежным объединениям. Некоторые из них (конца 80-х начала 90-х) отразили наметившийся перелом в теоретизировании молодежного вопроса в отечественной социологии, в частности выпущенный под эгидой ИСИ РАН сборник «Молодежь: актуальные проблемы социального развития. Сборник научных трудов советских и чехословацких социологов», 1988. Появились предпосылки кардинального пересмотра концепции молодежи («Социальное развитие советской молодежи: показатели и тенденции. Программа социологического исследования. Выпуск 1. — М.: Институт социологии АН СССР, 1989). Предлагается многоуровневый анализ самых разных молодежных практик того периода, а в сборнике того же института: «Молодежь России на рубеже 90-х годов (1992) - очевидный отход от рассмотрения молодежных девиаций как следствия «дурного влияния Запада» (А. Кабатеков, Ю. Качанов, И. Лаумянскайте, С. Митрохин, В. Писарева, В. Семенова, М. Топалов), причем в него включены и работы западных авторов.

К этому же времени относится формирование третьей волны: полемика о молодежи как «социальной проблеме». Предлагается гипотеза о том, что отечественный опыт проблематизации молодежи не является неким повторением или калькированием западных образцов, а своеобразным продолжением поздних советских исследований. Работы этого периода (А. Запесоцкий, Ю.А. Зубок, И.М. Ильинский, В.Т. Лисовский, Б.А. Ручкин, В.И. Чупров и др.), развивая новые подходы, часто обращаются к западному академическому опыту, тем более что западные ученые и центры стали активно привлекать к своим исследованиям российских социологов.

Приоритеты фондов и собственные исследовательские интересы западных коллег начали активно влиять на реструктурирование тематики исследований.

Проблематизация молодежи, преимущественный акцент на девиантных активностях и типах идентичностей, ставшие приметой многих работ этого периода, связаны с этой новой политикой. Работы обобщающего характера опираются в основном на данные массовых опросов и статистику. Проблематизация, как принцип теоретического осмысления эмпирических материалов, характерна преимущественно для работы с количественными данными. Различия между названными подходами связаны не только с мерой воспроизведения западных теорий или возврата к советской научной лексике долженствования, но и широтой задач, которые ставятся исследователями. Растет интерес и к качественной методологии.

Среди основных черт современного этапа конструирования молодежного вопроса можно выделить:

- отсутствие очевидных, борющихся или солидаризирующихся друг с другом исследовательских позиций, данный этап определяется как «ситуация поиска»;

- поверхностные и обобщающие характеристики молодежных идентичностей, игнорирование реального многообразия и многоголосия современных молодежных практик;

- сохраняющееся представление о молодежи как социальной функции или коллективном субъекте, обязанном выполнить некий долг перед обществом.

Одни исследователи продолжают работать в рамках советских традиций идеологизированной науки, адаптированной к новым условиям. Другие используют структурно-функционалистский научный аппарат. В результате молодежь вольно или невольно унифицируется и превращается в функцию трансформирующегося общества. Третьи начинают исследовать отдельные молодежные феномены, обходя вопросы «больших теорий». Подобный теоретический дефицит характерен не только для отечественной социологии молодежи.

Классическими считаются теории С. Холла, К. Маннгейма и Т. Парсонса. Открытие феномена подростковости приписывается американскому психологу Г.С. Холлу. В своей работе «Психология подростковости» автор доказывал, что развитие индивида повторяет развитие общества, оба процесса являются эволюцией из состояния примитивной дикости к цивилизованной зрелости.

Вторым конструктом, связанным с биополитическим прочтением «молодежи как проблемы», является концепция «поколения», (К. Маннгейм). Оно интерпретируется как формируемое под влиянием исторически сложившихся обстоятельств. Особая роль отводится поколенческому сознанию, которое в периоды резких социальных изменений или нестабильности помогает отделить друг от друга значимые культурные символы. Поколения, следуя трактовке Маннгейма, - это социальные группы, которые идентифицируют себя в роли активно причастных к движению истории.

Понятие «молодежь» входит в научный обиход вместе с понятием «молодежная культура» (Т. Парсонс), о чем говорилось выше. Молодежный вопрос рассматривается в терминах специфических структурных напряжений, возникающих в переходе от традиционного к современному обществу.

Подростковость – период «структурированной безответственности», «мораторий» между детством и взрослостью. В развитие этих идей Ш. Айзенштадт утверждал, что разрыв в постепенности способствует формированию новой структурной позиции молодых людей, что ведет к возникновению новых социальных институтов, призванных «обслуживать» их социализацию. Одним из них становится молодежная культура. Серьезным вкладом в социологию молодежи стало введение Айзенштадтом понятия «групп сверстников» (peer groups). Они контролируют движение от частных ценностей к общим, поддерживают первые шаги молодых людей вне семьи, знакомят их с другими возможными путями в жизни, помогают социальной идентификации.

Последующее развитие западных молодежных исследований привели ученых к необходимости серьезной критики этих моделей молодежи, подростковости и молодежной культуры. В фокусе критики оказались «гендерная слепота», этногеографический и исторический центризм этих конструктов.

В литературе рассматриваются также психоаналитические подходы к молодежному вопросу, в которых особое внимание уделялось формированию подростковой сексуальности. Заслугой психоанализа была популяризация и нормализация понятия подросткового «шторма и натиска», «кризиса идентичности» по Э. Эриксону. В работах В. Райха, австрийского психолога и социального мыслителя, предпринята

попытка соединить психоанализ с марксизмом. Он доказывал, что освобожденная от морального стеснения и материального принуждения либидозная энергия станет гармоничной частью борьбы за строительство жизнеутверждающей культуры, может вырваться из пут буржуазной морали.

Более усложненный вариант фрейд-марксистского взгляда на подростковую и молодость развивался в рамках Франкфуртской школы, труды представителей которой не были связаны напрямую с молодежным вопросом, однако оказали большое влияние на его более глубокое понимание. В фокусе их исследовательских интересов были новые социальные и культурные формы трансформаций при переходе от смены «раннего» капитализма к «позднему» и изменяющиеся модели семейных авторитетов. Предвестниками новой цивилизации Г. Маркузе считал движение хиппи.

Однако «гибридные» концепции, соединявшие психоанализ с марксизмом, не привели к более адекватному пониманию молодежного вопроса, невнимание к фактам рождения, пубертатности, взросления и смерти, к специфике семейных форм воспроизводства привели авторов этих теорий к поверхностному взгляду на молодежь.

Образ молодежной девиантности и концепт («фрейм») остается преобладающим как в западной, так и отечественной постперестроечной социологии. Криминально-паническая проблематизация молодежи сформировалась, по мнению английской исследовательницы К. Гриффин, в виде отдельного течения академической мысли к концу XIX века.

Молодежь «появилась» на улицах растущих индустриальных городов Европы, «требуя» отдельного, внесемейного, соседского и общинного контроля. Паники относительно «опасных классов» привели к изменениям судебной системы западных обществ и порядка судебного надзора за подростками.

Для многих ученых «обнаружение» молодежи и явилось стимулом ее изучения. Факт рождения социологии молодежи самым непосредственным образом связан с анализом и интерпретациями феномена молодежных группировок.

Особая роль в фокусировании внимания на молодежную девиантность принадлежит Чикагской школе, функционализму и теориям раннего распознавания преступника. Чикагские социологи изучали образ жизни группировок из городских трущоб, механизмы наследования норм и ценностей этой культуры. Центральным понятием в объяснении молодежной девиации была утрата молодежью социальных норм и использование конструкта «естественного мира». Функционалисты обратились к понятию «аномии» в интерпретации Р. Мертона, который рассматривал девиантное поведение как следствие разрыва между притязаниями личности и наличными возможностями для их реализации. Поэтому девиантное поведение наиболее характерно для молодежи бедных кварталов больших городов.

Другой подход связан с работами позитивистских криминологов, в которых правонарушения описывались как продукт влияния преступно-ориентированных родителей. К. Гриффин предложила классификацию концепций девиантности/ делинквентности, как клинических (подлежащих разным видам лечения), возражая против теории ярлыков. Не менее распространенной была идея «потребительских девиаций» (сексуальных, особенно проституция).

Преступники умышленно переворачивают доминирующие в обществе социальные ценности, которые ограничивают их возможности. Преступность включает в себя некие «неуместные, несоответствующие выражения», которые разделяются

всеми без исключения (в обществе в целом), но существуют как скрытые социальные ценности.

В английской социологии молодежи была предложена теория «транзакционизма» с акцентом на моральные паники. Смысл этого подхода в том, что девиантное поведение не есть некая психологическая предрасположенность отдельных индивидов, а процесс «обучающей» социализации. Публичная вербализация «девиантности» группы оказывается решающей в завершении процесса самоидентификации. Основной вывод теории - важно исследовать специфику реакций взрослых, поскольку навешивание ярлыков способно интенсифицировать «девиантность».

Вплоть до этого времени молодежные исследования практически не включали в сферу своего внимания «другую» молодежь, в частности, женщин, представителей других рас и других континентов. Это упущение привело, по мнению Ф. Коена, к «великому моральному разграничению», просуществовавшему в западной социологии молодежи вплоть до конца 60-х годов XX в. Молодежь была поделена на «добропорядочных молодых граждан» и на «вредный для общества балласт».

Ключевыми понятиями американских подходов в литературе был «молодежный мятеж», английских - «символическое сопротивление», «моральные паники», «медиа - конструирование».

Контркультурные конструкты в большей степени нашли отражение в философской литературе и получили широчайший резонанс в художественном творчестве (рок-музыке, культуре хиппи и их многочисленных последователей), тогда как субкультуры исследовались и описывались, прежде всего, в рамках социологических и культурологических исследований.

Господствующей идеей понимания молодежной культуры в американской традиции была «идея мятежности». В центре внимания теоретических дискуссий и исследований в Великобритании оказались особенности молодежных культур, отражавших изменения в послевоенной классовой структуре.

Стилистическое разнообразие молодежных сцен того периода объяснялось разрывом преемственности в воспроизводстве классовых культур. Большое значение придавалось раскодированию смыслов различных стилей одежды, музыки, территории и других языков взаимодействия внутри групп сверстников.

Субкультурный подход разрушает представление о некоторой единой «молодежной культуре». Понятие субкультуры помогает конструировать альтернативную социальную реальность, которая поддерживается не только группой близких приверженцев, но и символической солидарностью, преодолевая любые расстояния, национальные и культурные ограничения.

Субкультурный подход был критически осмыслен. Молодежные группы не полностью вписывались в эту модель, поскольку продолжали зависеть от своей классовой принадлежности и от доминирующих в обществе институтов семьи, школы и места работы; их культурные стили оставались чертами их досуговой активности.

Сторонники феминистского подхода главным недостатком субкультурных теорий считали полное игнорирование участия девушек в субкультурах. «Маскулинность» мальчиков бралась за основу, «сопротивление» определялось исключительно в терминах класса и расы, при этом не обсуждалось доминирование особых сексуальных норм (например, гейская и лесбийская субкультуры).

Помимо «гендерной слепоты» и этноцентризма субкультурные теории были уязвимы и в понимании молодежного вопроса в целом. Сложилась специфическая ситуация, когда молодежь, не вовлеченная ни в какие эпатажные активности, прос-

то перестала интересовать социологов.

В публикациях последних лет можно встретить понятие «смерти субкультур». С. Редхэд предлагает заменить «классовый» термин «субкультура» на «клубкультуру». Серьезный вклад в развитие дискуссии о глобально-локальном измерении современных молодежных сцен внесли работы Х. Пилкингтон.

Благодаря дискуссии о глобализации и культуре, исследователи стали изучать «периферийную» молодежь. Ключевые вопросы затрагивали особую чувствительность молодежи к глобальной культуре. Важно было понять, насколько глобальные культурные продукты и рекламные бренды сказываются на формировании нового типа молодежного культурного «мейнстрима». Чтобы понять особенность «локальности», западные ученые все чаще начинают обращаться к идеям своих коллег из (географически) незападных и несевверных стран. Молодежные культурные исследования обогащаются междисциплинарными проектами.

К основным идеям этого новейшего направления следует отнести: отход от западоцентризма, акцент на выборе жизненной стилистики и на индивидуализме в описании идентичностей; относительное пренебрежение социальными различиями, включая классовые, национальные и статусные. Были предложены новые понятийные конструкции: жизненные стили и «новые племена» (neo-tribes).

Главным в этих типах групп считается возможность тактильного влияния членов группы друг на друга, а центральными понятиями новых подходов остаются «индивидуализм», «потребление» и «риск». Практически все исследователи, принадлежащие к «новой» волне, единодушны в том, что молодежь привилегированного или среднего класса является самой активной в потреблении глобальной культурной продукции.

Исследования, проведенные в России, показывают, что, например, тот или иной музыкальный жанр или стиль могут восприниматься молодежью как альтернативный, так и в качестве «нормального».

Несмотря на серьезную критику в рамках западных традиций биополитических и исторических понятий «подростковости», «пубертатности», «поколенческого сознания», большую часть XX века социологи подходили к определению сущности «молодежного вопроса» в контексте ее «природной», «естественной» девиантности.

Основными теоретическими рамками конструктов молодежной девиантности/делинквентности оставались субкультурные теории и структурные концепции «транзиции», в результате чего так называемый молодежный мейнстрим («нормальная» молодежь) оказался вне научного интереса.

Большая часть исследований молодежной активности акцентировалась исключительно на подростках и молодежи мужского пола, девочки и молодые женщины долгое время оставались «невидимыми». Гендерная слепота, этно и евроцентризм, а также рамки классовой теории марксизма явились ключевыми факторами кризиса субкультурных и структурных конструктов «молодежного вопроса».

Современную повестку дня «молодежного вопроса» в западной социологии молодежи отличает повышенное внимание к формированию новых форм молодежных идентичностей и практик, развивающихся в контексте глобально-локальных культурных взаимодействий.

Если для западных ученых наиболее актуально критическое осмысление проблемных конструктов «молодежного вопроса», то в российской социологии молодежи они начинают активно разрабатываться, что может быть расценено как кризисное состояние научной отрасли. Основным недостатком обеих научных традиций

признается недостаточное внимание ученых к изучению молодежной повседневности и особенностям формирования различных молодежных идентичностей в условиях расширения информационного пространства, усложнения характера взаимодействия глобальных и локальных культурных потоков, а также фрагментации, субъективации и виртуализации социальной реальности, стимулирующих развитие индивидуальных стилевых стратегий, новых техник выживания в меняющихся обстоятельствах жизни, расширении пространства «молодости» за счет использования ее символики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Социализм и молодежь / Под ред. И.М. Ильинского. - М., 1988.
2. Молодежь: актуальные проблемы социального развития. Сборник научных трудов советских и чехословацких социологов. - М.: ИСИ РАН, 1988.
3. Социальное развитие советской молодежи: показатели и тенденции. Программа социологического исследования. Выпуск 1. — М.: Институт социологии АН СССР, 1989.
4. Молодежь России на рубеже 90-х годов. Сборник научных трудов. - М.: Институт социологии АН СССР, 1992.

Статья посвящена историко-теоретическому анализу основных этапов конструирования молодежного вопроса в отечественной и западной академической литературе, а также политическим и идеологическим факторам, повлиявшим на его переосмысление.

This article is all about analysis (both historical and theoretical) of main stages of evolution of “youth issue” in Russian and western academic literature. It also describes political and ideological factors that affected that process.

Криволапова Ю.К.,
аспирантка кафедры философии
Курского государственного университета

Искание сущности человеческого бытия на пути к абсолютному идеализму (по работам Ф. Шлегеля 1802 – 1808 гг.)

Философские взгляды Шлегеля менялись на протяжении творческой жизни, в связи с чем попытка сформулировать целостную антропологическую концепцию испытывает определенные затруднения. Мы рассматриваем работы Шлегеля первого десятилетия XIX века, потому что его философские воззрения в них изложены наиболее глубоко и развернуто, а антропологическая концепция обретает онтологическое основание.

Согласно «Развитию философии в двенадцати книгах» исследование всех видов философии и их критика должны быть научным построением всякой философии. Идеализм Шлегель считал единственным видом философии, находящимся на верном пути и имеющем будущее. Во введении Шлегель дает краткую дефиницию философии: «познание внутреннего человека, причин природы, отношения человека к природе и его связи с ней или, поскольку еще нет реальной завершенной философии, стремление к такому познанию». [1] Человек в теории Шлегеля, как мы видим, является центром, стягивающим на себя все философское знание. В соответствии с этой дефиницией Шлегель излагает свою триединую теорию: психологию, или теорию сознания (познание внутреннего человека), теорию природы (познание причин природы) и теорию человека (познание отношения человека к природе и его связи с ней).

По мнению Шлегеля, в попытке рассматривать духовное как высшее начало на верном пути находятся идеалисты, но он считает, что более правильно «попытаться вывести первоначало философии не из познавательной способности, а из какой-либо другой человеческой способности, из способности желания и чувствования, из побудительной способности...». [2] Более того, Шлегель высказывает положение, которое показывает нам, что он находится на другом в отличие от интеллектуальных философов пути: «Бог есть любовь». «Таким образом, не рассудок (*Vernunft*), не разум (*Verstand*) принимается за высшее, но любовь; разум выводится из нее, а не наоборот...» [3] Это положение предвещает развертываемую далее теорию Шлегеля и одновременно является ее квинтэссенцией.

В теории сознания подлинным противоречием для нашего *я* является ощущение себя конечным и бесконечным одновременно. Это антиномия ощущения. Представляя себя ограниченными и конечными, мы убеждаемся в бесконечности нашего *я*. *Я* является вместилищем нашего существа, всего мира и Бога, и в качестве его может быть только бесконечным. Сама идея бесконечности содержится в *я*. Шлегель соединяет бесконечное в *я* с конечным в мире через понятие становления. Конечное ограничено, но благодаря бесконечному многообразию и изменчивости в мире оно также бесконечно. «Становящееся конечное, в котором нет бытия, всецело подвижно и изменчиво, и, следовательно, бесконечно в силу своей интенсивной деятельности и многообразия». [4] Таким образом, здесь Шлегель приходит к известному положению романтического мировоззрения: бесконечное в конечном. Он считает, что философия должна освобождать от видимости конечного и учить постигать бесконечное в конечном. Человека постоянно сопровождает противоречие:

чувство своей ограниченности и в то же время бесконечности своего *я*. Объясняется это тем, что «мы являемся лишь частью самих себя. Это прямо привело к вере в некое *ты*, не как нечто противоположное *я* и сходное с ним..., но вообще как некое *противо-я*, и с этим необходимо соединяется вера в *пра-я*. ...Наше *я*, рассматриваемое философски, соотносится с *пра-я* и с *противо-я*; оно одновременно есть некое *ты, он, мы*». [5] Здесь Шлегель обосновывает представление о бесконечности *я*. Такая теоретическая конструкция полностью отрицает существование какого-либо внешнего *не-я*, так как все содержится в *я*. Внешние вещи рассматриваются как *противо-я*, как некое *ты*, именно это дано нам в созерцании. Они живые и несут на себе отпечаток бесконечности. Внешние предметы не являются совершенно отличными от нас, они есть родственное нам *ты*. В облике предметов нам при внимательном взгляде на них открывается естественный язык, на котором вещи нам транслируют свою истинную, высшую суть. В своем стремлении к пониманию мы стремимся к общению с *противо-я* (с *ты*). Поэтому любое размышление можно считать общением между нашим *я* и бесконечным *я*. Внутренний смысл каждого предмета воспринимается непосредственно: *ты* открывает *я* свою сущность в тот момент, когда ее открывает для себя *я*. Происходит любовное единение *я* и *ты*. Взаимосвязь воспринимающего *я* и воспринятого *я* и есть любовь. «...без любви нет смысла, смысл, понимание основываются на любви». [6] *Пра-я* является высшим и всеохватывающим, а *я* — производное от него. Так как *я* бесконечно, то становление в мире — это становление *я*. «Следовательно, мир — это бесконечное *я* в становлении..., это как бы становящееся Божество». [7] Идею становления Шлегель считает подлинным основанием идеализма.

Шлегель различает разум (страдательное мышление) и ум (свободное мышление). Разум связан с созерцанием, он подчинен законам вещей, тогда как ум деятелен и свободен. Важнейшей способностью свободного мышления является воображение. Воображение произвольно и возникающие в нем внутренние представления не связаны с законами вещей, т. е. абсолютно свободны от объективного мира. Если под *я* мы понимаем бесконечное *я*, включающее в себя производное *я*, то его свободой является «способность как угодно расширяться и сужаться». «Влечение, неопределенное устремление в бесконечность во все стороны и во всех направлениях представляет собой расширение *я*, а утрата и обретение в воспоминании — опять-таки упомянутое расширение и сужение». [8] Способность расширения и сужения представляет собой воображение. Оно может расширить мысль до бесконечности и сузить бесконечное многообразие до одного понятия. Таким образом, в понятии бесконечное многообразие и полнота соединяются с единством. Воображение является основным источником способности поэтического творчества и ума. Творчество есть способность творить бесконечное многообразие и полноту мира, а ум их сводит в единство. Ум выражает бесконечную полноту жизни в понятии. Отсюда, существенное в понятии — это единство, которое охватывает и содержит эту полноту. Только это делает понятия живыми.

Теперь рассмотрим другой упомянутый вид продуктивной деятельности *я* — поэтическое творчество. Поэтическое творчество — это «мгновенное творение духа, так сказать творение из ничего, и это чувствование, это мгновенное творческое прикосновение и схватывание духа, смысла, значения». [9] Возможность творить из ничего имеет место в духовном созерцании. Оно является единственным творческим началом в сознании. Духовным созерцанием можно назвать непосредственное восприятие внутреннего смысла, когда *я* становится *ты*. При созерцании прекрасного

активным является воображение созерцающего и само созерцаемое. Схваченный смысл существует только при его схватывании, происходит одновременное создание созерцаемого и созерцающего. Воображение всегда сопродуктивно в духовном созерцании, поэтому оно всегда имеет отношение к чувству и любви. Духовное созерцание соотносится с сущностью красоты, поэтому его также называют эстетическим созерцанием. Шлегель считает неверным полагать красоту в форме и облике и ограничивать круг прекрасного. Прекрасно то, что имеет отношение к бесконечному и божественному, это духовное значение предметов, оно есть во всем, если суметь его распознать. «Прекрасное – это нечто, проистекающее из любящей души созерцающего, это содержание чувства или созерцания, ставшего благодаря чувству духовным». [10]

Значительное место в человеческом познании занимает предчувствие бесконечной полноты, которое является всеобщим началом чувства и духовного созерцания. В тесной связи с ней, следовательно, находится и поэтическое творчество. «То, что открывает нам глаза, так, что мы воспринимаем значение созерцаемого, – это предчувствие бесконечной полноты». [11] Понятие бесконечного единства является одновременно мыслью и чувством. Если это понятие приложить к вещи, то мы получим понятие конечного единства, согласно которому вещь обособлена, но едина. Бесконечная полнота и бесконечное единство принадлежат двум различным способностям (творчеству и уму, соответственно). Предчувствие бесконечной полноты и воспоминание о бесконечном единстве совмещает в себе любовь. Все сливается в любви и все можно из нее вывести. С чувством любви у Шлегеля совпадает чувство прекрасного. Познавательным источником бесконечного единства является воспоминание, а бесконечной полноты – предчувствие. Из них достоверным является только воспоминание и его предмет – единство, а бесконечная полнота познается недостоверно через духовное созерцание, поэтому здесь мы можем говорить только о предчувствии. Воспоминание – это обретение утраченной самости, которое предполагает выход из себя. Воспоминание осуществляется через утрату и обретение. Хотелось бы отметить, что Шлегель считает сущностью своей философии бесконечную полноту, а не бесконечное единство, которое большинство философов принимают за единственное истинное первоначало. «Бесконечная полнота – это самое существенное в свободе я (Ichheit) и становящейся природы». [12] Таким образом, главным понятием является бесконечная полнота, а бесконечное единство необходимое, но подчиненное ей условие.

Особой формой сознания, которая выводит нас за пределы нашего я в бесконечное я, является вдохновение. Вдохновение Шлегель называет чувством бесконечного. Это выход за пределы себя, возвышение над самим собой, когда как будто чужое я входит в наше я, и нам открывается бесконечность. Это доказывает, что человеческое сознание связано с божественным. Преодоление личности как границы сознания происходит так же в чувстве прекрасного, в любви. «Мысль о бесконечном единстве снимает всякое разделение и различие, а тем самым и всякую личность, и если это единство приводит нас туда, где больше нет разделения, то бесконечная полнота погружает нас в состояние, где воссоединяется все разделенное, где все смешано и связано». [13]

В теории сознания Шлегель рассматривает основные способности сознания человека и в заключении приходит к выводу что чувство, воспоминание, предчувствие связывает и сочетает воедино ум. Они являются продуктивными способностями, так как порождают нечто новое. Ум придает им форму и приводит к совер-

шенству. Ум находится в связи как с бесконечным единством, так и с бесконечной полнотой, поэтому способен устранить недостаточность и разорванность человеческого сознания. Он приводит полноту к единству, а единство расширяет до полноты. Ум — это понятие *я* мира. Мир с точки зрения Шлегеля представляет собой бесконечную полноту, находящуюся в становлении, которая одна и едина, поэтому одновременно и есть бесконечное единство. «Цель ума — воззрение на мир, мировая мудрость, одним словом, история, поскольку история охватывает все становление, и, подобно тому как с этой высшей точки зрения существует лишь одно становление, существует только одна история...» [14] Ум выходит из понятия *я*, из свободы, и ведет его к совершенству, т. е. опять к свободе, так как только целое свободно. Это требует от нас рассмотрения отношений части (человека) и целого (мира).

Итак, мировое *я* можно охарактеризовать понятиями свободы и становления, которые снимают абсолютную противоположность конечного и бесконечного. В становлении главным является понятие развития. Достигнув своей цели, становление или переходит к своей противоположности, или возвращается к своему началу, но уже измененному. Шлегель называет это метафизическим законом. Как возможно сочетание свободы и закона, противоположности и единства в мировом *я*? Абсолютных законов и противоположностей нет, потому что свобода сама дает себе законы, а становление само порождает противоположности, т. е. законы и противоположности всегда имеют производный и подчиненный характер. Законы и противоположности преходящи на пути к цели, тогда как начало и конец всегда свобода и единство. «Ни один закон не является всецело необходимым, вообще ничто не может быть необходимым, кроме свободы; свобода — это первое и высшее, необходимость — это подчиненное». [15] Основанием же всех законов является абсолютная божественная воля, которая и есть свобода.

Человек в истории оказывается существом совершенной телесной организации, и только у него появляется духовное сознание. Всем земным созданиям присущи два влечения: к самосохранению и к обособлению, индивидуальности. У человека появляется третье более высокое влечение — томление по утраченной свободе. Оно противоположно первым двум и проявляется при их преодолении. Шлегель связывает цель человека именно с его способностью перейти в мир божественной свободы. Поэтому он многократно повторяет, что свобода является сущностью человека. «Свобода человека — это его способность по отношению к миру, и основной вопрос в этом исследовании: есть ли у человека способность воздействовать на мир или нет?» [16] Так как мир мыслится как бесконечное *я* в становлении, то о свободе говорить можно. Человек принадлежит миру и активно вторгается в него, однако способность воздействовать на мир, формировать и завершать его присуща, главным образом, человечеству в целом, а не отдельному человеку. В связи с общим назначением к восстановлению свободы люди выступают как одно целое и им может быть приписана позитивная свобода. Единичный же человек в своем развитии должен преодолевать свою самость и индивидуальность, чтобы раствориться в любви и возвратиться в единство, потому что единственная возможность позитивной свободы для человека заключается в любви и общности.

В развитии истории мы обнаруживаем закономерность, но выше мы уже отмечали, что закономерность не исключает свободы, если речь идет о том, что первая подчиняется второй. Хотя абсолютных законов не существует, Шлегель признает их для всех форм и развитий, кроме первоначала. «В целом, следовательно, свобода человека обеспечена наряду со всеобщими законами истории, ибо последние не име-

ют абсолютной значимости для отдельного человека. Внутренняя же деятельность человека, не проявляющаяся внешне, стремящаяся в совсем иной мир, совершенно не связана законами земного развития. Внутренняя свобода всегда остается у человека». [17]

В лекциях по философии жизни и философии истории мы находим развитие идей, которые были обозначены в кёльнских лекциях («Развитие философии в двенадцати книгах»). Под жизнью Шлегель понимает внутреннюю духовную жизнь, т. е. она у него носит духовный и индивидуальный характер. Однако дух человека не замкнут в нем, он постоянно трансцендирует себя, стремясь к высшей жизни. «...Метафизика предстает теперь для Ф. Шлегеля как «эмпирическая наука» о внутренней духовной жизни, описывающая процесс усвоения индивидуальным духом объективной «божественной жизни». [18] Философия мыслится как путь восстановления целостного сознания, которое в то же время является ее условием. Итак, предметом философии жизни Шлегель считает внутреннюю духовную жизнь человека во всей ее полноте. Она должна познавать целостное сознание, а не отдельную его сторону. Для того чтобы выяснить, какого вида знание и в какой степени человек может достигнуть, прежде всего, надо постигнуть сознание во всей полноте его развития и способностей. Сосредоточием человеческого сознания является мыслящая душа. «В мыслящей же душе содержатся как различающий, соединяющий, умозакрывающий разум (*Verunft*), так и помышляющая, придумывающая, предчувствующая фантазия; обе способности охватываются ею, она находится между ними посередине». [19] Мыслящая душа соединяет ум и волю. Шлегель делает вывод, что у животных душа слита с телом, духов имеют двойственную природу, так как они являются духом и эфирным телом, и только человек имеет тройственную природу: дух, душа и тело. Искусство является телесно воплотившейся в слове, звуке, образе фантазией, оно присуще только человеку. Таким образом, человек единственный из всех творений наделен божественным подобием. Само сознание согласно Шлегелю четверою и включает в себя четыре способности: ум, волю, разум, фантазию. Ум противостоит воли, разум – фантазии; каждая способность идет своим путем, поэтому мы наблюдаем расколотость сознания. Внутренний раздор сознания наблюдается от его первооснов до психологической и моральной сферы. Душа человека не может сама с собой прийти к единству, а значит не может «соединиться или достигнуть гармонического согласия с тем единым Существом, которое само в себе есть полная гармония и включает в себе основу и источник единства других зависимых от него существ». [20] В отличие от других философов Шлегель единственным очевидным фактом сознания называет его раскол, обнаруживающийся во всех сферах сознания, который влечет за собой материальный раздор внешней жизни. В связи с этим, задачу философии он видит в восстановлении изначального единого и гармоничного сознания. Человек был создан бессмертным, но после грехопадения душа его поддалась порче, а тело стало тленным. С этого момента сознание человека восприняло ложное мышление, которое стало причиной духовного угасания и многочисленных заблуждений. В соответствии с четырьмя способностями сознания, имеется четыре источника заблуждения и ложного мышления: «мертвые понятия абстрактного рассудка (*Verstand*), диалектический спор разума, чисто субъективное понимание предметов обманчивой способностью воображения и абсолютная воля...» [21]. Что касается воли, то источник заблуждения заключен в самой ее форме, а именно в абсолютном волеении. В человеке оно проявляется как своенравие и упрямство, которые составляют порок человеческого характера. Но самым пороч-

ным источником абсолютное воление проявляет себя во всемирной истории, даже если его цели можно считать великими и достойными. Шлегель считает, что средство от этих источников заблуждения следует искать в интимном соединении души с Богом, который есть источник единства истины и жизни. Более всего содействующим этому соединению является не ум, а воля, и он «назвал ее, перестающую уже тогда быть абсолютной, подлинным чувством Бога в человеке». [22] В «Сигнатуре века» (1822) Шлегель пишет, как обрести единство с Богом. До сознания божества человек может возвыситься через три формы высшего чувства, обращенные в прошлое, настоящее и будущее. Соответственно, первое чувство – это воспоминание вечной любви об утраченном рае, второе – вдохновение, или воодушевление, и третье – томление по бесконечному.

На пути к абсолютному идеализму Ф. Шлегель по сути приходит к религиозной философии. В начале своего развития он испытал сильное влияние немецкого идеализма в лице Канта, и особенно Фихте. В философии Канта ему очень импонировало разделение разума и рассудка, из которого следовало то, что в разуме заложена метафизическая потребность, которая выделяла человеческое существо, наделяя его стремлением к бесконечному. Однако Кант и Фихте, по его мнению, довели философию до порога религии и остановились. Завершение философии Канта Ф. Шлегель мыслил как переход на позиции абсолютного идеализма. «Односторонности субъективного и объективного принципа он противопоставляет «целостность», заключающую в себе неразличимое единство обоих принципов». [23] Яркий пример попытки осуществить этот замысел мы находим в рассмотренных выше работах. Категорический императив Канта был так же воспринят Ф. Шлегелем, но он наполнил эту абстрактную формулу живым содержанием. Нравственным долгом для человека является возвращение к Богу, из которого он вышел. Все несчастья человека из-за оторванности от бесконечного источника. Только исполняя свой нравственный долг, человек обретает счастье, или свободу, если мыслить в терминологии Ф. Шлегеля. Это придает значение всей земной жизни человека. Подобную мысль мы встречаем у Новалиса: «Наша чистая, нравственная воля – это воля Божья. Исполняя Его волю, мы освящаем и расширяем наше собственное существование, и кажется тогда, будто мы поступаем так ради самих себя, по понуждению нашей внутренней природы». [24] Собственно, к такому выводу приходит Ф. Шлегель в «Развитии философии в двенадцати книгах» и в «Философии жизни». Согласно Шлегелю, надо искать интимного единения души с Богом. Более всего этому способствует отказ от индивидуального в пользу целого, принятие божественной воли: индивидуум преодолевает свою конечность, растворяясь в целом.

По ходу своего творческого развития философствование Ф. Шлегеля все больше окрашивалось в религиозные тона. В переходные годы (1802 – 1808) его философские искания соединяются с положительной верой, результатом чего явились рассмотренные нами работы, носящие теософский характер. Переход в 1808 году в католичество знаменует окончательное принятие Ф. Шлегелем вероучения католической церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика.: В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 2. С. 103
2. Там же. С. 125
3. Там же. С. 127

4. Там же. С. 149
5. Там же. С. 154
6. Там же. С. 160
7. Там же. С. 155
8. Там же. С. 162
9. Там же. С. 167
10. Там же. С. 161
11. Там же. С. 168
12. Там же. С. 175
13. Там же. С. 174
14. Там же. С. 179
15. Там же. С. 183
16. Там же. С. 187
17. Там же. С. 190
18. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика.: В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 32
19. Там же. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика.: В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 2. С. 339
20. Там же. С. 344
21. Там же. С. 348
22. Там же.
23. Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма: Новалис, Шлегель. М., 1978. С. 38
24. Novalis. Schriften / Hg. J. Minor. Jena, 1923. Bd 2. S. 279

В статье Криволаповой Ю. К. анализируются философские работы Ф. Шлегеля первого десятилетия XIX века, в которых антропологическая концепция немецкого романтизма обретает онтологическое основание. Вводя понятие бесконечного Я, Ф. Шлегель полагает тождество субъективного и объективного, конечного и бесконечного. Он полагает, что в основе мира лежит абсолютная божественная воля, которая есть свобода и единство. Нравственным долгом человека является возвращение к изначальному единству через преодоление своей единичности и самости, через приобщение к любви и принятие божественной воли. Только исполняя свой нравственный долг, человек обретает истинную свободу и счастье. Философия жизни Ф. Шлегеля направлена на устранение расколотости человеческого сознания и обретение истинной свободы.

This article is an attempt to analyze F. Schlegel's philosophical papers, written in the first decade of the nineteenth century where the anthropological concept of the German romanticism gains ontological reason. Introducing a notion of infinite «I» F. Schlegel supposes in identity of subjective and objective, finite and infinite. He believes that the universal foundation is the divine authority, which is also unity and freedom. Human's moral imperative is in the retreat to the primordial unity by way of overcoming one's singleness and self, through union with love and assumption of the divine will. Only fulfilling one's moral imperative a human gains genuine freedom and happiness. Schlegel's philosophy of life turn to eliminate the break off in human's mind and to acquire the genuine freedom.

Петрунин А.М.,
Военная академия войсковой ПВО ВС РФ,
старший преподаватель,
кандидат философских наук, доцент

Проблема первоначального определения философии и некоторые пути её решения

Проблема восстановления философией своего первоначального определения всегда привлекала внимание и часто обострялась. Очередное её обострение произошло в конце XX в. К этому времени накопилось достаточно много фактов, которые свидетельствовали о том, что некоторые философские школы в своей сущности противоположны, однако и та и другая считали себя философским видом знаний, а в философии постмодернизма зреют идеи своего собственного отрицания. Парадоксальность современной философии заключается в том, что она раздвояна. Возможность двойственного значения философии была не только во времена софистов Древней Греции, но и в начале нашей эры. Так, Тертуллиан в работе “К язычникам” спрашивал: “Так сколько людей носят имя философов, и однако не исполняют закона философии”? [9, с. 152–153]. Особенно нетерпима была роль философии, когда она обслуживала жестокость и несправедливость. Не должно быть одновременно философии о добре и философии о зле. На протяжении всей истории любовь к мудрости исключала зло, тиранию и войны. Восстановить первоначальное значение философии – актуальная задача.

О том, что философия находится в перманентном кризисе, доказывать не надо. Известно, что если какому-то философу удавалось отразить в своей философии наиболее значимые проблемы своей эпохи, то наступало время господства новой философии, а прежняя философия начинала переживать трудности, терять свою ценность. Так оказалась в кризисе философия Древней Греции, философия Ф. Аквинского, Г. Гегеля и др. Кажется, что нет конца этому процессу, отражающему взлёт одной философии и упадок другой. Известно, что истинные философские мысли всегда новы, свежи, желанны. Они вечны, бессмертны и, подобно новизне платья, всем подходят и никогда не изнашиваются. Думается, что и философия в XXI в. будет таковой, но для этого ей надо освободиться от двойных стандартов.

Кризисное состояние философии обусловлено сложностью понимания её предмета, который в истории развития мысли человека назывался по-разному: первоосновами, метафизикой, натурфилософией, наукой наук и др. Исходное же понимание философии было забыто. Это явилось следствием то-ли бурного развития свободомыслия и творчества, то-ли сложностью и неопределённостью самого понятия “мудрость”, требования которого сдерживали совершенство мыслительного процесса. В большей мере развивались идеи борьбы богатых и бедных, верующих и атеистов, эксплуататоров и эксплуатируемых и т. п.

Несмотря на поляризованный характер философской мысли, философы мечтали о подлинной философии, которая отражала бы человеческое совершенство в решении стоящих проблем. Но эти мысли богатым людям были не нужны, а бедным было не до них. Несмотря на все трудности, исследователи философии Платон, Аристотель, Августин, Николай из Кузы, Р. Декарт, И. Кант, Ф. Шеллинг, Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин, А. Н. Чанышев и др. мечтали о такой философии, которая имела бы своё первоначальное определение. Вместе с тем, у читателя не должно

сложиться мнение о том, что философы стремились к поиску подлинной философии, основанной на любви к мудрости. Нет, некоторые из них мечтали о том, чтобы философия стала наукой. Н. А. Бердяев в работе “Смысл творчества” подчеркнул: “Мечта новой философии – стать научной или наукообразной” [2, с. 25]. В этой связи он заметил: “Но нет в этом ничего существенно нового: это лишь модернизированное выражение старой схоластической идеи” [3, с. 29]. Сам же философ желал, чтобы философия была ближе не к науке, а к Софии и пояснил почему: “Философия – первороднее, исконнее науки, она ближе к Софии” [7, с. 27]. Философские знания должны отражать идеи, раскрывающие совершенство человека, улучшение условий его жизни. В работе “Я и мир объектов” Н. А. Бердяев отметил: “К этому стремились великие философы, философы, не порвавшие с мудростью” [4, с. 43]. А та философия, которая развивается на своей основе, постоянно испытывает кризис, следовательно, она может прекратить своё существование. В работе “Философия свободы” он подчеркнул: “Философия отвлечённая, существующая сама по себе, из себя черпающая свою мудрость, прекращает своё существование” [3, с. 40]. Нельзя смириться с попыткой рационализации, которая, набирая силу, ведёт к падению авторитета философии и её вырождению.

Философия, имея своё первоначальное определение – “любовь к мудрости”, отличается этим от всех других теоретических конструкций. Само понятие “мудрость”, выступая в роли якоря, удерживает свободомыслие и рефлексию человека в определённых границах, нарушение которых ведёт к потере философского смысла той или иной концепции. Очевидно, что название предмета не должно расходиться с его содержанием. Первоначальное значение философии не утрачено. Об этом пишут и ведущие отечественные философы П. В. Алексеев, В. В. Миронов, Т. И. Ойзерман, А. В. Панин, А. Н. Чанышев и др. Например, Т. И. Ойзерман утверждает: “Философия начинается с размышления о мудрости. В наши дни проблема мудрости сохраняет значение философской проблемы. Но было бы, очевидно, неправильно полагать, что философия сводится к исследованию или достижению мудрости” [7, с. 44]. Здесь можно согласиться с мнением философа, если понимать мудрость однозначно. И никак нельзя согласиться с ним в том плане, что понятие “мудрость” имеет бесчисленное множество видов и значений.

О неисчерпаемом значении понятия мудрости говорит и сам Теодор Ильич. Он, исследуя понятие мудрости, пишет: “Памятуя указанную выше многозначность этого слова, по-видимому, было бы разумно отказаться от определения понятия мудрости. Ведь бесчисленные значения слова “мудрость”, которые образовались исторически, но сохраняются и в наши дни и поэтому не могут быть сброшены со счетов, сделали бы всякое такое определение неудовлетворительным с историко-философской точки зрения” [7, с. 46]. Давая первое определение философии, её исследователь постепенно уходит от него к рациональному пониманию. Трансформация взглядов на философию в сторону рационального знания вызывает у других философов неудовлетворённость и некий дискомфорт. По мнению А. Н. Чанышева, в философии нашего времени “всё больше знаний, всё меньше мудрости, т. е. умения употребить эти знания не во вред, а на пользу человеку” [10, с. 231]. Очевидно, что философия без любви к мудрости теряет своё достоинство. Она просто вырождается. В совместной работе П. В. Алексеева и А. В. Панина читаем: “В последние десятилетия слово “философия” только в его буквальном переводе соотносилось с мудростью. Существо же его не принималось во внимание. Некоторые поборники философии как науки снисходительно замечали: такое значение этого термина “устарело”, оно “архаизм”, дискредитирующее

современную философскую науку” [1, с. 71].

Автор разделяет единую точку зрения П. В. Алексеева и А. В. Панина, которые говорят: “Мы, однако, не видим сколь-нибудь веских причин отказываться от давней традиции, от философии как любви к мудрости. Во-первых, в нем отражён определённый этап в развитии философии, причём – как научного знания; это “историческое” не ликвидировано последующим развитием человеческой культуры, но ассимилировано и сохранено, хотя и в несколько модифицированном виде. Во-вторых, как не только мы видим, близость философского знания к житейскому опыту, к личностному и обыденному знанию обуславливает включение в его состав также и мудрости как определённого, ценностного отношения к бытию. Может даже стоять вопрос: а не является ли мудрость, или мудрое философствование той осью координат, на которой “завязаны” все другие разновидности философских размышлений” [1, с. 72]. По мнению В. В. Миронова, утраченную традицию прежнего понимания философии следовало бы восстановить. Он пишет: “Возвращение философии к своему первоначальному определению, как нам представляется, и происходит в наше время, под давлением последствий человеческой деятельности, влияющей не только на природу, но и, прежде всего, на изменение человеческих отношений” [6, с. 80].

Мечты и мысли философов о совершенной форме философских знаний были обусловлены не только перманентным кризисом философии, но и другими причинами. Среди них главной, по-нашему мнению, было забвение и недостаточное раскрытие понятия “мудрость”. Его исследование может обусловить появление софийного знания, о котором мечтали философы.

Понятие “мудрость” – сложное. В ходе эволюции оно меняло свою форму и содержание. Поэтому неудивительно, что до сих пор нет единого мнения в ответе на вопрос: “Что такое мудрость?”. В. П. Ратников заметил: “Сами философы отвечали на него по-разному, мудрствуя каждый по-своему. С этим связано и различное понимание философии” [8, с. 14]. Нам представляется, что научное определение понятия “мудрость” имеет прямое отношение к сущности философии. Фактически оно может обусловить чисто философское направление в развитии знаний и может исключить из философии всевозможные виды теоретических конструкций, в которых отсутствует базовое понятие. Очевидно, что правильный ответ на основной вопрос философии: “Что такое мудрость?”, может обусловить возможность возвращения философии её первоначального определения.

Мы подсчитали, что количество определений мудрости приближается к двумстам. В них по-разному отражается её сущность: это то, что принимается как всегда верное (П. С. Таранов); проникновение ценностного чувства в жизнь, во всякое чувствование предмета (Н. Гартман); знание всего и обо всём (Д. А. Гусев); гармония идей с жизнью (И. А. Гончаров); всеобщий порядок, царящий во Вселенной (В. Б. Миронов); высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия (В. Н. Назаров) и др. Очевидно, что понятие мудрости сложное, в нем отражается органическое сочетание жизненного опыта и рациональных знаний, побуждающих человека к проявлению своего совершенства по отношению к себе, людям, вещам, всеобщему порядку и абсолютному смыслу бытия. Мудрость особое понятие. Оно, исключая мистические, каббалистические и др. представления, отражает человеческое совершенство. Следовательно, мудрость – это свойственный только человеку образ жизни, который характеризуется ритмичностью, повторяемостью и точностью (Вселенской), благодатью, основанной

на гармоническом отношении к природе, ладе с обществом и коллективом, диалоге с оппонентом и стремлении к соблюдению меры во всём. Опыт жизни, соединяясь со знаниями ритмов Вселенной, гармонии в природе, лада в обществе, диалога с оппонентом и меры во всём, наполняет душу, возвышает её и делает человека счастливым. Отметим, что этим определением, наиболее полно отражающим сущность мудрости, не исчерпывается вся её полнота.

Итак, для восстановления первоначального значения философии необходимы не только постановка вопроса: “Что такое мудрость?”, но и ответ на него. Полный ответ может составить основу содержания, по которому можно определить философское качество тех или иных теоретических знаний. Исследование эволюции взглядов на мудрость в истории философии и анализ определений понятия “мудрость”, позволили нам установить, что человек может проявить свою мудрость в ритмичном познании и освоении Вселенной, в жизни в гармонии с природой, в ладе с обществом, в диалоге с оппонентом, в соблюдении меры во всём. Это не весь перечень объектов, но он даёт возможность полного представления о целостности человеческой жизни, которая зависит и от объективных условий, и от субъективного фактора. Классификация и систематизация понятий мудрости позволили нам выявить ряд новых понятий и разработать самостоятельную научную форму знаний, наиболее глубоко и полно отражающую мудрость.

Мы назвали её “Системой знаний о мудрости”, исходными элементами которой являются универсалии: ритм, гармония, лад, диалог и мера. Они, являясь предельно общими понятиями, могут содержать в себе элементы других категорий. Ритму, например, могут быть подчинены следующие понятия: “начало”, “середина”, “конец”, (“утро”, “полдень”, “вечер”), “колебание”, “чередование”, “повторение”, “движение”, “время” и др.; гармонии – “целостность”, “равновесие”, “симметрия”, “покой”, “порядок”, “совершенство”, “вечность”, “красота” и т. д.; ладу – “взаимопомощь”, “солидарность”, “ответственность”, “дружба”, “долг”, “добро” и т. п.; диалогу – “равенство”, “единство”, “согласие”, “терпение”, “сострадание”, “выдержанность”, “чуткость”, “внимательность”, “убедительность”, “настойчивость”, “справедливость” и пр.; мере – “эталон”, “пример”, “образец”, “закон”, “середина”, “истина” и др. Совокупность этих категорий представляет собой некую систему, в которой одни понятия соподчинены, другие – обусловлены более широкими.

Но центральными компонентами новой системы знаний являются принципы. Они были получены на основе универсалий, отражающих различные виды мудрости. Так, на основе понятия ритма был разработан принцип “ритмичности”, гармонии – “гармоничности”, лада – “слаженности”, диалога – “диалогичности”, меры – “умеренности”. Действие этих принципов принимает всеобщий характер, так как оно распространяется на все сферы, а не только на те, из которых они были абстрагированы. Требование принципов нами были конкретизированы в пяти правилах. Первое правило определяет зависимость мудрости от органического единства знаний ритмов Вселенной и опыта их учёта в жизни. Второе правило отражает зависимость мудрости от органического единства знаний гармонии в природе и опыта сочетания господства над ней с подчинением. Третье – обуславливает проявление мудрости благодаря единству знаний о ладе в обществе и опыта жизни в ладе с ним. Четвёртое правило определяет зависимость мудрости оппонентов от единства знаний ими диалога и опыта его ведения. Пятое правило требует органического единства знаний меры и опыта соблюдения её во всём. Универсалии, подчинённые

им понятия вместе с принципами и правилами могут составить самостоятельную систему знаний, в которой более полно раскрывается сущность мудрости.

Таким образом, совокупность категорий, принципов и правил, отражающих единство жизненного опыта и рациональных знаний, необходимых для совершенного познания и преобразования мира, обуславливает рождение новой системы. Являясь логическим завершением эволюции взглядов на мудрость в истории философии, она может быть основой дальнейшего развития знаний о мудрости на более высоком научном уровне. Эта система универсальна и, не имея ни национальных, ни классовых интересов, будет способствовать восстановлению первоначального определения философии.

Научная форма организации знаний о мудрости, не отрицая рациональные виды философии, постепенно упрочивает свои позиции. Вместе с тем, некоторым философам кажется, что поиск мудрости ограничивает возможности философии. Так, например, Н. Д. Шимин явно недооценивает значение мудрости, когда говорит: “В настоящее время возрождается традиция античной философии рассматривать философское знание в качестве особого типа софийного знания, любви к мудрости. При этом подходе философия определяется как “любомудрие”. В результате философское проблемное поле сужается до анализа одной, хотя и весьма важной, проблемы, связанной с понижением мудрости, с осмыслением её роли в творческом развитии мышления, общественного интеллекта” [11, с. 213].

Понятие мудрости многогранно и задача философа состоит в том, чтобы найти элементы знаний о мудрости во всех областях, в каждом действии и тем самым расширить проблемное поле философии. Н. Кузанский в работе “Простец о мудрости” подчеркнул: “Ведь мудрость содержится во всех формах как истина в образе, и как прообраз в копии, и форма в фигуре, и точность в уподоблении” [5, с. 373]. Но если философия потеряла интерес к мудрости, то она становится теоретической конструкцией и может быть иной формой знаний. Следовательно, отношение к мудрости является тем барьером, который не каждый тип современного философского знания может преодолеть. Новая система знаний данную проблему решает самым непосредственным образом. Отметим ещё один момент. Мнение некоторых философов о том, что философия является “своеобразной игрой в бисер” (В. Г. Торосян, И. Т. Касавин), всегда напоминает, что развитие современной философии подошло к проблеме разделения её на два направления: первое могло бы составить истинно философское знание, второе – чисто теоретическое.

Итак, философии можно вернуть первоначальное определение, сделать её привлекательной и жизнеспособной. Но для этого надо по-иному подходить к её оценке. В заключение сделаем выводы.

Во-первых, проблема первоначального определения философии представлялась философам необходимой, но её решение оставалось открытым до тех пор, пока она сама не напомнила о себе.

Во-вторых, сущность философии определяется её отношением к мудрости и ответом на вопрос: “Что такое мудрость?” Исследование понятия “мудрость” позволило разработать самостоятельную систему знаний, которая создаёт более широкую базу данных, необходимых для развития философии.

В-третьих, в связи с появлением системного знания о мудрости сложились необходимые условия разделения современных философских знаний на два вида: собственно философские знания и рационально-теоретические. Рационально-теоретические знания можно было бы назвать “Основы теоретического мышления”.

Философия тем самым восстановила бы своё первоначальное определение.

Таким образом, проблема восстановления первоначального определения философии актуальна. Её могут решить только сами философы и, следовательно, поднять престиж своей профессии.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Алексеев П. В., Панин А. В. Философия – любовь к мудрости // Философия. М., 1997. С. 70–77.
- 2 Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Харьков, М., 2002. С. 15–334.
- 3 Бердяев Н. А. Философия свободы. Харьков, М., 2002. С. 27–264.
- 4 Бердяев Н. А. Дух и реальность. М., Харьков, 2003. С. 25–158.
- 5 Кузанский Н. Простец о мудрости. Кн. 1 // Соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 361–375.
- 6 Миронов В. В. Философия // Алексеев П. В. Социальная философия. М., 2003. С. 69–84.
- 7 Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М., 1982. – 301 с.
- 8 Ратников В. П. Предмет и специфика философского знания // Философия. М., 2004. С. 14–32.
- 9 Тертуллиан. Апология. М., СПб., 2004. С. 145–209.
- 10 Чанышев А. Н. Мироззрение и философия // Мысли и жизнь. Ч. 1. Уфа, 1993. С. 231.
- 11 Шимин Н. Д. Специфика философского знания // Новые идеи в философии: Актуальные проблемы научной философии: Межвуз. сб. науч. трудов (Материалы Общероссийской научной конференции. Пермь, 16–17 апреля 2003 г.): В 2 т. Пермь, 2003. Вып. 12. Т. 1. С. 212–215.

В статье анализируется актуальная проблема возвращения философии своего первоначального определения. Философские знания, быстро развиваясь, теряют связь с мудростью. В результате одни идеи противоречат другим и падает престиж философии.

Автор статьи разработал систему знаний о мудрости, на основе которой можно было бы восстановить первоначальное определение философии как любви к мудрости. Он также предлагает отделить от философии теоретические знания, не связанные с мудростью, и назвать их “Основы теоретического мышления”. Таким образом, можно было бы восстановить первоначальное определение философии и поднять её престиж.

The article is devoted to the problem of returning to philosophy its initial definition. Quickly developing philosophy knowledge loses its connection with wisdom. As a result some ideas come into contradiction with others and the value of philosophy drops.

The author of the article created the system of knowledge about wisdom, which may serve as the base for restoration of the initial definition of philosophy as love to wisdom. The author also suggested to separate theoretical knowledge not connected with wisdom from philosophy and to call this branch “The basis of theoretical thinking”, thus helping to restore the initial definition of philosophy and to raise its prestige.

Устинов О.А.,

аспирант кафедры истории и философии образования и
науки АПК и ППРО, преподаватель НОУ
«Университет Н.Нестеровой»

Проблема общественно-исторической деятельной сущности человека в работах Н.И. Бухарина начала 20-х годов

В последнее время в отечественной историко-философской науке происходят кардинальные перемены. Возвращаются не востребовавшие ранее имена, появляются новые проблемы и темы, восстанавливается связь времен. Не стала исключением и марксистская философия, по истории которой выходят новые исследования. Однако интерес к советскому марксизму развит недостаточно. Возможно, слишком еще сильны предубеждения по отношению к развитию философской мысли в нашей стране, особенно в первые годы советской власти. Центральная идея К. Маркса об общественно-исторической, деятельной сущности человека действительно оказалась недопонятой, и потому советский марксизм выглядит философией не человека, но социальных систем. Обращение к творчеству одного из самых ярких советских марксистов и теоретиков РКП (б) – Н.И. Бухарина позволяет выявить причины подобных деформаций.

В 1921 году был опубликован первый советский учебник марксистской философии Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма»¹. Принято считать, что в нем концепция материалистического понимания истории изложена в версии экономического детерминизма². Некоторыми исследователями особо выделяется момент отрицания Н.И. Бухариным субъективного фактора в истории, который принесен им в жертву объективным экономическим структурам³. Обвинения Н.И. Бухарина в отрицании активности сознания и пропаганде инвариантной схемы социального развития выдвигались еще в 1920-30-е гг. западными марксистами – Г. Лукачем и А. Грамши⁴. Данная точка зрения, однако, требует значительного уточнения.

Бухаринская «Теория исторического материализма» представляла собой первый в советской науке опыт по написанию философского учебника. Выступив с претензией на творческую разработку и популяризацию классической теории, Н.И. Бухарин не понимал еще специфики марксистского исследования и видел свою задачу в доказательстве конечной зависимости всех форм общественной жизни от материального производства (принцип материалистического монизма). Смысл новаций Н.И. Бухарина сводился к тому, чтобы разложить все процессы и явления социальной истории на материальные составляющие, используя прием «уплотнения до степени материального», и доказать неоспоримое превосходство материалистической концепции над концепцией идеалистической. Принципиальная разница между механистическим материализмом XVIII в. и «практическим материализмом» К. Маркса явно недооценивалась партийным теоретиком. Надо отметить, что содержание учебника составили дискуссии семинаров по историческому материализму в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова. Проговоренный материал был плохо продуман, обработан и скомпонован. А излишняя популяризация подчас придавала тексту налет карикатурности, что сильно затрудняло адекватную интерпретацию авторских идей. Более четко позиция Н.И. Бухарина была сформулирована в академической статье «К постановке проблем исторического материализма» (1922 г.)⁵.

Социальная концепция человека конкретно в учебнике не рассматривается, но отдельные ее элементы периодически встречаются в контексте общего изложения материалистического понимания истории. Чрезмерно упрощенный анализ социальных процессов и явлений имплицитно содержал и упрощенные выводы о человеческой сущности. Так, например, уплотнение «до степени материального» превращало человека в «живую работающую машину», «живое материальное тело». Поскольку Н.И. Бухарин не оговаривал степень своих научных абстракций, то получалось, что он действительно смотрит на людей исключительно как на элементы производства, отбрасывая все остальное как несущественное.

Раскрывая основной вопрос философии о соотношении духа и материи, Н.И. Бухарин объясняет, что первоначально существовала неживая материя, из которой в ходе истории образовалась материя живая, мыслящая. Человек является органической частью природы, его сознание всецело обусловлено строением материи: «Мыслит не пустышка, не бублик с дыркой, не «дух» без всякой материи. Мыслит человеческий мозг, часть человеческого организма, а человеческий организм есть чрезвычайно сложно организованная материя»⁶. Сознание есть особая функция высшего биологического организма, и оно никак не связано с мистическим откровением, резюмирует теоретик.

Обратим внимание, что решение основного вопроса философии ограничивается простой ссылкой на научную точку зрения. Оно неполно, прежде всего, потому, что Н.И. Бухарин совершенно не упоминает концепцию К. Маркса о развитии у человека мыслительных способностей в процессе предметно-практической деятельности. Фактически он игнорирует социальную концепцию сознания, посчитав вполне достаточными аргументы материалистов XVIII в. Комментарии к проблеме соотношения духа и материи были непродуманными. Н.И. Бухарин, конечно, не отрицал марксистской концепции сознания, отмечая в других местах учебника, что сознание и язык являются продуктами трудовой деятельности человека, и отнюдь не преследовал цели заменить материальные факторы в социальном развитии человека факторами биологическими⁷. Партийному теоретику было очевидно, что человек является общественным активно-деятельным существом, психофизиологические особенности которого формируются и развиваются в процессе предметно-практической деятельности. Социальное начало, по его мнению, преобладает в человеческой сущности над началом биологическим. Но принципиальная острота противоречия между ними сразу же отступает у Н.И. Бухарина на второй план - его совершенно не занимает вопрос о трудовом отличии человека от животного. С точки зрения материалистического монизма первоочередной задачей учебника являлся анализ социальных явлений в их конечной зависимости от явлений материальных, даже если речь шла о такой сложной проблеме, как сущность человека.

Стремление партийного теоретика полностью «очистить» социальное начало человеческой сущности от идеалистических искажений, представив его в «сухом остатке материального», заставляет думать об отрицании им самостоятельности психических реакций у человека. В этот период некоторые европейские марксисты — Э. Бем-Баверк, Л. Уорд, а в России — А.А. Богданов, отстаивали идею «психологизации» производственных отношений. Н.И. Бухарин не соглашался, что экономические основы производства являются «нижним рядом *психических* взаимодействий (здесь и далее выделено - Н.Б.)» и настаивал на противоположном: трудовое взаимодействие людей определяет их психическое взаимодействие⁸. Термин «психическое» воспринимался им почти также негативно, как термин «идеальное». Н.И. Бухарин

чрезмерно утрировал проблему, отмечая, что «физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические» надо рассматривать «как *квалификацию определенных рабочих сил общества* (психофизиологические особенности ключника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шофера, офицера и т.д.)»⁹. Психические функции предельно зависимы от трудовых операций: человек не мыслит иначе, чем действует. В подтверждение этого тезиса Н.И. Бухарин описывает конкретный процесс экономического производства, где «уплотнение до степени материального» дано в предельно концентрированном виде: «Вот вам трудовые отношения между людьми на *фабрике* /.../ они (люди – О.У.) расставлены в фабрике, как определенные *физические тела*; они находятся поэтому в *определенных физических, материальных отношениях во времени и пространстве*»¹⁰. Таким образом, межсубъектные производственные отношения Н.И. Бухарин представляет как простую «трудовую координацию» и не более того.

«Твердый костяк материального» был возвращен в определение производственных отношений, но ценой крайне опасного упрощения. Увлеченный опровержением доводов «психологистов» Н.И. Бухарин не заметил, что его изображение человека как «живой работающей машины» все более теряет условность и прочитывается в «Теории исторического материализма» буквально. Его рассуждения перекликались с вульгарными заключениями автора экстремистского проекта «новой биологии» Э.С. Енчмена, который редуцировал психическую деятельность до нескольких рефлекторных реакций. Отсюда следовал вывод, что человек, рассматриваемый как «живая машина», должен управляться некими «вождями» посредством внедрения в его сознание 15 «анализаторов» – специально разработанного поведенческого кода. Ознакомившись с учебником, Э.С. Енчмен обнаружил, что партийный теоретик, также как и он, отрицает самостоятельность психических реакций, но путается и не решается признать, что психических реакций не существует вообще¹¹. Н.И. Бухарин выступил в печати с резким опровержением подобного искажения своих взглядов на человеческую природу¹². Но он не стал подробно объяснять, чем по сути отличается в его представлении социальное начало от биологического, поскольку просто не понял дурного тона своих упрощений.

Н.И. Бухарин, конечно, не ставил задачу показать человека пассивным объектом экономики, «заводной куклой», лишенной сознания и воли к действиям. Эти имплицитные выводы были логическим следствием повсеместно используемого в «Теории исторического материализма» приема «уплотнения до степени материального», но вовсе не связанными звеньями концепции о человеке-машине. Еще менее партийный теоретик собирался характеризовать материальные структуры как независимые от общественной практики. Он подчеркивал, что производительные силы (технические орудия труда) являются искусственными «органами» человека, который активно приспосабливается к окружающей среде, подчиняя ее своим специфическим целям и задачам¹³. Однако Н.И. Бухарин не видел диссонанса между акцентированием в одном месте деятельной сущности человека и фактическим сведением ее «на нет» в другом. В главе, посвященной борьбе общества с природой, он говорит о деятельной сущности человека, но этот акцент почти сразу же пропадает, когда речь заходит об объективных экономических структурах. Подобные искажения были следствием прежней научной специализации Н.И. Бухарина, его долгих занятий политэкономией¹⁴. Свойственное экономисту рассмотрение материального производства как объективного процесса было неосторожно перенесено в сферу философских исследований, вследствие чего процесс экономического производ-

тва в «Теории исторического материализма» получился почти метафизически одушевленным. Характерно следующее высказывание Н.И. Бухарина: «...процесс общественного воспроизводства воспроизводит не только вещи, но и «живые вещи», т.е. работников определенной квалификации; он воспроизводит отношения между ними»¹⁵. Анализ конкретных экономических механизмов исключал как лишнее философское размышление о человеке — разумном и деятельном субъекте. Как экономист Н.И. Бухарин, надо сказать, органично вошел в число философов-марксистов, учитывая тот факт, что в этот период марксизм упрощенно трактовался как учение об экономических основах истории. Неслучайно классическим первоисточником, который преимущественно упоминается в «Теории исторического материализма», является «Капитал» К. Маркса, «критика новейшей политической экономии». Как справедливо указывал Г. Лукач, Н.И. Бухарин вместо того, чтобы сводить все экономические феномены к человеческому фактору, полностью растворил человеческий фактор в экономических феноменах¹⁶.

Именно стремлением выявить конкретные механизмы тех или иных социальных процессов объясняется кажущееся отрицание Н.И. Бухариным субъективного фактора в истории. Показателен в этой связи анализ в «Теории исторического материализма» проблемы социальной революции. Н.И. Бухарин исходит из того, что объективные причины революции заключаются в противоречиях, которые возникают между производительными силами и производственными отношениями. При этом субъективный фактор, каковым является практическая деятельность человека, вовсе не выводится за рамки рассмотрения проблемы, дабы не могло показаться, что «средства производства, мертвые машины, вещи, так сказать, «лезут» на людей». Н.И. Бухарин говорит: «... развитие производительных сил ставит людей в резко противоположные отношения, и конфликт между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в *конфликте между людьми, в конфликте между классами*»¹⁸. Критики учебника упускают из виду, что здесь разрабатывается экономическая схема революции. Вместе с тем Н.И. Бухарин действительно иногда акцентировал объективность социальных процессов довольно грубо, в результате чего рождались странные сентенции наподобие того, что классовая борьба является «*работающим передаточным аппаратом при переходе от одной общественной структуры к другой*»¹⁹. Но во всех этих случаях автор «Теории исторического материализма» не преследовал цель умалить субъективный фактор в истории.

В статье «К постановке проблем исторического материализма» Н.И. Бухарин однозначно выразил свое негативное отношение к «сплошной» постановке вопроса о зависимости надстроек от базиса, упомянув в качестве примера вульгарные упрощения В.М. Шулятикова и А. Элевтеропулоса²⁰. Вопрос о взаимовлиянии надстройки и базиса не является для Н.И. Бухарина по-настоящему проблемным, поскольку он изначально исходит из того, что базис влияет на надстройку, а надстройка влияет на базис. Партийному теоретику принципиально важно показать, что соотношение указанных величин в конечном итоге определяется «количеством материальной энергии, за счет которой общество живет и которая как угодно может трансформироваться в процессе общественной жизни»²¹. Принцип материалистического монизма в данном случае сформулирован партийным теоретиком достаточно корректно. Здесь при всем желании нельзя усмотреть гиперболизацию экономических факторов в ущерб фактору человеческой субъективности — совершенно иначе определен предмет исследования. Материалистический монизм также абстрактно защищает-

ся при рассмотрении соотношения надстройки и базиса в «Теории исторического материализма», когда Н.И. Бухарин пишет, что «бесконечные взаимозависимости между различными частями общества нисколько не устраняют основной /.../, самой глубокой зависимости всех общественных явлений от развития производительных сил; что множественность причин, действующих в обществе, нисколько не противоречит существованию *одной единой закономерности общественного развития*»²². Как видно, Н.И. Бухарин не внедряет в социальную теорию марксизма идею о бессубъектном экономическом развитии общества. Напротив, он пытается развивать мысль Ф. Энгельса о сложной диалектической взаимосвязи надстройки и базиса, которая, напомним, была актуализирована классиком в ответ на карикатурное изображение марксизма как примитивной детерминистской теории²³. Н.И. Бухарину были хорошо известны последние письма Ф. Энгельса с призывом к молодым марксистам интерпретировать материалистическое понимание истории, делая акцент на субъективном факторе. Неслучайно С. Коэн высказывает недоумение по поводу характеристики бухаринской версии исторического материализма как версии «жесткого экономического детерминизма»²⁴.

Н.И. Бухарин не был и не мог быть противником субъективного фактора в истории как ведущий теоретик революционной партии. В работе «Экономика переходного периода» (1920 г.) он подчеркивал, что «социализм, как организованную систему, пролетариат строит, как организованный коллективный субъект», сознательно трансформируя объективные экономические структуры в соответствии со своими потребностями²⁵. При этом Н.И. Бухарин, сам того не сознавая, склонялся уже к идеям субъективистского активизма, ни в чем не уступавшим идеалистической «теории воображения» И.Г. Фихте. В работах партийного теоретика отсутствовало ясное решение проблемы свободы и необходимости, так что очень трудно понять, что же представляет собой его концепция: «безвольное плавание по потоку истории» или «командование солдатскими массами на николаевском плацдарме» (выражение А.В. Чаянова)²⁶. Некорректно, на наш взгляд, анализировать философские взгляды автора «Теории исторического материализма» через призму какой-либо определенной концепции, будь то социальный детерминизм или субъективный активизм. Его интерпретация материалистического понимания истории представляла собой теоретическую путаницу, в ней парадоксально «сочетались» взаимоисключающие идеи.

Таким образом, первая в истории советской философии систематизация материалистического понимания истории, выполненная Н.И. Бухариным, проиллюстрировала незрелость советской марксистской мысли начала 1920-х годов. Философия К. Маркса трактовалась исключительно как учение об обществе и законах его развития и сводилась на практике к доказательству конечной материальности всех форм общественной жизни и исследованию преимущественно экономических процессов. Основным предметом изучения в работах Н.И. Бухарина начала 20-х годов являлись объективные экономические структуры, но идеи К. Маркса о деятельности сущности человека и значении субъективного фактора в истории отнюдь в них не игнорировались. Другое дело, что эти идеи не получили должного развития, не были выделены и подробно рассмотрены, как этого требовал «практический материализм» К. Маркса. Акцент на объективных факторах в процессе социального развития так или иначе сказывался на имплицитной минимизации роли сознательной предметно-практической деятельности человека. В начале 20-х гг. Н.И. Бухарин не осознавал еще принципиального значения в философии К. Маркса анализа соотношения субъективного и объективного аспектов человеческого существования. В

конечном итоге именно поэтому ему не удалось осмыслить общественную историю как *человеческую историю*, не превратив ее в историю экономических объектов, мир социальных вещей, не удалось понять социальную действительность как *человеческую действительность*, мир человека, о чем писал К. Маркс.²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М. - Пг., 1923.
2. Романенко М.В. Экономический материализм (детерминизм) // Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. М., 1999. С. 631.
3. Грецкий М.Н. Бухарин и Грамши // Философские науки. 1989. № 7. С. 96-105; Шевченко В.Н. Бухарин как теоретик исторического материализма. М., 1990.
4. Лукач Г. Рецензия на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» // Шевченко В.Н. Бухарин как теоретик исторического материализма. С. 36-49; Грамши А. Тюремные тетради В 3-х ч. М., 1991. Ч. 1. С. 149-201.
5. Бухарин Н.И. К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки) // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 39-49.
6. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 54.
7. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 235, 264.
8. Бухарин Н.И. К постановке проблем исторического материализма... С. 43.
9. Бухарин Н.И. К постановке проблем исторического материализма... С. 47.
10. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 96.
11. Енчмен Э. Теория новой биологии и марксизм. Петербург, 1923. Вып. 1. С. 62-67.
12. Бухарин Н.И. Енчмениада (к вопросу об идеологическом вырождении) // Академик Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. М., 1989. С. 191-224.
13. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 112-113, 116-129.
14. Бухарин еще до революции написал две крупные работы по политической экономии. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм. Спб., 1922; Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М., 1924.
15. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 322.
16. Лукач Г. Рецензия на книгу Н.И. Бухарина... С. 39.
17. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 299.
18. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 365.
19. Бухарин Н.И. К постановке проблем теории исторического материализма... С. 45.
20. Бухарин Н.И. К постановке проблем теории исторического материализма... С. 43.
21. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. С. 266.
22. Энгельс – Й. Блоху. 21[-22] сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. В 50 тт. М., 1965. Т. 37. С. 394-396; Энгельс – К. Шмидту. 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 414-421; Энгельс – Ф. Мерингу. 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1966. Т. 39. С. 81-86.
23. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. Пер. с англ. М.,

1988. С. 142-143.

24. Бухарин Н. Экономика переходного периода. Ч.1. Общая теория трансформационного процесса. М. , 1920. С. 58, 60.

25. Бухарин Н., Пятаков Г. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия (веселый ответ критикам «Экономики переходного периода») // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 236.

26. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 414.

В работе исследуется положение о том, что концепция материалистического понимания истории Н.И. Бухариным изложена в версии экономического детерминизма, а субъективный фактор в истории отрицается в пользу фактора объективного, а именно - экономического. Показано, что Н.И. Бухарин видел свою основную задачу в доказательстве конечной зависимости всех форм общественной жизни от материального производства.

Buharin's position of materialist conception of history given in terms of economic determinism is analysed in this paper. It is also reflected in it that N.I. Buharin negated subjective factor for the objective economic one. As his main purpose he tried to prove that all forms of social life depend on material production.

Политическая теория Реформации: Церковь и Государство

Реформация побудила людей радикально пересмотреть представления о Церкви, о государстве и об отношениях между ними. Эти события представляли собой нечто большее, чем очередную главу в древней истории борьбы между духовными и мирскими силами. Изменилась политическая ситуация, так как государство эпохи Возрождения разрушило основы феодальной системы. Светское государство, де-факто свободное от церковного контроля, создало условия для развития культуры Возрождения и возникновения независимых церквей. Церковь Средневековья не могла выдержать двустороннюю атаку светского государства извне и возросшей религиозной напряженности изнутри. С появлением Кальвинизма протестантское благочестие приобрело более воинственный характер и породило религиозную идеологию, послужившую основой для национальных движений на протяжении следующей половины века. Причиной так называемых конфессиональных войн была взаимосвязанность политических и церковно-религиозных убеждений. Государственные соображения княжеских династий, а после 1789 года и народов, естественным образом содействовали усилению обособленности различных светских государств во время их развития в пятнадцатом и шестнадцатом веках.

Церковно-политический расклад почти стабилизировался к концу шестнадцатого века, и изменялся только в периферийных государствах в результате войн семнадцатого века. В Испании монархия Габсбургов преданно служила Римской Католической церкви. Во Франции, тяготевшей к абсолютизму, католицизм стал народным исповеданием, так же как во многих землях Италии. Англия и скандинавские страны приняли епископальную форму протестантизма, вполне допускавшую союз алтаря и трона. Нидерланды представляли собой интересное зрелище, конфессионально-языковую смесь: валлонский и фламандский языки переплелись с католическим и кальвинистским исповеданиями. Противоречие между крайним кальвинистским учением о преопределении, одобренным в исповедании Дортского синода (1618—1619), и веротерпимостью внесло еще большую сложность в религиозную историю Нидерландов. Родина Эразма привнесла в современный либерализм национальную традицию терпимости. Этой традиции многим обязан Гуго Гроций, основатель просветительской теории естественного права и новой концепции международного права.

Недавние исследования выявили, что Реформация отнюдь не способствовала немедленному укреплению власти протестантских князей в их землях. Многие из них подвергали себя опасности, исповедуя новую веру, а экспроприация церковной собственности приносила больше выгоды мелким помещикам и простолюдью, потому что от 60 до 80 процентов дохода от секуляризации монастырских и церковных земель употреблялось на образование, больницы и благотворительность. В шестнадцатом веке некоторые территориальные образования даже расширили свои полномочия за счет княжеской власти. Абсолютизм развился позднее, в иных условиях.

Утверждая реформы, основанные на понимании Церкви как общины верующих, а не института с жесткой иерархической властью, реформаторы вновь подчеркнули важную роль каждого отдельного человека и оспорили притязания церковной иерархии на светскую власть. Вслед за апостолом Павлом они учили, что только Христос является истинным Главою Церкви, а все верующие являются членами Его

Тела. Эта незримая Церковь, известная только Богу, является истинною общиною верующих. Евангелие и Таинства являются признаками видимой Церкви Христовой на земле. Соратник Лютера Мартин Буцер заявил в Страсбурге в 1523 году, что в Царстве Божиим и истинной Церкви Слово Христово принимается с радостью и соблюдается с усердием. Перечень атрибутов, отличающих истинную евангельскую Церковь, Цвингли дополнил дисциплиной, а Кальвин обрядами.

Призывая людей избегать «папских собраний», Буцер заявил в Наставлении в любви, что Церковь является подлинно апостольскою, когда служители Церкви и все ее верующие имеют разум Христа (Филиппийцам 2:5) и Его Апостолов, т. е. живут в служении братьям и с любовью благотворят ближним, не обладая особым положением или властью. Так реформаторы быстро лишили Церковь законодательной функции, оспаривая существование церковной собственности, законность канонического права и политическое применение грозной власти отлучения. События предыдущего исторического периода уже поставили под сомнение законность политической деятельности папы, однако теперь реформаторы еще больше подорвали папскую власть, противостоявшую мирским правителям. Политические интриги Ватикана ставили под сомнение духовную миссию Церкви и порождали враждебность по отношению к Церкви, что стало вполне очевидно в шестнадцатом веке.

Лютер оставил открытым вопрос о внутреннем церковном устройстве, подвесив его между идеалами конгрегационалистов и управлением совета или консистории. Служитель принимает свое призвание к служению проповеди и Таинств от христианской общины. Лютер ставил в пример самого апостола Павла и настаивал, что «человеку, которому вверено служение проповедника, вверено наивысшее в Церкви Христовой служение». В 1520 году он писал: «Если вынудить их (духовенство) признать, что все мы, крестившиеся, — в равной степени священники, каковыми мы и являемся, и что им лишь вверено служение с нашего согласия, то они вскоре осознали бы, что могут править нами ровно настолько, насколько мы добровольно согласны»¹. Кальвин также полагал служение задачей первостепенной важности в Церкви, поскольку Бог использует служителей в качестве орудий совершения своих трудов. Обратное течение в сторону высокого клерикализма и бюрократизации возникло достаточно рано. Меланхтон и Озиандер пытались усложнить требования для посвящения в духовенство, заявляя, что служитель призван к особой святости в жизни. Приступая к обязанностям руководителя, Лютер испытывал гораздо больше угрызений совести, чем молодые «христиане, облеченные властью».

Цвингли подвели его патриотизм и личная зависимость, из-за чего он сделал больше уступок государственной церкви, чем прочие крупные реформаторы. Однако недавние исследования доказывают несправедливость традиционных обвинений Цвингли в потворстве теократии и слиянию церкви и государства. Кальвин стремился установить форму церковного управления по новозаветным принципам и создал организацию, которая, несмотря на слияние церкви с государством в Женеве, привела в крупных государствах к подлинной церковной независимости. Анабаптисты составляли в вопросах экклезиологии меньшинство. Они утверждали, что видимая Церковь должна быть освященным сообществом, отделенным от государства и уклоняющимся от клятв. Многие служители Англиканской церкви называли ее вселенской Церковью в Англии, так что, вопреки очевидному присутствию национального элемента, идея христианского мира сохранилась в Англии на протяжении шестнадцатого столетия.

В своем новом понимании христианского призвания реформаторы преодо-

лели средневековый дуализм священного и светского призваний. Естественная деятельность перестала для них быть деятельностью низшего порядка по отношению к духовному труду. Божие величие проявляется в сотворенном мире, в котором, согласно Божью установлению, существует правительство. В своих четких представлениях о свойствах Бога видели зависимость правительства от воли и суда Божиих, «царством Божией левой руки». Они не могли представить себе государство отделенным от «естественного закона», т.е. свободным от этических ограничений. Реформаторы, и особенно Кальвин, стремились воздействовать на совесть правителей. Они включили в обязанности правительства заботу о социальном благополучии и образовании, закрепив тем самым тенденцию, которая повсеместно наблюдалась уже в предыдущие столетия. Правители должны поступать как христиане, несмотря на то, что их власть, конечно же, основана на естественном праве, установленном Богом, а не на церковной принадлежности.

В соответствии с Христовым повелением «отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу», реформаторы настаивали на полном разделении между светской и духовной властями. Протестантские страны оказались увлечены всеобщей тенденцией к политическому сплочению по территориальному или национальному признаку. Особенно после восстаний и религиозных войн люди ощутили потребность в централизации власти и сильном государстве. Переход от различия светской и духовной властей к наиболее активно отстаиваемому небольшими сектами и нонконформистами принципу отделения церкви от государства произошел только в последующих столетиях.

Религиозный плюрализм оказал раскрепощающее воздействие на общество. Протестантские и католические меньшинства следовали библейскому повелению слушаться Бога больше, чем человека. Требование действовать согласно личной совести является утверждением, обладающим взрывным потенциалом. Вера в Царя царей ставит в должное положение земных правителей. Жесткая критика Лютера в адрес князей обрела в последующие века благодарных читателей. Кальвинистский акцент на предопределении и учении о завете (утверждении о существовании соглашения между Богом и человеком, заключенного при сотворении, в котором оговорены обязанности каждой из сторон) производило разрушительное действие, поскольку вера в личную избранность отнюдь не порождает смиренного мышления.

Реформационная мысль внесла несколько основополагающих элементов в утверждение представительного правления и демократических институтов. Представление о священстве всех верующих было антииерархично по своей сути и разрушительно для пирамидальной политической структуры. Существует взаимосвязь между конгрегационализмом и демократическими идеалами. Как однажды заявил Джон Нокс: «Лишите нас свободы собрания, и вы лишите нас Евангелия». Кальвинистская идея завета, а также акцентирование естественного права в качестве законодательной основы способствовали возникновению представления об общественном договоре. Учение о призвании способствовало возникновению типа трудолюбивого и самостоятельного гражданина, который полезен в любом государстве и совершенно необходим в демократическом обществе. Кальвин окончил последнее издание Наставления в христианской вере такими словами: «А для того чтобы нам не смущаться сердцем, Павел ободряет нас еще одним утверждением, что Христос искупил нас огромною ценою, чтобы мы уже не зависели от похотей развращенных людей, и тем более не были рабами их нечестия»².

Нетрудно нарисовать себе образ хорошего протестанта-мирянина, обладаю-

шего качествами, присущими идеальному республиканцу, что мы здесь и сделали. По словам Джеймса Рассела Лоуэлла, «Пуританство быстро восприняло семя религиозной свободы и, само того не сознавая, снесло яйцо демократии». Однако чтобы объективно представить тезис о протестантской демократии, необходимо указать, по меньшей мере, еще три важных соображения.

Во-первых, для изменения политической системы кроме идеи требуется наличие социально-экономических факторов. Гёте заметил: «Мысли уживаются по соседству, но вещи сталкиваются в пространстве». Общественные процессы начали успешно развиваться, только когда конкретные обстоятельства вызвали недовольство монархией. Подлинно революционный прорыв, в результате которого в Европе была разрушена старая религиозная и политическая власть, произошел под предводительством «просвещенных» лидеров в конце восемнадцатого века во Франции, номинально католической стране.

Во-вторых, свой весомый вклад в возникновение представления о естественном праве и теории общественного договора внесли также и католические мыслители. Св. Роберто Франческо Беллармино сформулировал теорию общественного договора, антимонархическую, по сути, и отражавшую взгляды итальянской церкви. Участвуя в ожесточенном противостоянии с антипапской Венецией и беспокоясь о слабости католиков в Англии, Беллармино строил свои доводы на заключениях Фомы Аквинского и утверждал, что папа, как верховный духовный судья на земле, обладает косвенной властью над светскими правителями. Более того, он заявлял, что мирские правители получили свою власть от общества посредством общественного договора. Потому папа вправе смещать правителя и освобождать народ от подданства в случае нарушения правителем своего долга. Испанский иезуит и автор подробной истории Испании Хуан де Мариана отстаивал смещение и казнь тиранов в своей работе «О короле и институте королевской власти», написанной им как «зеркало для князей» в назидание королям будущего. Книга подняла во Франции такую бурю, что генерал иезуитов был вынужден запретить членам своего ордена проповедовать законность убийства деспотов.

Франсиско Суарес присоединился к иезуитам в 1564 году и отличился не только как философ-схоласт, но и как политический теоретик. В своем трактате «О законах и Боге Законодателе» Суарес утверждал, что папа, как духовный глава семьи христианских народов, является законным представителем всех этих народов. Таким образом, папа обладает косвенной властью наблюдать за духовным состоянием мирских правителей. Государство основано на добровольном соглашении глав семей, ибо общественная власть действительна внутри общественной группы. Поскольку политическая власть принадлежит обществу, то ни одна политическая система не может быть абсолютной или неизменной. Потому государственная власть основана на естественном праве и подлежит изменению в случае несоответствия своему предназначению.

В-третьих, некоторые доктрины естественного права, концепция международного права и идея терпимости были рождены секуляризованной, а не теологической мыслью. Предложенная Суаресом доктрина естественного права отделила политику от теологии. Хотя его намерение заключалось в утверждении папской позиции, доктрина во многом напоминала идеи нидерландских кальвинистов Йоханнеса Алтузия и Гюго Гротия. Алтузий продолжал мысль французских кальвинистов-антироялистов. Он связывал естественное право с законом Моисеевым, хотя его политическая теория логически зависела от основополагающей идеи общественного

договора. Люди естественным образом объединяются в группы, и верховная власть является неотъемлемой принадлежностью народа как человеческого сообщества. Ради эффективного руководства общими делами, общество вручает власть правителям. Однако, нарушая свой долг, они лишаются власти, которая в результате возвращается к народу.

В некотором отношении Гротий был очень традиционен и наполнил свое понимание естественного права крепким вином древности: справедливостью, доброй верой и священностью заветов. Определение естественного права, предложенное им в своей книге «О законе войны и мира», отнюдь не было революционным: «Законы природы продиктованы здравым смыслом, который указывает на то, что поступок заключает в себе нравственное основание или моральную необходимость, определяемые его согласованностью или несогласованностью с естественным разумом, исходя из чего, такой поступок либо запрещен, либо предписан создателем естества, Богом».

Его методология имела огромное значение, обращение к здравому смыслу предполагало тот вид рационального мышления, который его современники считали научным методом выработки положений, регулирующих политическую систему государства, его законодательство и законы, регулирующие международные отношения. Система Гротия не была обусловлена теологическими предпосылками, однако это не означает, что он не руководствовался религиозными соображениями. Он представлял собою продукт гибкого и терпимого христианского гуманизма, традиционного для его родины.

Комментируя успех тоталитаризма в двадцатом веке, известный Кембриджский историк Герберт Баттерфилд взял на себя смелость заявить в своей работе «Свобода в современном мире»: «Поскольку христианство не может отказаться от основополагающего принципа свободы — права поклоняться истинному Богу даже вопреки требованиям большинства в данном обществе, — то, в результате наблюдения за развитием мира, напрашивается вывод, что ни одно обоснование свободы и индивидуализма не устоит, кроме религиозного».³

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мартин Лютер, О вавилонском пленении церкви. Санкт-Петербург. 1997. стр. 39

2. Жан Кальвин, Наставление в христианской вере. Филадельфия. 1936. том 2, кн. 4, гл. 20, стр. 806.

3. Герберт Баттерфилд, Свобода в современном мире. Торонто. 1952. стр. 8

В статье Юрьева К. Л. рассматривается влияние немецкой реформации на развитие отношений между государством и церковью после слома феодальной системы, генезис политических взглядов от конфессиональных войн, в которых существовала взаимосвязанность политических и церковно-религиозных убеждений к появлению теории естественного права Гуго Гроция, в которой политика отделена от теологии. В своем новом понимании христианского призвания реформаторы преодолели средневековый дуализм священного и светского призваний. Естественная деятельность перестала для них быть деятельностью низшего порядка по отношению к духовному труду. Изменилось понимание правительства: люди естественным образом объединяются в группы, и верховная власть является неотъемлемой принадлежностью народа как человеческого сообщества.

In article influence German Reformation development of attitudes between the state and church after demolition of feudal system, genesis of political views from religious wars in which there was a coherence political and religious beliefs to occurrence of the theory of natural right Hugo Grotius in which the policy is separated from theology is considered. In the new understanding of a Christian calling reformers have overcome medieval dualism of sacred and secular callings. Natural activity has ceased to be for them activity of the lowest order in relation to spiritual work. The understanding of the government has changed: people are naturally united in groups, and the Supreme authority is the integral accessory of people as human community.

Макеева Е.А.,
кафедра конституционного права
юридического факультета МГОУ,
старший преподаватель, к. филос. н.

Специфика правовой аргументации в различных правовых системах

Общеизвестно, что различным политическим обществам, различным странам и даже различным историческим эпохам присущи различные правовые системы со своими особыми базовыми принципами, юридическими концепциями и категориями, со своими особыми построениями, исполнением и назначением правовых норм.

Под правовой системой понимается вся правовая структура страны, правовая организация всего общества, складывающаяся из совокупности всех юридических средств, институтов и учреждений, функционирующих в его пределах. Это не только нормы права, но и правовая идеология, правосознание, правовая культура, правовая практика и т.п.. Выделяют романо-германскую систему, систему общего права, систему коллективистского права, систему исламского права, докапиталистические системы обычного права¹.

Попытаемся обнаружить универсальность и специфику правовой аргументации в каждой из названных правовых систем.

1. Романо-германская правовая система относится к семье нормативно-законодательных систем континентальной Европы. Она возникла примерно с XII в. в процессе развития, совершенствования и существенного обогащения римского права за счёт таких источников как, например, германские обычаи, исследования средневековых теологов, достижение философии естественного права.

Правовая аргументация романо-германской системы права характеризуется общей правовой концептуальностью и юридической техникой: явное сходство основных юридических понятий, почти полное совпадение в иерархии различных источников права, одна и та же структура отраслей права.

В процессе формирования и развития романо-германского права исходит не из конкретных спорных дел или случаев, а из определения «общих принципов» и правовых доктрин, на основе которых не только создаются те или иные нормы права, но и решаются конкретные дела².

Среди отличительных черт романо-германского права следует указать на особую значимость закона в системе источников права.

Отмечаю данную особенность, исследователь романо-германского права справедливо акцентирует внимание на том, что в современных условиях в странах, правовые системы которых относятся к рассматриваемой правовой семье, как правило, считается, что для юриста «лучшим способом установления справедливого, соответствующего праву решения» является обращение именно к закону³.

Гносеологическая специфика правовой аргументации этой правовой системы напрямую связана также с систематизацией и обобщением, осуществляемыми в строгом соответствии с доктриной, направлена на познавательно-ценностное толкование, объяснение законодательных или административных формулировок.

2. Англо-саксонская правовая система общего права является одной из самых распространенных старейших и влиятельных правовых систем современного мира. По своим основным параметрам, включая географические, культурные, историчес-

кие и иные факторы, наконец, по степени своего влияния на другие правовые системы данная правовая семья по общему признанию исследователей может сравниться лишь со старейшей правовой семьёй – системой романо-германского права⁴.

Данная правовая аргументация существенно отличается от романо-германской. Королевские суды создали право, где ключевую роль играли судебная практика и вопросы процедуры. Это право вырабатывалось судьями в результате свободного приспособления и толкования прежних обычаев, нормы права устанавливались в связи с процессами, возбуждавшимися истцами. В правовой аргументации упор делается на преобладание роли судебной практики и неписаной нормы права, сосредоточенное скорее на ходе судебного процесса, судебной процедуре и представлении доказательств, чем на логическом поиске путей разрешения споров.

3. Система коллективистского права – это особая система права, появившаяся после великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Система коллективистского права применялась в СССР на протяжении большей части XX в., а после Второй мировой войны распространилась на социалистические, народные или демократические республики Центральной Европы. В конце 80-х годов эти политические режимы рухнули, однако, в ряде неевропейских стран ещё действует право, проникнутое коллективистским духом, пусть даже с некоторыми изменениями.

Познавательная специфика правовой аргументации системы коллективистского права заключается в её предназначении. Правовая аргументация коллективистского права рассматривается как инструмент экономической организации общества и воспитания граждан.

4. Система исламского права представляет собой наиболее яркую познавательную иллюстрацию религиозного права. Будучи правом теократических политических режимов, исламское право является неотъемлемой частью исламской религии. Коран, священная книга мусульман, является ценностным фундаментом мусульманского права, основным законодательным источником.

Ценностная сущность правовой аргументации исламского права проявляется в преобладающей ориентации на определение обязанностей верующего и гражданина при второстепенном значении признаваемых за гражданином социальных прерогатив.

5. Докапиталистические системы обычного права. Пример – индуистское право. Правовая аргументация традиционного индуистского права основана на первоочередном значении Дхармы (свода правовых норм, перемешанных с религиозными обычаями и нормами) и обычаев при вспомогательной функции законодательства и судебной практики.

Знакомство с правовой аргументацией различных правовых систем позволяет сделать вывод о том, что не существует единого познавательного вида правовой аргументации. Правовая аргументация – это не единая абстрактная модель, данная раз и навсегда, а множество разнообразных форм, напрямую зависящих, главным образом, от ценностных компонентов правовых систем, познавательной спецификации юридической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сандевуар П. Введение в право. М.: Прогресс, 1994. С. 70
2. David R. English Law and French Law. L., 1980. P. 56-84
3. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2005. С. 247.
4. Cruz P.A. Modern Approach to Comparative Law. Boston, 1993. P. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

Дырин А.И., Кафедре философии МГОУ - 75 лет!.....	5
--	---

Раздел 1.

Проблемы социальной философии и философской проблематики социогуманитарных наук

Аверьянова Г.Н., Сущность социализации через образование.....	9
Алдошина М.И., Философский контекст этноэстетического развития личности будущего преподавателя в университете.....	15
Вишневская С.Н., Регуляризация обмена деятельностью в контексте генезиса цивилизации.....	20
Гольшева О.А., Проблемы гуманизации и гуманитаризации современного российского образования.....	26
Дауэ Е.С., Электронная коммерция B2G в России.....	33
Золотовский Ю.Л., Славянофильство как основа цивилизационного развития в имперской России.....	40
Купчин Н.Н., Политическое лидерство: ценностные и технологические критерии.....	48
Лубнин Д.А., Стабильность современной России – условие для трансформации политического режима.....	54
Лысенко М.В., Последствия расширения Евросоюза для России: социально-экономический аспект.....	61
Менделев Н.Г., Развитие общинного самоуправления коренных малочисленных народов Дальнего Востока: субсидиарная модель.....	69
Муминов А.И., Религиозный фактор и проблемы национальной безопасности страны (на примере Республики Таджикистан).....	84
Ромашкин К.И., Интуиция и неявное знание в математике.....	91
Рубцова Н.Е., Методологические основания субъект-объектной классификации профессиональной деятельности.....	98
Самойленко В. В., Идеология Великой победы.....	103
Степанова К.В., Специфика влияния власти на иерархию культурных ценностей.....	114
Трипольский В.Б., К проблеме исследования духовно-нравственных качеств личности военного врача.....	120
Чиркова Н.И., Роль логических высказываний в освоении знаний школьниками.....	126

Раздел 2.

Проблемы истории философии и истории философской проблематики других наук и дисциплин

Алёхина Е.В., Смысл жизни человека как проблема антроподицеи в русской философско-богословской мысли начала XX века.....	133
Ермолаев С.А., Споры об азиатском способе производства в отечественной марксистской литературе.....	142
Иванов И.С., Теоретико-методологические подходы к исследованию проблем молодежи.....	151

Криволапова Ю.К., Искание сущности человеческого бытия на пути к абсолютному идеализму (по работам Ф. Шлегеля 1802 – 1808 гг.).....	158
Петрунин А.М., Проблема первоначального определения философии и некоторые пути её решения.....	165
Устинов О.А., Проблема общественно-исторической деятельной сущности человека в работах Н.И. Бухарина начала 20-х годов.....	171
Юрьев К.Л., Политическая теория Реформации. Церковь и Государство.....	178
Макеева Е.А., Специфика правовой аргументации в различных правовых системах.....	184

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 4 (36)

Выпуск в серии № 5

Подписано в печать: 29.11.06.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonC”.

Уч. – изд. л. 14,25. Усл.п.л. 11,75. Тираж 500 экз. Заказ № 339.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а,
т. 265-41-63, факс 265-41-62.